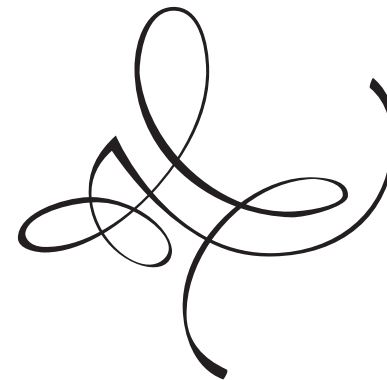

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Сборник научных трудов

ВЫПУСК 3

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

Сборник научных трудов

ВЫПУСК 3

КУРГАН 2010

УДК 41
ББК 81
Ф 94

Ф 94 Функционирование языковых единиц в синхронии и диахронии: Сборник научных трудов. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. Вып. 3. – 120 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета

В сборнике представлены статьи, посвященные теоретическим и экспериментальным исследованиям в области исторической русистики и современного состояния русского языка и его стилистики.

Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с функционированием различных ярусов русского языка в его истории и современном состоянии (лексико-фразеологический состав, фонетика, словообразование, морфология, синтаксис). Исследование ведется на текстах современной публицистики и художественной литературы, на основе архивных источников и материалов диалектологических разысканий. Содержание сборника представляет интерес для преподавателей, аспирантов и студентов, учителей школ и всех, кто интересуется вопросами русской, а шире славянской, филологии.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, научный руководитель кафедральной темы «Функционирование языковых единиц в синхронии и диахронии» **Р.П. Сысуева** (отв. редактор);

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой общего языкознания **Е.Е. Иванова;**

ISBN 978-5-4217-0042-5

© Курганский
государственный
университет, 2010
© Авторы, 2010

СЕРГЕЕВ Павел Аполлонович
(1910 – 1989)

СЛОВО О ПАВЛЕ АПОЛЛОНОВИЧЕ СЕРГЕЕВЕ

Г.Ф. Мясников

Р.П. Сысуева

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАВЛА АПОЛЛОНОВИЧА СЕРГЕЕВА (1910 – 1989)

Каждый человек – уникален, неповторим как личность. Только мы, к сожалению, не всегда замечаем это.

П.А. Сергеев резко выделялся среди нас своей увлеченностью, повышенной потребностью вникнуть во все окружающее, своей открытостью к новому. Он не был равнодушным человеком.

Он увлекался музыкой, живописью, литературой, шахматами, был выдающимся болельщиком. В несносную жару он мог пойти посмотреть, как тренируются футболисты курганской команды перед игрой с командой г. Салавата, и в сорокаградусный мороз – в валенках, в шапке с опущенными ушами – до конца досмотреть игру курганских заводских хоккеистов. Он знал в лицо всех курганских футболистов, волейболистов и баскетболистов. Следил за боксом, атлетикой, гимнастикой, хотя сам, кроме шахмат, ни во что не играл. Когда он играл в шахматы, вокруг него собирались болельщики послушать его комментарии, и не столько игра, сколько словесная дуэль составляли изюминку встречи. Увлеченность – главная черта его характера. И это проявлялось во всем, чем бы он ни занимался: читал ли лекцию, проводил ли заседание кафедры, обсуждал ли события быстротекущей нашей жизни, строил ли планы строительства будущей дачи.

Лингвистическая деятельность Павла Аполлоновича, естественно, носила отпечаток его характера. На протяжении длительной преподавательской работы он перечитал почти все лингвистические курсы. Если в учебном плане появлялся новый лингвистический предмет, Павел Аполлонович брался его разрабатывать. Он читал курсы «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Современный русский язык» (и не по аспектам, а сквозным чтением), «История русского литературного языка», «Стилистика», «Методика русского языка» и др. По его признанию, единственный курс, который он не читал, был старославянский язык. Естественно, широкий диапазон учебных курсов он осваивал фундаментально (а иначе не мог).

Он докапывался до всего с поразительной дотошностью и скрупулезностью. Сохранились научные журналы («Вопросы языкознания», «Русский язык в школе» и др.), на обложках которых записаны основные положения, оценки и выводы из проработанных им статей. Они показывают, насколько серьезно и тщательно этот труженик прорабатывал их. Широкий диапазон читаемых курсов формировал его лекторскую, преподавательскую, профессиональную энциклопедичность. Все, кто работал под его руководством, хорошо знают, что по любому вопросу языковедческой науки у него можно было получить исчерпывающую консультацию.

Главным делом своей жизни он считал преподавательскую работу, подготовку учительских кадров. И для этого не жалел ни времени, ни сил.

Подготовка к лекциям занимала у него особое место. На полях его тетрадей с лекциями по введению в языкознание, общему языкознанию, истории литературного языка, спецкурсу по истории лингвистических учений вклеены, вшиты, вложены, прибавлены, приставлены конспекты новых работ, новые мысли, новые авторы, новые подходы к тому или иному вопросу. Он считал, что члены кафедры должны знать новые работы по нашим предметам.

Павел Аполлонович требовал от студентов и учителей хороших филологических знаний, поэтому проводил многочисленные консультации и собеседования. В квартиру Павла Аполлоновича постоянно приходили студенты, очники и заочники, за консультацией к спецсеминарскому докладу или контрольной работе, за книгой для кружка по языку Чернышевского. Всем он помогал безотказно.

Павел Аполлонович не имел аспирантов. Но его увлеченность делом, лингвистикой, его своего рода подвижничество влияли на студентов, формируя их лингвистические интересы, склонности и любовь к языку.

Павел Аполлонович с большой душевной щедростью помогал нам, тогда еще очень молодым преподавателям (М.И. Корной, К.М. Медведеву, К.В. Тоцигину, В.А. Лебединской и др.). Он посещал наши занятия, доброжелательно указывая на наши промахи и по-отечески советуя, как подать материал лучше, доходчивее, снабжал нас учебно-методической литературой (ее тогда почти не было). Он был значительно старше нас, но мы как-то этого не замечали: его восприятие мира ставило нас в одни возрастные рамки. Его бескорыстная помощь в становлении нас как преподавателей – важная часть филологической деятельности П.А. Сергеева. Преподаватели кафедры охотно ходили к нему на лекции. Он обладал талантом по-своему, по-сергеевски, аранжировать лекцию, создавая ее сложное, многоступенчатое течение, в котором выделялись разные планы: для усвоения, для записи и комментирования материала. В быту отличаясь скороговоркой, к которой мы с трудом привыкали, Павел Аполлонович четко, неторопливо вел основной план передачи научной информации. Когда он переходил к комментариям, менялся темп речи, ее общий рисунок.

Важное направление его работы – постановка учебных курсов в вузе. Он активно включался в обсуждение вопросов преподавания лингвистических дисциплин в высшей школе, печатая актуальные статьи в центральных сборниках и журналах («О постановке лингвистических дисциплин в высшей школе». – Вопросы языкознания, 1956, №1; «Вопросы идейного воспитания студентов в преподавании курса «Введение в языкознание» // Из опыта преподавания русского языка и литературы в педагогическом институте, 1968; «Нужная книга» – рецензия на книгу Е.М. Галкиной-Федорук «Современный русский язык: Лексика», 1956 и др.).

Павел Аполлонович не обходил стороной и школу. Он знал всех хороших учителей-словесников, поддерживал с ними постоянную связь, читал лекции на курсах ИУУ (ныне ИПКиПРО), в местной печати затрагивал проблемы школь-

ной методики (статьи в сборниках «В помощь учителю-словеснику», 1955; «Книга о педагогическом мастерстве», 1952).

Однако главной темой Павла Аполлоновича, его любовью являлся Н.Г. Чернышевский, в котором его привлекала энциклопедичность знаний. Перу Чернышевского принадлежат высказывания по различным вопросам языка, суждения о сравнительно-историческом языкознании, актуальные статьи по вопросам искусства и литературы. Под руководством И.И. Срезневского Чернышевский работал над сбором материалов для словаря древнерусского языка, не утравшего своей значимости до сих пор. Мысли по вопросам лингвистики рассыпаны в разных работах Чернышевского, часто в мелких, не имеющих непосредственного отношения к языку. Павел Аполлонович проделал колоссальный труд по выявлению, собиранию и систематизации лингвистического материала из работ критика. Он проштудировал всех авторов, с которыми полемизировал Чернышевский, что дало Павлу Аполлоновичу возможность объективно оценивать взгляды Чернышевского на язык и различные аспекты его изучения. Монография П.А. Сергеева «Лингвистическое и методическое наследие Н.Г. Чернышевского» (Челябинск, 1975) нашла практическую реализацию в его спецкурсах «История грамматических учений», «История русского языкознания», «Лингвистические взгляды критиков-демократов», которые вызывали горячий интерес студентов на протяжении ряда лет. Своим научным трудом Павел Аполлонович устранил белые пятна в отечественном языкознании, связанные с деятельностью Чернышевского-лингвиста, и этим открыл для современников важную страницу в изучении передовой русской культуры и науки. Издана лишь первая часть исследования П.А. Сергеева. Вторая до сих пор находится в рукописи. Это вопросы сравнительно-исторического языкознания, востоковедения, русистики, лексикологии в наследии Н.Г. Чернышевского. Рукопись необходимо издать.

Немалое место в жизни П.А. Сергеева занимала «газетно-журнальная» работа. Им написаны статьи в областную газету о художниках И. Грабаре и Бронникове, о скульпторе Шадре, об истории пионерской организации и революционерах-подпольщиках г.Кургана (по просьбе Областного краеведческого музея), рецензии на сборники стихов местных поэтов. Он отлично знал свою «малую родину», любовно рассказывал о местных исторических событиях в прошлом, об истории домов и улиц Кургана.

Павел Аполлонович отличался глубокой демократичностью, удивительной общительностью, жизнелюбием и человечностью. И это наследие Павла Аполлоновича, наряду с научным и педагогическим, нам надо беречь и приумножать.

Много добрых слов мы относим и к семье П.А. Сергеева. Все три его дочери-филологи, закончившие наш институт. Несмотря на большие денежные затруднения, семья никогда не препятствовала покупке Павлом Аполлоновичем не только необходимой учебной и научной литературы по специальности, но и книг по различным вопросам культуры и искусства. За все время педагогической работы он собрал уникальную библиотеку, которая сослужила добрую службу для многих преподавателей и студентов не только нашего факультета, и

еще долго будет играть свою просветительскую роль, т.к. члены семьи передали ее в полном объеме институту, факультету.

В память о Павле Аполлоновиче на факультете проводятся научные преподавательско-студенческие «Сергеевские чтения».

Л.П. Чигасова

ПАМЯТИ ОТЦА ПАВЛА АПОЛЛОНИОВИЧА СЕРГЕЕВА

Нам, трем дочерям, посчастливилось быть детьми такого интересного человека, как Павел Аполлонович Сергеев.

Прошло 20 лет после его ухода из жизни, но до сих пор в разных жизненных ситуациях я спрашиваю себя: «А что сказал бы папа?»

Будучи всегда занят учебной и научной работой, он никогда нас специально не «воспитывал», не читал нотаций, не ругал, ничего не запрещал, а в хороших делах поддерживал и поощрял. Он не любил ябед. «Доносчику – первый кнут!» – говорил он.

Когда мы были маленькими, он рассказывал нам мифы Древней Греции, говорил о животных, используя книги Брэма, Сетон-Томпсона. Животных он очень любил. Эта любовь передалась и нам. С большой нежностью вспоминал он свою лошадь Игреньку, которую пас подростком. Часто, бывая на ипподроме, перед скачками, мы с папой заходили в стойла к лошадям. Мы гладили и угощали их, а папа беседовал с наездниками.

Когда мы стали постарше, он вовлек нас в круг своих интересов. Говорил, какие книги желательно прочесть, какую музыку послушать. Много мы и сами поняли, наблюдая за жизнью папы, слушая его разговоры с преподавателями, студентами, знакомыми. Он нас брал с собой на футбол, в спортзал «Динамо», знакомил с лучшими спортсменами, которыми восторгался и гордился (я до сих пор помню их имена). Отсюда и наша любовь к спорту. Мы выросли страстными спортивными болельщицами и принимали активное участие в спортивных соревнованиях.

Он очень любил музыку, особенно классическую (Рахманинов, Скрябин, Бетховен), пел дома и на концертах, в институте и филармонии, брал нас с собой на репетиции. Часами играл на рояле, особенно Скрябина. Под его влиянием мы обучались в музыкальной школе, пели в институтском хоре.

Папа очень любил свою малую родину, город Курган, изучал его историю, работая в архивах, встречался со старожилами. Занимаясь краеведческой работой, публиковал в газете «Красный Курган» заметки и статьи об истории города. Нас он водил по памятным местам Кургана, рассказывал, какие дома здесь стояли прежде, какие люди в них жили. Любил наблюдать, как изменяется архитектура города, посещал места нового строительства. У нас это называлось «принимать стройки».

Он был очень открытым, добрым и общительным человеком. Его интересовали самые различные люди. С папой было очень интересно. Так, воспитывая, незаметно, исподволь, папа научил нас ценить время и людей, любить труд, быть активными и равнодушными людьми.

Он был нашим Учителем жизни.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Ю.В. Владельщиков

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ В ПАМЯТНИКАХ
ЗАУРАЛЬСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII – I ПОЛ. XIX ВВ.**

(ПО ДАННЫМ ГАКО)

Имя собственное многие годы является предметом исследований лингвистов.

Предметом нашего рассмотрения являются антропонимы, представленные в деловой письменности Южного Зауралья второй половины XVIII – первых лет XIX веков: рукописные и печатные тексты Курганского городского хозяйственного управления и Курганской городской управы, церковные документы Николаевской церкви села Усть-Суерского, Богоявленской церкви села Утятского, Петропавловской церкви села Черемухова, Крестовоздвиженской церкви села Звериноголовского и Знаменской церкви села Мостовского (ГАКО, ф.8, оп.1, д.1; ф.9, оп.2, д.1; ф.13, оп.1, д.1; ф.75, оп.1, д.1, 2; ф.77, оп.1, д.1; ф.78, оп.1, д.1; ф.111, оп.1, д.1). Большинство документов написано скорописью, черными чернилами, гусиным пером, хотя есть и печатные экземпляры (в частности манифесты).

Эти документы изданы Р.П.Сысуевой, И.А. Шушариной в серии «Курганская старина»: Вып. 1, 2. – Курган: Изд-во КГУ, 2000, 2003.

Имена собственные в них не подвергались исследованию, что и обусловило их рассмотрение в нашей статье.

Тексты различных жанров, проанализированные нами, отражают: события в царской семье, военные действия за рубежом и внутри страны, документы городского хозяйственного управления (векселя, расписки, подряды, описи, планы, справки и др.) и полиции, церковные документы с описанием церковных обрядов и др. В них широко представлены антропонимы (имена, фамилии, отчества, прозвища людей) и топонимы; наименования организаций и административных учреждений.

Предмет нашего исследования – антропонимы. Так, в двухстах тридцати одном тексте двух выпусков Курганской старины мы зафиксировали 368 антропонимов (без учета их повторений), куда включаются имена лиц царского дома, святых и мучеников, лиц, упоминаемых в документах, но не связанных напрямую с Зауральем.

Личные имена. В текстах функционируют личные христианские имена в различных фонетико-словообразовательных вариантах, из них 64 – мужских имени, 16 – женских.

Среди мужских имен наиболее частотны: Иван (25 словоупотреблений), Петр (17), Михаил (16), Василий (12); Алексей (10); Андрей (10); Дмитрий (9); Никита, Степан – по 8; Гавриил (Гаврила), Федор по 7; Григорий, Семен – по 6; Егор, Сергей Яков – по 5; Афанасий, Максим, Тимофей, Филипп – по 4; Александр, Даниил, Илья, Иосиф, Матфей, Николай, Трофим – по 3; Герасим, Ефим, Иоанн, Савва – по 2. По одному разу находим имена: Алексий, Антоний, Антон, Аркадий, Ар-

сений, Артемий, Варлаам, Варнава, Денис, Долмат, Елисей, Ефтифей, Игнатий, Иоаким, Иоанникий, Ипат, Кирополит, Кирьяк, Кузьма, Ларион, Лев, Леонтий, Макарь, Павел, Панфил, Платон, Порфирий, Родион, Севастьян, Терентий. Имена Карл, Уллириан относятся к лицам неславянского происхождения. Личное имя Юрка в тексте является прозвищем человека по имени Уллириан [3].

Среди женских имен наиболее частотны имя Анна (5 словоупотреблений), затем Евдокия (4); Марья, Ирина (3); Дарья (2). По одному разу отмечены Василиса, Екатерина, Лукерья, Настасья, Наталия, Параскева, Пелагея, Ульяна, Феврония, Федосья.

По данным словаря Н.А. Петровского [5]; большинство мужских личных имен являются общеупотребительными. Устаревшие формы: *Алексий*, *Антоний*, Варлаам, Варнава, *Димитрий*, *Дмитрей*, Елисей, Иаков, *Илия*, Иоаким, Иоаникий Иоанн, *Матфей*, *Сергий*, Симеон, *Феодор*. Ряд имен имеет вариативные формы: Гаврила, Гаврил и Гаврило (Гавриил), Данила, Данило (от Даниил), Еким (от Иахим), Ипат (от Ипатий), Кирьяк (от Кириаки), Ларион (от Илларион), Митрий (от Дмитрий), Михайло (Михаил), Панфил (от Памфилий), Сава (от Савва), Савастьян (от Севастьян).

Женские личные имена употреблены в канонической форме: Анна, Василиса, Дарья, Пелагея, Ирина, Екатерина, Феврония, Наталия. Имя Параскева является устаревшей формой имени Прасковья. Разговорные и народные формы: Настасья (от Анастасия), Лукерья (от Гликерия), Федосья (от Феодосия), Марья (от Мария). Имя Евдокия фиксируется как в канонической, так и в народной форме – Авдотья.

Отчества в большинстве случаев представлены притяжательными прилагательными с суффиксами *-ев/-ов-*, *-ин-* (Иванъ савинъ Устиновъ [3; 23]; николаю алексееву сну бошняку [3; 40]; Дарьей Ивановой дочерью [4; 160]; священникъ Александръ Ивановъ Колугинъ [4; 208]). Вместе с тем есть случаи употребления отчеств с суффиксом *-ич*: Ивана *Петровича* Розинга [3; 64]; губернаторъ *Дмитрей Родионовичъ* [3; 68]; Губернаторъ и ковалеръ Денисъ *Ивановичъ* Чичеринъ [4; 151].

Фамилии. В текстах фиксируется 185 фамилий. Некоторые из них неоднократно повторяются. Одинаковые фамилии носят, как правило, члены одной семьи (Колугин, 19 носителей [4; 208 – 215]), но есть указания и на однофамильцев (фамилия Михайлов принадлежит жителям Кургана и Тобольска [3; 28, 66]). Ряд фамилий неотличим от отчеств.

Анализ фамилий, встречающихся в текстах, позволяет распределить их в соответствии с классификацией Б.О. Унбегауна [7].

Так, в текстах представлены *фамилии, произошедшие от крестильных имен разных форм* (полных и уменьшительных). Это **фамилии, образованные от полной формы крестильного имени**: Андроников, Лаврентьев, Максимова, Наумов, Романов, Семенов, Трофимова, Федоров. **Фамилии, образованные от народной формы полных вариантов крестильных имен**: Анисимов, Васильев, Власов, Евдокимов, Екимов, Еремеев, Ефимова, Лукианов – Лукьянов, Михайлов, Никитин, Никифоров, Осеев, Сидоров, Тарасов, Филатов, Филатьев.

Фамилии, образованные от уменьшительной формы крестильного имени: Абышев (вероятно, от Абаша – уменьшительное от Аввакум), Василёв (от Василь – Василий), Екимов (от Еким – Иоаким), Еманакон (от Емануил – Эммануил), Митасов (от Митя – Дмитрий или Митрофан), Михалев (от Михаль – Михаил), Осеев (от Ося – Осип), Павлуцкий (от Павлуша – Павел), Першин (от Перша – Перфилий), Селиванов (от Селиван), Степин (от Степа, Степан), Тишин (от Тиша, Тихон), Фоняков (от Фоняк, Агафон). **Фамилия с двумя патронимическими суффиксами – Ильиных.** Также фиксируются **фамилии, произошедшие от имен, не попадающих** в вышеуказанные пункты: Ермаков (от Ермак), Асламов (тюркское *аслан* – лев), Кубасов (белорусское имя Якуб), Малков (от еврейского имени Малка – царица). Фамилия Шашков Ю.А. Федосюком [8] трактуется как диалектная, происходящая от фонетического искажения уменьшительной формы имени Александр – Сашка. Всего фамилий антропонимического происхождения 41.

Двенадцать фамилий образованы от названий профессий. Красильников (красильник – маляр), Мыльников (мыльник – человек, занимающийся изготовлением и продажей мыла), Пономарев (пономарь – церковный служака, причетник), Попов (поп – священник), Протопопов (протопоп – церковный сан), Пушкарев (пушкарь – артиллерист), Росторгуев (расторгуй – торговец мелким товаром), Серебренников (серебреник – серебряных дел мастер), Смольников (смольник – человек, занимающийся добычей смолы), Стрельников (стрельник – стрелок), Холшевников (холшевник – человек, занимающийся изготовлением холстов), Черепанов (черепан – гончар).

Одиннадцать фамилий образованы от географических названий и от наименований народностей. Арзамасцов (Арзамас), Бояркин (Боярка), Борчанинов (Борское), Заборовский (за Боровском), Зырянов (зыряне – предки хантов), Колугин (Калуга), Кунгурцев (Кунгур), Москалев (москаль – москвич или русский вообще), Москвин (Москва), Черкасов (черкас – украинский казак). Очевидно, сюда же следует отнести и фамилию Шмаков, если трактовать ее от наименования ряда поселений Уральского региона (Шмаково находим в Свердловской и Курганской областях).

Фамилии, образованные от прозвищ наиболее частотны. **Двадцать одна фамилия образована от личных прозвищ:** Белоусов (двухосновное имя белые усы); Богомоллов (богомалец или двухосновное имя Бога молящий); Буров (бурый); Вараков (варакса – плохой мастер; существительное с нетипичным суффиксальным элементом *-с-*); Дурыгин (дурыга – упрямец, капризный человек; фамилия от существительного с суффиксальным *г*); Ельнишных (от прилагательного в форме Р.п. мн.ч.); Зубарев (зубарь – существительное с нетипичным суффиксальным элементом *-р-*, прозвище сладкоежки); Зудилов (зуда – надоедливый человек; бессуффиксальное существительное); Кривоногов (двухосновное имя кривые ноги); Мелков (прилагательное в И.п.); Молодых (прилагательное в форме Р.п. мн.ч.); Нагибин (бессуффиксальное существительное нагиба – человек высокого роста, постоянно нагибающийся); Полевой (прилагательное в форме И.п.); Резанов (резать или резаный); Седаков (седач или седак – се-

дой; существительное с суффиксальным -к-); Смирных (прилагательное в форме Р.п. мн.ч.); Сушков (сушка – существительное с суффиксальным -к-); Толстых (прилагательное в форме Р.п. мн.ч.); Черных (прилагательное в форме Р.п. мн.ч.); Шарашкин (шарашить – внезапно ударить); Шибаяев (шибай – драчун, буян; существительное с суффиксальным -j-, образовано от прозвища на -ай).

Одна фамилия образована от слова, обозначающего социальное положение человека: Пилигримов (пилигрим – паломник, странник, путешествующий по святым местам).

Десять фамилий образованы от названий животных: Волков (волк); Горчаков (горчак – вид рыбы), но эта же фамилия может быть отнесена и к фамилиям, образованным от ботанических терминов (горчак – род трав); Дерябин (деряба – дрозд-рябинник); Ершов (ерш); Лапин (лапа); Медведев (медведь); Мурашев (мураш – муравей); Рыбина (рыба); Соколов (сокол); Сомов (сом).

Пять фамилий образованы от ботанических терминов: Зеленцов (зеленец – зелень); Кокоринов (кочора – дерево, вывороченное с корнем); Липин (липа); Пырьев (пырей – название травы); Хворостов (хворост).

Четыре фамилии образованы от названий частей тела: Безруков (безрукий; фамилия с префиксом утраты); Зенков (зенки – зрачки, глаза); Моршинин (морщина); Шалабанов (шалабан – голова).

Две фамилии образованы от названий продуктов питания и напитков: Бардин (барда – отходы от винокуренного производства); Кашин (каша).

Три фамилии образованы от названий тканей, одежды, головных уборов, обуви: Клабуков (клобук – монашеское покрывало или плащ); Оборин (обора – тесьма, которой прикрепляются к ноге лапти); Чеботин (чеботы – вид обуви).

Семь фамилий, образованных от названий различных предметов: Бачагов (бачаг, бочаг – яма с водой, грязью); Бекреев (бекрень – бок, одна сторона); Копылов (копыл – стояк, вертикальный брус); Ослопов (ослоп – жердь, дубье); Половнев (полова – отходы от молотбы зерна); Пудовиков (пудовка – пудовая гиря); Шепелев (шепель – деревянная лопатка для очистки пеньки).

Семь фамилий образованы от названий орудий труда и домашнего обихода: Буторин (бутора – скарб, пожитки); Веревкин (веревка); Кошелев (кошель – название сумки); Тоболкин (таболка – сума, котомка); Топорков (топор); Чабарков (чабарка – чашка); Щетинин (щетина).

Две фамилии образованы от названий оружия и доспехов: Булатов (булат – сталь для клинков); Чекунов (чекан – боевой топор).

Три фамилии образованы от абстрактных существительных: Обрядов (обряд – порядок в доме); Страхов (страх); Чичерин (чичера – холодный ветер с дождем и снегом).

Шесть фамилий образованы от внутрисемейных имен, связанных с обстоятельствами рождения или воспитания ребенка: Девяшин – девятый ребенок в семье; Кокин – воспитывавшийся крестной матерью (кокой); Меньшиков – меньший ребенок в семье; Одинцов – одинокий человек или единственный ребенок в семье; Третьяков – третий ребенок в семье. Сюда же относят и фамилию Першин, если речь шла о первом рожденном ребенке.

Пять фамилий образованы от внутрисемейных охранительных имен: Злобин (охранительное имя Злоба); Невзоров (охранительное имя Невзор); Неклюдов (охранительное имя Неклюд); Некрасов (охранительное имя Некрас); сюда же может быть отнесена фамилия Соколов (охранительное имя Сокол).

Таким образом, в текстах насчитывается 74 фамилии прозвищного характера.

Отдельно отметим фамилию Бошняк. Ни у Б.О. Унбегауна [7]; ни у С.Б.Веселовского [1] эта фамилия не встречается. Остается искать похожие слова и пытаться истолковать фамилию, как произошедшую от них. В Словаре русского языка XI – XVII вв. находим слова *боиный* – совершенный, окончательный и *боишка* – десятник, надсмотрщик. И.И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» [6] приводит слово *боиный* – совершенный, конечный. В словаре В.И. Даля [2] есть наречие *боиною* – всячески, совершенно; и местное (псковское) *башиа* – барашек, овца, ягненок. Таким образом, наиболее близкое значение слова – совершенный, хотя можно рассматривать и варианты с происхождением от слова *боишка* – десятник или от самоназвания народа *боишницы* (боснийцы).

Встречаются в текстах фамилии, которые не попадают ни под один пункт нашей классификации. Это **фамилии иностранного происхождения и фамилии, происхождение которых неясно:** Акчурин, Ачигеев, Бабановский, Бычнев, Галявинский, Галяховский, Гартман, Гилев, Карагаев, Карсаков, Кишцкой, Кормин, Кропанин, Кудрицкий, Мурзинцов, Пазухин, Пеневский, Пластеев, Пролежбухов, Розинг, Саматов, Сырникова, Удников, Чертуфьев, Ширвинский, Эстке. Всего – 26 фамилий. Фамилия Рудановский является полонизированным вариантом прозвищной фамилии Рудаков (от рудый – рыжий).

Некоторые из приведенных выше фамилий рядом ученых трактуются иначе: фамилия Колугин, производимая от слова Калуга (город), по мнению Ю.А. Федосюка, должна трактоваться от слова *калуга*, означающего в говорах топкое место, или от названия ценной рыбы семейства осетровых [8]. Фамилия Неклюдов, по мнению С.Б.Веселовского, означает молчаливого, необщительного человека [1]; по мнению Ю.А.Федосюка – толстого, неуклюжего человека [8]. Слово Одинец, от которого происходит фамилия Одинцов, в словаре В.И. Даля имеет значения: бобыль; единственный сын; мужская серьга в одном ухе; старый кабан; всадник на одной лошади [2].

Анализ имен и фамилий, встречающихся в проанализированных текстах, позволяет сделать вывод о том, что на рубеже XVIII – XIX вв. в русском языке в целом, и в Зауралье в частности формируется стандартная форма антропонимов: личные имена даются по святым, приводятся в унифицированном виде. Среди фамилий преобладают производные от прозвищ и личных имен, реже – от названий профессий и топонимов. Фамилии иноязычного происхождения единичны.

Список литературы

1. Курганская старина: Материалы языка деловой письменности Южного Зауралья: Выпуск 1 / Р.П. Сысуева, И.А. Шушарина. – Курган: Изд-во КГУ, 1999. – 125с.

2. Курганская старина: Материалы Знаменской церкви села Мостовского: Монография: В 2 ч. / Р.П. Сысуева, И.А. Шушарина. – Курган: Изд-во КГУ, 2003.
3. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974. – 382с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
5. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 384с.
6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб., 1893. – Т.1.
7. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Общ. ред. Б.А. Успенского. – М.: Прогресс, 1989. – 448с.
8. Федосюк Ю.А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. – М.: Детская литература, 1972. – 223с.

Е.В. Гаева

ОБ ОПЕЧАТКАХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.С. ЛЕСКОВА

Случилось раз, что в статье было сказано: «...не удивительно, что при таком воспитании вырастают недоблуды». Лазов удивился, что это за слово? Ему объяснили, что хотели сказать «лизоблуды»; но когда вечером принесли сводку номера, то там стояло: «по ошибке напечатано: недоблуды, – должно читать: переблуды». Цензор пришел в отчаяние и совсем вычеркнул поправку, опасаясь, чтобы не напечатали чего еще худшего [12; 373].

Ох, недаром Николай Семёнович включил этот эпизод в «Печёрские антики» (1883)! Писатель столько натерпелся от наборщиков, что без эмоций и говорить о них не мог. Еще за тринадцать лет до «Печерских антиков» в письме П.К. Щербальскому (от 19 декабря 1870 г.) по поводу романа «На ножах» писатель возмущенно восклицал: *«Потом, что за корректура! В разговоре пона о травах алиела вместо омела, родилища вместо родимца... Эко толково!»* [20; 285].

Кстати, опечатки эти были исправлены только в издании 2004 года [13; 114] с указателем исправлений на страницах 798–800.

Давать список поправок – дело не просто хорошее, а великолепное. Но только проблема в том, что в настоящее время такой список в собрании сочинений Н.С. Лескова – это капля в море. Ещё немалое количество опечаток остается вне поля зрения составителей издания. Почему? Об этом чуть позднее. А сейчас пробежимся по страницам произведений Н.С. Лескова в поисках опечаток.

Хорошо известна специалистам в романе «На ножах» опечатка *козалилось*:

– Да, да, да, это казалось; а ты верно позабыл, что казалось – это прескверное слово: казалось, это козалилось, оба звери резвые и оба звери рогатые [17; 355].

Впервые она исправлена в издании 2004 года (правка в издании нигде не указана), но как-то странно:

– Да, да, да, это казалось; а ты, верно, позабыл, что казалось – это прескверное слово: казалось, это коза и лось, оба звери резвые, и оба звери рогатые [13; 193].

Вообще-то фраза *козалилось* легко разлагается на *коза ли* (= «или») *лось*, что не противоречит тексту, и, на наш взгляд, не нуждается в дополнительной корректировке, которая зачем-то здесь сделана: *коза и лось*.

В данном случае опечатка легко расшифровывается, но бывает, что приходится проводить настоящие детективные расследования.

Выражение *вириан виницейский* встречается только в рассказе «Несмертельный Голован». Лишь при обращении к «Прохладному вертограду»¹ стало понятно, чем является *вириан* на самом деле: «[...] *а два дня спустя принять зернышко или два либера антель; а иногда доброго митридату, величеством с бобово зерно или меньше, фирьяку виницейского столько же*» [26; 176].

Эпитет *виницейский* («венецианский»), встретившийся и у Н. С. Лескова, и у Флоринского, позволяет нам соотнести слово *вириан* из «Несмертельного Голована» с лексемой *фирьяк* из лечебника XVI в.

Но как же *фирьяк* оказался *вирианом*? Думается, что роль самого Н.С. Лескова в таком превращении слова минимальна, поскольку нельзя забывать, что в XIX в. у любого автора были невольные соавторы – прежде всего наборщики типографий (в некоторых случаях и переписчики), которые, встретив незнакомое слово, могли прочесть его по-своему.

Именно такой случай, как нам кажется, здесь и наблюдается: в «Прохладном вертограде» слово *фирьяк* написано через фиту – *фирьякъ*, в рукописи Н.С. Лесков, вероятно, также использовал букву *f*, которая в скорописи нередко напоминает букву «в» – «Ѡ». Наборщик, встретив непонятное слово, видимо, прочитал его по-своему, в результате чего и заменил рукописную «*f*» на «в», а уж смешение при чтении рукописных букв «к» и «н» – не редкость и в наши дни².

Если в слове *вириан* мы можем докопаться до причин опечатки, то в других случаях нам остается только констатировать или делать предположения о том, что мы видим опечатки.

С лексемами *есмирмисменный* и *дьябки* сложность в том, что мы не видели прижизненных текстов/рукописей, поэтому будем говорить только о современных публикациях.

Прилагательное *есмирмисменный* встречается в цикле сатирических рассказов «Заметки неизвестного» (рассказ «Преусиленное стеснение в темное время противное производит»):

Но как они хотели воспрепятствовать изгаге, то просили отца Павла принять известное старинное доброе средство: рюмку цельного пуншевого рому с аптечными каплями аглицкой мяты-холодянки. Отец Павел и сам знал,

¹ «Прохладный вертоград» – это вторая из медицинских рукописей, которые опубликовал в 1880 г. В.М. Флоринский в сборнике «Русские простонародные травники и лечебники: Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия» (Казань, 1879 (на обложке: 1880). Рассказ «Несмертельный Голован», напечатанный в последнем (двенадцатом) номере «Исторического вестника» за 1880 год, появился только благодаря вышедшему в этом же году сборнику В. М. Флоринского.

² Подробнее о словах *вириан* и *териак* см. в моей статье «Смертоносный пупырух» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. - М., 2005. - № 1 (19). – С. 96-107 (Под фамилией Ковалева).

что это преполозное в несварении желудка смешение всегда помогает и, в знак того, что часто заставляет отупевать боли, прозвано у духовных «есмирмисменно вино» [21; 379].

На самом деле здесь неправильно написано начало третьего слога: должно быть не *есмир*Мисменный, а *есмир*Нисменный, т.к. слово родственно с лексемой *смир*На и восходит к греч., ἑσμιρνισμένς где мы также видим букву «ню», а никак не «мю». *Есмирнисменным вином*, или *оцтом с желчью*, был напоен И.Христос на кресте.

В ошибочности лексемы *дьябки* мы не вполне уверены, но всё же, думается, что с орфографией у этого слова тоже не всё в порядке:

Но как ей у себя по-французски не с кем было разговаривать, так она начала только всем назло простые русские слова в нос пускать: простую лепешку «ланпешкой» назовет, конфетки по ее «ванпасье», и ела бы она все не русскую морковь с свекловьей, а «ванфли» да супы с дьябками [8; 68].

Как нам кажется, на самом деле здесь нужна форма *дьяб*Ди, восходящая к франц. diables («черти») и означающая «греники, посыпанные каэнским перцем» [4; 299]. Почему мы считаем, что *дьябки* и *дьябли* – одно и то же? Потому что героиня рассказа Н.С. Лескова любит «супы с дьябками» и в словаре Н.И. Епишкина в словарной статье есть цитата, где тоже встречается *суп*, точнее, *борщок с дьяблями*:

– Ну, все равно, раз уж зашли – что у вас там а-ля-карт?

– Все что угодно-с. Седло бекаса, яблоко розмарин, груша императриц, борщок с дьяблями, волован (Тэффи. Ресторанчик) [4; 299].

Следующие два написания – *бурьлье* и *воскрытие* – мы видим как в дореволюционных, так и в современных изданиях:

Сначала он [филин] низко потянул по поляне, цепляясь о сухие бурьяла черныбыла и полыни, а потом поднялся и, севши на верху стога, захохотал своим глупым и неприятным хохотом [9; 752].

Он [мотылек] сидел, высоко приподнявшись на тоненьких ножках, и то поднимал, то опускал свои крылышки, словно схимник, осеняющий воскрытиями своей мантии незамкнутую могилу [7; 475]

Ни *бурьлье*, ни *воскрытие* в словарях найти невозможно. Зато есть слова, только чуть-чуть отличающиеся от названных: *бу*Дылье («стволы крупных травянистых растений») и *воскр*Илие («подол или пола у верхней одежды»), значения которых идеально подходят к контекстам.

Объем статьи не позволяет нам продолжить описание опечаток, появившихся, скорее всего, по вине наборщиков, хотя в действительности их встречается немало.

Вторая разновидность опечаток, наблюдаемых в текстах Н.С. Лескова, – это опечатки, проникшие в тексты Николая Семеновича из источников, которыми пользовался автор. В данном случае примеров не много. Пока мы можем сказать только о таких лексемах как *спатика* и *бургиньон*.

В пятой главе «Несмертельного Голована» Н.С. Лесков, неточно цитируя «Прохладный вертоград», подробно останавливается на одном из весьма рас-

пространенных в то время способе лечения чумы – на кровопускании:

На всякое место, «где тягостно услышишь», расписано было, какую жилу отворять: «сафенову» или «против большого перста, или жилу спатику, полуматику, или жилу базику», с наказом «пущать из них кровь течи, дондеже зелена станет и переменится [19; 142].

Лексему *спатика* мы видим и в лёгшем в основу рассказа лечебнике «Прохладный вертоград»:

Аще ли болячка явится в котором нибудь месте, скоро кровь пусти в правой стороне из жилы, кою называют спатика, а в левой стороне пусти из жилы коя базика называется [26; 175].

Значение слова *спатика* так и осталось бы «тайною за семью печатями», если бы не изданный «Тобольский лечебник XVII века» [25]; содержание которого практически идентично опубликованному в 1880 г. лечебнику «Прохладный вертоград»:

Аще болячка явитца в котором ни буд месте скоро кров пусти в право' стране из жилы кою называют епатика а в лево' стране пусти из жилы кою называют базика [25; 226].

«Тобольский лечебник» дает нам написание *епатика*. Так какой же вариант верен: *спатика* или *епатика*?

В нашей статье «Смертоносный пупырух» [3]; мы подробно анализируем, какой из вариантов считать истинным, а здесь только скажем, что написание *спатика* является ошибочным, т.к. словоформа *епатика* восходит к греч.

ι («печеночная»), где первая греческая буква *η* по системе Э. Роттердамского читается как [э].

Форма *спатика* в сборнике В. М. Флоринского напечатана ошибочно, поскольку легко можно перепутать рукописную букву «е» с буквой «с»¹. Но этот неправильный вариант написания попал в рассказ Н. С. Лескова, и данная опечатка доказывает, что Н. С. Лесков в качестве источника для своего рассказа действительно использовал рукопись, подготовленную к изданию Флоринским.

Если объяснения особенностям написания формы *спатика* мы в примечаниях к тексту не найдем, то вторая опечатка – *Бургильон*, присутствующая в рассказе «Жемчужное ожерелье», – в комментариях объяснена: «Парижская фирма Бургиньон прославилась выделкой искусственного жемчуга. В первом издании книги М.И. Пыляева «Драгоценные камни» (1877) фамилия указана с ошибкой (Бургильон); в последующих изданиях ошибка исправлена» [1; 564].

Третья группа – опечатки, не являющиеся таковыми в строгом смысле, поскольку отражают особенности орфографии XIX в. Дело в том, что в текстах даже второй половины XIX века не считалось большим грехом напечатать *О* вместо исконного *А* и наоборот (*Актава*, *балОгул*, *волкОмерия*), *Е* вместо исконного *И* и наоборот (*англЕчанин*, *апИтит*, *беспрИменно*, *бабИнька*); не считалась большим грехом и вариативность на уровне согласных (*аЛЛьянс*, *аЛЛюминиевый*, *аПППорт*, *аПППробация*) и под.

¹ Неискаженная родственная форма «епатиковы» у Флоринского встречается на той же 175-й странице чуть ниже ошибочной.

В современных публикациях в прозрачных случаях правка в сторону унификации орфографии, конечно, была проведена, но иногда особенности орфографии XIX века аукаются до сих пор, например, в одном и том же издании в разных местах видим и ОнАмедни, и АнАмедни, и ОнОмедни:

Как мы с тобой онамедни за углом стояли, он после того целую ночь меня мучил: говори, пристаёт, жена, как дьякон тебе говорил: чем можно попа Ивана изнять? [16; 468]

Злою страстью обуян к переменам. Архиерей наш анамедни ему махнул: «Полагаю, говорит, ваше превосходительство, что если бы вы сами у себя под начальством находились, то вы и самого себя сменили бы?» [16; 512]

Мать. [...] Ономедни послушала их: пошла у соседей попросить, а ребяташки собаками травить стали [...] [15; 476].

Подобные варианты не единичны в современных изданиях. В одних случаях они не мешают восприятию текста, но иногда вариативность способна затемнить контекст:

У меня что-то маленькая куксится; натерла ей животик бабковой мазью, все не помогает, опять куксится. Вставайте, посмотрите ее, пожалуйста: может быть, лекарства какого-нибудь нужно [10; 259].

На первый взгляд кажется, что речь идет о мази, которую порекомендовала или дала какая-то бабка. Да вот только в «Чертовых куклах» [...] она пренаивно замахала руками и говорит: «Что вы, что вы, я папу и не люблю и не уважаю!» Я удивился и говорю: «За что же?» А она говорит: «Я к нему никак не могу привыкнуть». – «В каком смысле?» – «Я не могу переносить, для чего от него бобковой мазью пахнет» [22; 546–547]

Поэтому и в современных публикациях романа «Некуда» необходимо либо орфографию привести в норму, либо дать соответствующий комментарий о том, что *бабковая мазь* на самом деле является *бобковой мазью* – народным средством, получаемым из плодов лавра и употребляемым в виде мазей, пластырей и т.д. при болях в животе.

Очень тесно к опечаткам примыкают исправления, появившиеся в посмертных переизданиях произведений и не являющиеся авторскими. Подобные правки – варварское искажение текста, приводящее нередко к абсурдности содержания. В частности, обратите внимание на слово *имя* в отрывке из рассказа «Запечатленный ангел»:

И что были за во имя разные и Деисусы и нерукотворенный Спас с омыченными власы, и преподобные, и мученики, и апостолы, а всего дивнее многочисленные иконы с деяниями, каковые, например: Индикт, праздники, Страшный суд, Святцы, Соборы, Отечество, Шестоднев [...]»¹.

Сомнительно, что вы поняли, при чем здесь лексема *имя* да еще с предлогом *во*. И ничего удивительного: на самом деле здесь было одно слово *во́имя*:

¹ Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 4. – М., 1957. – С. 323; или: Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 1. – М., 1989. – С. 400; или: Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. – М., 1993. – С. 225.

И что были за воимя разные и Деисусы и Нерукотворенный Спас с омоченными власы, и преподобные, и мученики, и апостолы, а всего дивнее многочисленные иконы с деяниями, каковы, например, Индикт: праздники, Страшный Суд, Святыцы, Соборы, Отечество, Шестоднев [..] [18; 467].

Если б хоть один из составителей (И.З.Серман, В.Ю. Троицкий) прежде, чем править, заглянул в словарь В.И. Даля, то увидел бы там это необычное слово *воимя*. И значение его как раз для этого рассказа: «Образ, икона, изображение святого. *Эту воимя мамынька выменяла*» [2; 564]. Т.е. реально предложение начинается «*И что были за иконы (образа) разные...*», а далее идет перечисление икон, имевшихся у раскольников, но поскольку в XIX веке не принято было названия заключать в кавычки, то их просто писали с прописной буквы (и иногда выделяли другим шрифтом). Следовательно, если приводить в порядок графику, то далее нужны двоеточие и кавычки при названии каждой иконы:

И что были за воимя разные: и «Деисусы» и «Нерукотворенный Спас с омоченными власы», и преподобные, и мученики, и апостолы, а всего дивнее многочисленные иконы с деяниями, каковы, например, «Индикт: праздники», «Страшный Суд», «Святыцы», «Соборы», «Отечество», «Шестоднев» [..] [18; 467].

Кстати, в прижизненном издании название рассказа напечатано так: *Запечатленный Ангел*. Считаю, что прописная *А* в слове *ангел* не дань религиозному написанию, а признак того, что здесь название иконы, подвергшейся запечатлению («отметке печатью в знак запрета»), а потому название рассказа должно писаться следующим образом: «Запечатленный “Ангел”».

В других случаях посмертная правка приводит к потере дополнительных стилистических нюансов. Например, в прижизненной публикации рассказа «Загон» лексема *аболиционист* («стремящийся к отмене какой-либо меры или к уничтожению существующего закона, обычая и т.п.») имеет нетрадиционное написание:

Александр Яковлевич Шкот – сын «старого Шкота» (Джемса), после которого у Перовского служили Веригин и известный «аболяционист» Журавский, – многократно рассказывал, какие хлопоты перенес его отец, желая научить русских мужиков пахать землю как следует [..] [5; 105].

В современных изданиях кавычки сохранились, но несколько искаженный вариант *аболяционист* уже заменен традиционным написанием: *аболиционист*. Вообще-то любое слово, заключенное в кавычки, о чем-то должно сигнализировать. Может, о том, что данное слово недавно вошло в речь автора и он воспринимает его как нечто чуждое? Да нет. Форма *аболиционист* и раньше встречалась в произведениях Н.С. Лескова и не сопровождалась никакими кавычками:

Княгиня слыхала и про Журавского и про «самоучного мещанина Семенова», которые оба впоследствии получили у нас оригинальную известность: первый как сотрудник Сперанского по изданию законов и потом искреннейший аболиционист, а второй как самоучка-астроном [6; 186-187]

В гостях у них бывали только три человека: известный русский аболиционист Дмитрий Петрович Журавский, я и еще оригинальный, с виду совсем похожий на крестьянина человек, которого фамилия была Вигура, но все называли его «Фигура» [24; 305]

Получается, что кавычки при слове *аболиционист* в рассказе «Загон» бессмысленны. Да, если не восстановить авторскую форму *аболяционист*. Только в таком варианте, во-первых, кавычки показывают, что подобное написание – это не опечатка, а во-вторых, появляется, на наш взгляд, легкая насмешка автора над героем рассказа.

И наконец, есть просто некорректная передача авторских слов. В частности, в прижизненном издании напечатано:

Игнатий Долинский покушал спелых дынь-дубовок, лег соснуть, встал часа через два с жестокою болью и желудке, а к полуночи умер [11; 28].

В издании 1989 года видим уже форму не *дынь-дубовок*, а *дынь-дубРовок* [23; 23] (видимо, по аналогии с лексемой *дубрава*), хотя *дубовка* – это «дыня особой породы, с толстою зеленою корою в трещинах и с белым мясом» [2; 1242]. Только в полном собрании сочинений снова появляется правильное написание [14; 69].

Вернемся к вопросу, поставленному нами в начале статьи: почему немалое количество опечаток остается вне поля зрения составителей издания? Основная причина – банальное отсутствие времени у специалистов, готовящих текст к публикации. В силу напряженного графика и большого объема люди просто не в состоянии отследить и проанализировать, что они видят перед собой. Кстати, может, в немалой степени благодаря опечаткам мы какие-то словоформы ошибочно принимаем за лесковские окказионализмы? Ведь если пробежаться взглядом по произведениям Н.С. Лескова, то окажется, что в творчестве этого автора есть только три произведения, перенасыщенных авторскими неологизмами: «Левша», «Леон дворецкий сын» и «Полунощники». В остальных случаях авторские неологизмы представлены только отдельными вкраплениями.

Список литературы

1. Бухштаб Б.Я. Примечания // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т.7. – М., 1958.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. – М., 1994.
3. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2005. № 1 (19). – С. 96-107 (Под фамилией Ковалева).
4. Епишкин Н. И. Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка («Амур бонжур тужур» и другие французские слова и выражения в русском языке и речи). – Чита, 1999. – С. 299.
5. Лесков Н.С. Загон // Книжки «Недели». – 1893. – Кн. XI, ноябрь.
6. Лесков Н.С. Захудалый род // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.6. – СПб., 1890
7. Лесков Н.С. Котин доилец и Платонида // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. – СПб., 1890.
8. Лесков Н.С. Леон дворецкий сын // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 7. – М., 1958.
9. Лесков Н.С. Некуда // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. – СПб., 1889.

10. Лесков Н.С. Некуда // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 2. – М., 1956.
11. Лесков Н.С. Обойденные // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. – СПб., 1889.
12. Лесков Н.С. Печерские антики // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. – СПб., 1890.
13. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений. Т. 9. – М., 2004.
14. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений. Т. 5. – М., 1998.
15. Лесков Н.С. Расточитель // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 1. – М., 1956.
16. Лесков Н.С. Смех и горе // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 3. – М., 1957.
17. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 8. – СПб., 1889.
18. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. – СПб., 1889.
19. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. – СПб., 1889.
20. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 10. – М., 1958.
21. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 7. – М., 1958.
22. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 8. – М., 1958.
23. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 3. – М., 1989.
24. Лесков Н.С. Фигура // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. – СПб., 1889.
25. «Тобольский лечебник XVII века» / Под общей ред. Л. А. Глинкиной. – Челябинск, 2003.
26. Флоринский В.М. Русские простонародные травники и лечебники: Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. – Казань, 1879 (на обложке: 1880).

Е.В. Гаева

ЦВЕТ КАК СИМВОЛ

Фраза *сукно наваринского дыму с пламенем* не даёт покоя поклонникам Н.В.Гоголя уже не одну сотню лет. Лингвисты, литературоведы, искусствоведы ломают копыя, пытаясь выяснить, какого же цвета было любимое сукно у Чичикова.

Данное выражение рассматривается В.И. Чернышевым в статье «Темные слова в русском языке» (1935): «По одному варианту, Чичиков просит показать сукно «цветов темных, оливковых или бутылочных с искрою, приближающихся, так сказать, к бруснике» [12; 381]; по другому – Чичиков желает получить сукно «больше искрасна, не к бутылке, но к бруснике чтобы приближалось» [3; 186]. Ответ на наш вопрос дает картинка «Московского телеграфа» [10; 264]; представляющая «Парижские моды» с изображением в красках и подписью: «Мущина. Пуховая шляпа. Фрак суконный, цвета *наваринского дыма*, с стальными пуговицами». Цвет фрака на картинке – *к о - р и ч н е в ы й!* Цвет с пламенем, очевидно, обозначает более светлые оттенки» [11; 307-308].

Спустя почти пятьдесят лет искусствовед Р.М. Кирсанова предположила, что «под «наваринским» понимали сложный цвет сукон высокого качества, ко-

торый достигался блеском лицевой поверхности ткани и сочетал в себе, по крайней мере, два оттенка какого-либо колера» [5; 155]. Раиса Мардуховна склонялась «в пользу красного оттенка купленного Чичиковым сукна» [5; 156]; хотя не отрицала версии, что Н.В. Гоголь «мог сам изобрести это название, исходя из существовавших тогда приёмов образования цветообозначений» [5; 155].

Позднее Р.М. Кирсанова уже безоговорочно утверждает, что цвет *наваринского дыма с пламенем* – это «[...] плод авторской, гоголевской фантазии, средство эмоциональной и психологической характеристики персонажа [...]» [4; 184].

Ю.М. Лотман в работе «Асимметрия и диалог» это цветообозначение также называет «мнимопредметным»: «[...] никто, конечно, не видал, какого “на самом деле” цвета бедро испуганной нимфы, как выглядит упавшая в обморок лягушка, равно как Чичиков, выбирая сукно для фрака, не имел перед глазами реального дыма, поднимающегося над Наваринской бухтой [...]» [7; 591].

Так был ли такой цвет в истории моды? К сожалению, сегодня мы примерно в такой же ситуации, как и рязановский лектор в исполнении С.Филиппова: *Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – это науке неизвестно; наука ещё пока не в курсе дела*¹ (х/ф «Карнавальная ночь». 1956 г.).

Но можно повнимательнее приглядеться к той информации, что у нас есть. Итак, мы точно знаем о двух реально существовавших цветах, в названии которых фигурирует слово *наваринский*:

– цвет *наваринского дыма* – коричневый [11; 308];

– цвет *наваринского пепла* – серый–мышинный [5; 155].

Источником для наваринских цветов стало сражение, произошедшее 8 октября 1827 года в Наваринской бухте русско-английско-французского флота с турецко-египетским флотом во время Греческой национально освободительной революции (1821–1829 гг.) против турецкого ига.

Пепел действительно обычно серый, а вот коричневый дым вызывает сомнения – странно как-то представить такой дым во время сражения. Но в начале XIX века в ходу был дымный порох, который мог дать и такой цвет (в зависимости от составляющих его компонентов). Так что с сомнениями Р.М.Кирсановой о соответствии подписи рисунку² можно не согласиться: коричневый цвет сюртука на иллюстрации – это действительно цвет *наваринского дыма*.

Но в тексте гоголевской поэмы не просто цвет *наваринского дыма*, а цвет *наваринского дыму с пламенем*, а это значит, что о полном совпадении цветовой гаммы у этих двух наименований не может идти и речи. Первым это отметил еще В.И. Чернышев: «Цвет с пламенем, очевидно, обозначает более светлые оттенки» [11; 308].

Посмотрим, можно ли найти подтверждение данному предположению. Думается, лучшим судьёй здесь будет сам Н.В. Гоголь. В одной из последних глав второго тома мы видим, как Чичиков покупает сукно *наваринского дыму с пламенем*:

¹ Цитата из кинофильма «Карнавальная ночь», Мосфильм, 1956г., реж. Э. Рязанов.

² «Так как при описании суконного фрака «наваринского дыма» не оговорено, что на картинке показан другой цвет (такая практика существовала в тогдашней периодике), предположим [...]» [5; 155].

Купец чутьем пронюхал, что пред ним стоит знаток сукон, и не захотел начинать с десятирублевого.

– Порядочное, – сказал Чичиков, слегка погладивши. – Но знаете ли, почтеннейший? покажите мне сразу то, что вы напоследок показываете, да и цвету больше того... больше искрасна, чтобы искры были.

[..] – *Вот-с сукно-с! цвету наваринского дыму с пламенем.*

Цвет *больше искрасна, чтобы искры были*, фигурирует и в одиннадцатой главе первого тома, где Николай Васильевич точно указал, сукно какого цвета стал предпочитать Чичиков, когда стал позволять себе «кое-какие излишества»:

Уже сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния, и с этих пор стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрою [..] [2; 312].

На этом основании думаем, что цвет *наваринского дыму с пламенем* – это не только коричневый, но еще и красноватый. При этом позволим себе утверждать, что цвет с пламенем – это цвет с искрою, тем более что настоящее пламя неразрывно связано с искрами.

Теперь посмотрим на это цветообозначение с другой стороны. А почему, собственно, современников и потомков вообще так заинтересовал этот цвет? Ведь название сукна встречается только в не публиковавшемся при жизни автора втором томе «Мёртвых душ» (в так называемой «одной из последних глав», которая принадлежит к более ранней, чем остальные главы второго тома, редакции). По сути, второй том «Мёртвых душ» – это всего лишь один из черновиков, которые редко удостоиваются внимания читающей публики и редко попадают в широкий обиход.

Однако уже в 1857 г. Ващенко-Захарченко публикует окончание поэмы Н.В. Гоголя «Похождения Чичикова», на страницах которого постоянно упоминается фрак цвета наваринского дыма с пламенем.

Упоминания об этом цвете, с одной стороны, можно найти в работах И.Ф. Анненского («Эстетика “Мёртвых душ” и её наследье»), Д.С. Мережковского («Гоголь. Творчество, жизнь и религия»), В. Набокова (доклад «Николай Гоголь»), а с другой – даже на сайте мебельного объединения «Шатура» (www.shatura-sibir.ru), правда, с ошибочным пояснением: «оттенок красного, “жаркий”, алый. От франц. *паса-рат* [кстати, слово пишется слитно – *пасарат*]¹ – алый, ярко-красный»².

И современные писатели и журналисты не прочь употребить столь экзотическое наименование цвета (правда, не вполне точно представляя этот цвет):

С утра льет как из ведра, кастрюли, чайника и чашек из чайного сервиза на двенадцать персон. На том берегу Оки, над заповедником, небо “цвету наваринского дыму с пламенем”. Молнии раскалывают небо вдребезги. Совершенно нелетная погода [9].

Открывший Антарктиду адмирал Лазарев дрался при Наварине за свобо-

¹ Видимо, информацию для сайта мебельного объединения «Шатура» брали из «Википедии» (ru.wikipedia.org), где французское слово *пасарат* ошибочно написано через дефис: «Накаратовый, накаратный – оттенок красного, “жаркий”, алый. От франц. *паса-рат*. Наваринского пламени с дымом (или дыма с пламенем) – темный оттенок серого [..]».

² На сайте просто перепутаны все толкования цветов «мебели» на букву «Н».

ду Греции под Георгиевским гюйсом на клотике мачты линкора «Азов» – и в лучших дворцах Европы самыми востребованными стали наряды «цвета Наваринского дыма с пламенем», то есть золото-горчично-черными, по Георгиевскому уставу. Спустя более века Георгиевская лента и народная память о ней стали востребованы позарез – нужно было фашистов остановить!

Так она заиграла на знаке Гвардии, потом на планке солдатского ордена Славы [8].

Так в чём же причина такой популярности?

Нет сомнений, что для интеллигенции XIX-го века цвет наваринского дыма с пламенем был каким-то символом, знаком, образом.

Р.М. Кирсанова, опираясь на воспоминания А.О. Смирновой-Россет и исследование Ю.В. Манна, считает, что данный цвет ассоциативно связан с темой преисподней, с темой сатаны: «Бытовая символика цветов того времени, соотнесение сложных красных оттенков как темы смерти и ада не противоречат подобному предположению» [4; 185].

Может быть. Но давайте вспомним Россию того времени. Лицом Николаевской России были начальник печально знаменитого Третьего отделения и шеф жандармов А.Ф. Бенкендорф и министр просвещения С.С.Уваров. Но в то же время – М.М. Сперанский, создавший «Свод законов Российской империи», П.Д. Киселёв, под чьим руководством прошла реформа государственной деревни, которая должна была стать образцом для помещиков, и Е.Ф. Кранкрин, проводивший финансовую реформу, благодаря которой укрепился рубль и оживились торговля и промышленность.

Благодаря последним на Руси запахло духом предпринимательства: появляются крупные «прожекты» и крупные «прожектёры». Н.В. Гоголь в поэме «Мёртвые души» как раз и описал нам одного из таких «прожектёров» – Павла Ивановича Чичикова. И фрак цвета наваринского дыма с пламенем Павел Иванович позволил себе только тогда, когда имел уже довольно хорошее общественное и материальное положение:

[..] *оказалось, что он всегда не был чужд разных наслаждений [..]. Оказались кое-какие излишества: он завел довольно хорошего повара, тонкие голландские рубашки. Уже сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния [..]* [2; 312].

Со временем в сознании людей выражение *сукно наваринского дыма с пламенем*, похоже, стало выступать как чистый символ жизненного успеха, на что указывает, например, текст романа П.Д. Боборыкина «Ходок» (1895), где главный герой Таманцев, употребляя данный фразеологизм, подсмеивается над довольно обеспеченным собеседником:

– *Что это у тебя за сукно? – спросил его Таманцев, – наваринского дыма¹ с пламенем?*

И он весело засмеялся, потрепав Долгова по плечу [1; 278].

И у В.Т. Шаламова выражение *костюм наваринского пламени с дымом*

¹ Таманцев, будучи дворянином, употребил книжный вариант родительного падежа единственного числа от лексемы *дым* – *дыма*, а не разговорное *дыму*, как у Н.В. Гоголя.

также выступает символом достатка весьма высокого уровня, до которого *серебряным ложкам* никогда не дотянуться:

Правда для «потерпевшего» все равно, кто украл у него из квартиры серебряные ложки или костюм наваринского пламени с дымом [13; 468].

Дух прожектёрства в обществе продолжал нарастать после смерти Н.В. Гоголя. В частности, свидетельством этого может быть словосочетание *миллиард в тумане*. В 1859 году появилась статья миллионера-откупщика и публициста В.А. Кокорева, содержащая проект освобождения крестьян и называвшаяся «Миллиард в тумане» (Стоимость выкупаемой земли была определена Кокоревым в миллиард рублей). Однако очень быстро выражение *миллиард в тумане* стало обозначением несбыточной мечты, обещающей великие прибыли:

После узнал, что теперь, чтобы получить что-нибудь, надо миллион просить: тогда дадут. Думаю опять скоро просить.

– Миллион?

– Нет, миллион восемьсот пятьдесят семь тысяч; так смета выходит.

– На журнал, или на газету?

– Нет, на особое предприятие.

Поэт встал, зевнул и, протягивая мне руку, добавил:

– На одно предприятие, обещающее впереди миллиард тумане [6; 100-101].

Как мы видим, общество второй половины XIX века было просто пропитано духом быстрого обогащения. В 1872 году как отражение этого даже вышел роман П.Д. Боборыкина с многоговорящим названием «Дельцы». Но тем более удивительна та прозорливость, которую Н.В. Гоголь проявил еще в 40-е годы XIX века, отразив в своём романе зарождение духа авантюризма и предпринимательства в России.

Список литературы

1. Боборыкин П.Д. Собрание романов, повестей и рассказов: В 12 т. – СПб., 1897. – Т. 9. – С. 278
2. Гоголь Н.В. Мёртвые души. – СПб., 2008. – С. 312
3. Гоголь Н.В. Похождения Чичикова, или Мертвые души // Гоголь Н.В. Собрание сочинений. - М., 1855. - Т. II. - С. 186.
4. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв.: Опыт энциклопедии / Под ред. Т. Г. Морозовой, В. Д. Сянюкова. – М., 1995. – С. 184
5. Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. – М., 1989. – С. 155
6. Лесков Н.С. Смех и горе // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 10 т. – Т.5. – СПб., 1889. – С. 100–101
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2000. – С. 591
8. Лысоконь А. Узелок на память // Красный Север. – 2009. – 18 мая
9. Михаил Бару. Хроники одного межсезонья / Сетевая словесность // www.netslova.ru/baru/xroniki/html
10. Московский телеграф. - 1828. - Кн. XX. - С. 264
11. Чернышев В.И. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. – М., 1970. – С. 307-308

12. Чернышев В.И. Сочинения / Под ред. Н. Тихонравова. - Изд. 10. - М., 1935. - Т. III. - С. 381.

13. Шаламов В.Т. Левый берег // Колымские рассказы. – М., 1989. – С. 468

Е.Е. Иванова
О.Д. Антипина

РЕЧЕТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. ПЕЛЕВИНА

Анализируя произведения «Generation «П», «Встроенный напоминатель», «Чапаев и Пустота», интервью В. Пелевина журналу «Эксперт» [15]; можно в качестве основной характерной черты речетворческой деятельности В.Пелевина назвать языковую игру. Термин «языковая игра», принадлежащий австрийскому философу Людвигу Витгенштейну, в современной науке получил двойное толкование: первое - широкое, философское (вслед за автором), второе - узкое, собственно лингвистическое. Л.Витгенштейн отмечал, что люди общаются не только повествовательными предложениями, они отдают приказы и выполняют их, описывают объекты, выдвигают и проверяют гипотезы, играют в театре, поют, острят, проклинаяют. То есть существует бесчисленное множество типов предложений, и все это входит в человеческий язык: «...бесконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем «знаками», «словами», «предложениями». Эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка, или, можно сказать, новые языковые игры, а другие устаревают, забываются. Термин «языковая игра» призван подчеркнуть, что говорить на языке - компонент деятельности, форма жизни.

Таким образом, по Л.Витгенштейну, вся человеческая жизнь представляет собой совокупность языковых игр: «Языковой игрой я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен». Л.Витгенштейн утверждал, что нельзя дать точного определения понятию «игра» и установить его четкие границы.

Разные аспекты языковой игры затрагиваются в исследованиях Е.А.Земской, Т.А. Гридиной, В.З. Санникова. Если для Л.Витгенштейна весь язык в целом представляется как совокупность языковых игр, то в лингвистике под общим термином «языковая игра» объединяются «явления, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [4, 321]. Результатом особого внимания говорящего к форме речи являются осознанные отступления от нормы. Сюда можно отнести все виды шуток, остроты, каламбуров, разные виды тропов. Языковой игрой являются все случаи использования производителем речи средств языковой выразительности. Диапазон явлений языковой игры весьма широк. Говорящий, играя, ставит перед собой прежде всего задачу развлечь себя и собеседника, а для того выразиться необычно [4, 322]. Языковая игра, таким образом, – это обращение внимания при построении высказывания на саму форму речи с целью не просто сообщить что-либо, а вызвать то или иное эстетическое чувство (чаще всего это установка на комизм).

В работах отечественных и зарубежных лингвистов последних десятилетий все большую значимость приобретает подход, при котором языковая игра понимается как осознанное нарушение нормы. Однако не всякое целенаправленное нарушение нормы является языковой игрой. Другое необходимое условие языковой игры - передача метаязыковой информации. Это означает, что языковая игра, нарушая языковую норму, указывает на определенные особенности языка. А в качестве главного признака языковой игры ученые называют ориентацию на создание эстетического, обычно комического эффекта, достигаемого различными способами.

Л.В. Лисоченко, О.В. Лисоченко отмечали: «Для того, чтобы правильно понять намеренную аномалию, важно установить, с какой целью говорящим допущено отклонение от норм. При этом следует иметь в виду, что сходные нарушения допускаются с совершенно различными целями» [7, 25].

В книге «Русский язык в зеркале языковой игры» В.З. Санников рассматривает языковую игру как вид лингвистического эксперимента, позволяющего натолкнуть исследователя на серьезные размышления о значении и функционировании языковых единиц разных уровней, точно так же, как философа - на глубокое осмысление бездны человеческих проблем. Он отмечает, что «языковая игра, как и комическое в целом, – это отступление от нормы, нечто необычное», что именно как нечто патологическое она «ясней всего поучает норме». Автор также обращает внимание на то, что это отступление от нормы должно четко осознаваться и намеренно допускаться говорящим и слушающим, который, в свою очередь, должен понимать, что «это нарочно так сказано», чтобы не оценить соответствующее выражение как ошибку, тем самым он принимает эту игру и пытается вскрыть глубинное намерение автора. Иначе говоря, языковая игра – это намеренное использование тропеических и фигуральных возможностей языка [11, 45].

Караулов Ю.Н. в книге «Русский язык и языковая личность» говорит о том, что при ежедневном общении при помощи языка люди, в зависимости от той или иной ситуации, производят тщательный отбор языковых средств, тем самым уже вступая в «игру», имеющую определенные правила. «Мысль может найти выражение, в общем, в различных разговорных формах – следовательно, в словах, – которые могут очень верно передавать ее». «Подобное выражение (форма) мыслей приводит к различным результатам» [5, 218]. Любое говорение на языке, при котором более-менее обращается внимание на форму речи, будет языковой игрой. А вот цели у этой языковой игры могут быть самые различные, и в зависимости от конкретной задачи говорения можно определить вид языковой игры. Необходимо отметить, что для адекватного понимания языковой игры адресатом автор должен учитывать наличие определенных знаний у реципиента, а также культурное пространство, в котором происходит коммуникация» [5, 226].

Донгак С. называет языковую игру «особым видом речетворческой семиотической деятельности. Как и всякая игра, языковая игра осуществляется по правилам, к которым относятся: 1. Наличие участников игры – производителя и получателя речи. 2. Наличие игрового материала – языковых средств, исполь-

зубаемых производителем и воспринимаемых получателем речи. 3. Наличие условий игры. 4. Знакомство участников с условиями игры. 5. Поведение участников, соответствующее условиям и правилам игры» [3, 70-83].

Под условиями языковой игры, касающимися поведения ее участников, понимается обязательное использование в процессе языковой игры такого вида ментальной деятельности, при котором производитель апеллирует к уже имеющимся знаниям получателя и «подталкивает» его к установлению умозаключения, в качестве посылок которого выступает вербализованный текст и невербальные пресуппозиции – фон общих знаний производителя и получателя речи.

В отечественной и зарубежной лингвистике ведутся споры о том, в какой зависимости друг от друга находятся такие понятия как «языковая игра», «игра слов», «каламбур». При существенном единстве мнений среди ученых относительно понимания игры слов как отдельного вида языковой игры (игра слов – разновидность языковой игры, стилистический оборот речи, основанный на принципе смыслового объединения в одном контексте различных значений одного слова, однозвучности или подобного звучания при имеющемся смысловом различии [8, 7]), обнаруживаются существенные различия в подходах лингвистов к определению понятий «игра слов» и «каламбур».

В лингвистике до сих пор окончательно не определена истинная природа такого явления, как каламбур. Например, до сих пор стилистический прием каламбура не имеет четкого определения, его называют «языковой игрой», «словесной остротой», «двойным смыслом», но чаще всего «игрой слов».

В научной литературе существует два подхода к вопросу о том, правомерно ли приравнивать понятия «игра слов» и «каламбур», таким образом определяя их как разновидности языковой игры, или они являются автономными стилистическими приемами. С одной точки зрения, например в исследованиях В.В. Виноградова, В.Я. Проппа, Е.А. Земской, В.З. Санникова, Э.Г. Колесникова, понятия «каламбур» и «игра слов» объединяются и считаются полностью синонимичными. Более того, определение одного понятия часто оформляется через другое или им даются сходные определения. Так, в «Словаре современного русского языка» [13] даются следующие определения: «Игра слов – остроумная шутка, основанная на использовании одного слова вместо другого или на подмене одного значения другим значением того же слова; каламбур». «Каламбур – остроумная шутка, основанная на использовании сходных по звучанию, но различных по значению слов или на использовании различных значений одного и того же слова; игра слов».

Само выражение «игра слов» стало идиомой, что подтверждается «Фразеологическим словарем русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [14]; который относит словосочетание «игра слов» к фразеологическим единицам и дает следующее ее толкование: «остроумное каламбурное выражение». Другими словами, толковые и литературоведческие словари рассматривают данные стилистические приемы как синонимичные, не вскрывая сути изучаемых явлений и образуя своего рода «замкнутый круг»: каламбур – это игра слов, а игра слов – это каламбурное выражение или каламбур.

С другой точки зрения, понятия «каламбур» и «игра слов» тождественными не являются, хотя единства мнений по поводу того, в чем состоит различие рассматриваемых стилистических приемов, нет. Некоторые авторы видят различия только в сфере употребления данных терминов, полагая, что они обозначают одно языковое явление. Один термин общеупотребительный – это «игра слов», другой используется только специалистами в области лингвистики – это «каламбур». Другие исследователи определяют каламбур и игру слов как стилистические приемы, находящиеся в родовидовых отношениях. Иногда каламбур рассматривается как разновидность игры слов. Иногда, наоборот, «игра слов» считается вариантом стилистического приема «каламбур».

Каламбур (игру слов) можно считать одним из наиболее характерных проявлений игровой функции, так как в каламбуре всегда взаимодействуют два вида текста: обыгрывающий, данный непосредственно, и обыгрываемый, подразумеваемый в восприятии. Мироненко С.А. выделяет следующие признаки каламбура: наличие двух резко контрастирующих по смыслу контекстов (один из которых подразумевается) и комический эффект [8, 54]. Как правило, каламбур употребляется или как самостоятельное высказывание или как относительно автономная часть текста, обладающая грамматической, интонационной, смысловой завершенностью.

Каламбур может быть построен на омонимии, омографах, шуточной этимологизации слов, полисемии, переосмыслении фразеологизмов и т.д. Одной из функций каламбура является увеличение количества подаваемой информации. Двуплановость каламбура приводит к появлению дополнительных значений у разных единиц, что делает из каламбура речевой акт, позволяющий значительно увеличить объем сообщаемой информации. Это свойство языковой игры используется в текстах, задача которых – предоставить максимум сведений посредством небольшого количества единиц.

Т. Гридина в монографии «Языковая игра: стереотип и творчество» определяет понятие языковой игры следующим образом: «Языковая игра – это форма деканонизированного речевого поведения говорящих, реализующая прагматические задачи коммуникативного акта с категориальной установкой на творчество. Эффект языковой игры, как правило, окказионален, ибо языковая игра порождает иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания или активизирует новое содержание при сохранении старого. Во многих случаях языковая игра основывается на имитации речевых аномалий – осознанном воспроизведении, продуцировании эффекта, порождаемого ошибочным использованием языковых единиц в речи (ср. например, случаи смешения паронимов и паронимазов, нарушающие смысловую сторону высказывания). Эффект языковой игры можно считать достигнутым только при осознании его адресатом. Механизмами новой интерпретации знака выступают различные приемы лексической актуализации, речевое употребление языковых единиц». Таким образом, языковая игра определяется Т.А. Гридиной как «вид речемыслительной деятельности, использующий инстинкт, лингвистическое чутье говорящих и требующий от них решения эвристических задач» [2, 25].

Языковая игра необходима В.Пелевину для «оживления» текста, выражения прямого отношения к тому, о чем он говорит, «выключения» читателя из колеи повседневного мышления. У В.Пелевина языковая игра становится особым композиционным приемом, лежащим в основе его текстов. Можно сказать, что проза В. Пелевина построена на языковой игре. Это для писателя одновременно и цель, и средство.

Исследователь творчества В. Пелевина, критик М. Свердлов пишет: «Как только мы открываем очередной пелевинский роман, нас обступает лес каламбуров, плотно упакованных в литературные реминисценции. Читать Пелевина – значит перебегать от одной каламбурной остроты к другой; если писатель не играет словами, значит, дает читателю немного времени перевести дыхание и подготовиться к новому аттракциону» [12, 92].

Текст В. Пелевина наполнен каламбурной абсурдистикой: «с корабля на б..», «мал, да уд ал», «тачанка -touch Анка». Слово *тачанка* («повозка с легким кузовом или пулеметной установкой») подвергается омофоническому переразложению, омофонически отождествляясь с английским словосочетанием «*touch Anka*» (дословно: прикосновение Анки). В. Пелевин играет с рифмой, например, в выражении «**гробы после вождя**» происходит подмена паронимов *гробы/грибы* и *дождя/вождя* в составе фразеологического оборота *расти как грибы после дождя* («расти, появляться в изобилии и очень быстро»), что обуславливает оценочную переориентацию фразеологизма с положительной на отрицательную. В анаграммах «**Мерседес – merdecas – Merde – SS**» в результате изменения последовательности в сочетаемости звуковых единиц в пределах слова «*Mercedes*» (марка автомобиля) происходит его трансформация в *Merde-SS* (название магического ордена «ездунов-изуверов»). Используется оксюморон, например, «**малое предприятие «Эверест», пойманный менеджер Непойман**». Обыгрываются омонимы, например, в рекламе кофе «**Братан развел его в темную. Но слил не его, а всех остальных**» языковая игра создается в результате использования омонимов узуального и окказионального типа в рамках одного контекста. *Развести 1* – растворить что-либо в чем-либо. *Развести 2* – получить от кого-либо что-либо, чаще всего незаконным путем (жарг.), *Слить 1* – удалить лишнюю жидкость. *Слить 2* – обмануть, предать (жарг.). М. Свердлов отмечает, как по созвучию легко совмещаются «далековатые идеи», например, пиво «**Туборг**» и птица **Семург** из поэмы средневекового арабского поэта Эль-Газзави. *Семург* – имя короля птиц, носителя великого знания. Сходное с ним по звучанию название пива «*Туборг*» в пелевинском тексте («Generation «П») приобретает сходное значение: «*Туборг*» – король пива. Имена писателей-классиков и литературных героев имеют немыслимые сочетания: **Гамлет в рекламе Calvin Klein, крейсер «Идиот» «Скоро со стапелей в городе Мурманске сойдет ракетно-ядерный крейсер «Идиот», заложенный по случаю 150-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского**» («Generation «П») [10, 95]. В романе В.Пелевина «Generation «П» главный герой разрабатывает рекламные ролики, нагнетая каламбуры. Вслед за «**Не-кола для Николы**» следует «**Ни Кола, ни двора**», «**Кола-колокол**». Материалом для данных калам-

буров послужил классический слоган напитка «Спрайт»: «*Sprite – the Uncola*». В переводе на русский «*Uncola*» звучит как «*Некола*». Языковая игра создается в результате идентификации и подмены паронимов *Не-Кола / ни кола / коло-кол*). Посредством игры слов писатель добивается «внедрения» своих книг и «вовлечения» читателя.

В метафорах и устойчивых выражениях используется игра созвучий («**дизель с...ли**»). Правилom пелевинской прозы является порождение романного сюжета игрой слов. Языковая игра, таким образом, становится у автора особым композиционным приемом. Так, интрига романа «Generetion «П» построена на обыгрывании каламбурного имени главного героя – **Вавилена**. Имя Вавилена составлено из трех слов: Василий Аксенов, В.И. Ленин, город Вавилон. Таким образом, в романе, а также в мироощущении героя сплетаются три «философии»: коммунизм, древняя восточная мистика, шестидесятничество. Каламбур в названии романа «**Чапаев и Пустота**» намекает, что весь его сюжет есть реализация анекдотов о Петьке и Василии Ивановиче.

По мнению М. Свердлова, «игра слов в исполнении В. Пелевина далеко не всегда остроумна. Иные из его «бонмо» заставляют вспомнить о телевизионном юморе: «**панмонголизм**» (от польского «пана»), «**Чапаев в бурке, а Петька в дурке**», «**философия – софоложество**». Дело здесь не в остроумии, а в тотальности игры: все является поводом к каламбуру, все превращается в каламбур» [12, 95].

Языковая игра характерна не только для романов В. Пелевина. Писатель продолжает острить и в быту, и в интервью. Например, «**Вагриус**» – «**Виagriус**», «**...миром правит не тайная жога, а явная лажа**».

М. Свердлов считает, что В. Пелевин, «развлекая, поучает: языковая игра предписывается читателю как стиль мышления, стиль жизни, стиль общения. Научившись у В. Пелевина острить и каламбурить, желающий получает возможность с блеском говорить, когда ему нечего сказать, и, не имея ничего за душой, стать душой общества. Игра слов дает ощущение обладания словами и свободы от того, что эти слова обозначают» [12, 98].

В. Куллэ утверждает, что В. Пелевин превратил языковую игру в образ мышления, образ жизни, введя ее в повседневность. Это, по мнению ученого, связано с мировоззренческой установкой автора. В. Куллэ пишет: «Свобода как цель ... иногда заслоняется другими способами существования, и основным принципом является игра, принятая и взятая буквально, дословно, окончательно: обнажение приема у Пелевина доходит до крайности и находит свое выражение даже в форме, оттого вместо глав – уровни, а эпиграфом являются символы MS-DOSa. Философия *homo ludis* – человека играющего – выходит из рамок монитора и распространяется на всю жизнь советских учрежденческих людей, которые, превратив виртуальную игру в обыденный образ жизни, расплачиваются за убийство компьютерных, но живых человечков и бомбардировку нарисованных, но настоящих населенных пунктов. Игра уже не позволяет по-настоящему выйти из нее, и главные герои только находят мнимую истину, таким образом лишь ставя игру на паузу, не собираясь выходить из нее» [6, 76-78].

Языковая игра в творчестве В. Пелевина становится не просто средством «оживления» текста, композиционным приемом, способом «выбивания» читателей из колеи повседневности и их вовлечения в свой мир, но стилем общения, стилем мышления, стилем жизни, как в социуме, так и вне его.

Творческим началом языковой игры является лингвокреативное мышление, которое определяется следующим образом: это тип словесного мышления, при котором, «используя различные ассоциативные связи, человек... довольствуется уже имеющимися звуковыми комплексами, реализуя тем самым ассоциативный потенциал языкового знака в области связи между формой и содержанием» [5,81]. Лингвокреативное мышление как проявление коллективного языкового сознания говорящих порождает, с одной стороны, стереотипы, способствующие эффективной коммуникации, с другой – создает возможность творческого отхода от стандартных способов выражения самосознания творческой личности. Способы выражения зависят от уровня лингвистической компетенции говорящих: владения лексикой, грамматикой языка, умения адекватно воспринимать и порождать тексты в соответствии с коммуникативными задачами.

Языковая компетенция не ограничивается только пассивными усвоениями языка, а предполагает также и способность индивида воздействовать на язык, творчески преобразуя полученный опыт. Лингвокреативное мышление обеспечивает динамичность коллективного и индивидуального языкового сознания, так как оно обращено к использованию потенциала языковых единиц, важнейшей из которых является слово.

Лингвокреативное мышление подчиняется законам функционирования языкового знака, основой которых является то, что в знаке имеет место соотношение плана выражения и плана содержания. Слово выступает как подвижный ассоциативный континуум, обладая разной степенью информативности у членов языкового коллектива и каждого отдельного индивидуума на разных этапах его развития как языковой личности. Языковое сознание индивидуума может быть описано через тезаурус и представлено в виде фильтра, через который пропускается всякая поступающая к нему информация.

Таким образом, основными особенностями лингвокреативного мышления являются: оперирование языковыми единицами по законам ассоциативных сближений, реализация потенциала языка в области конструирования и варьирования языковых форм и значений с учетом правил аналогии и субстанционально обусловленного свойства асимметрии плана выражения и плана содержания языка, проявление тенденции к нарушению языкового стандарта и коллективной и индивидуальной речевой деятельности.

К основным факторам креативности языкового мышления относятся: «оригинальность» – способность продуцировать определенные ассоциации, «семантическая гибкость» – способность выделить функцию объекта и предложить его новое использование, «образная адаптивная гибкость» – способность изменить форму стимула так, чтобы увидеть в нем новые возможности, «семантическая спонтанная гибкость» – способность продуцировать разнообразные идеи в сравнительно неограниченной ситуации.

Языковая игра как форма лингвокреативного мышления эксплуатирует механизмы ассоциативного переключения узуального стереотипа восприятия, создания и употребления языковых единиц, характеризуется условностью и интенциональностью – установкой на творчество, эксперимент над знаком на основе различных лингвистических приемов его трансформации и интерпретации. Языковая игра как форма лингвокреативного мышления в полной мере отражает динамичность умственной деятельности, что выражается в использовании ассоциативных систем (знаний, умений, навыков в разнообразных условиях) [2, 40]. Эффект языковой игры обусловлен включением знака в новый ассоциативный контекст, обеспечивающий прогноз восприятия языковых единиц с расчетом на определенную реакцию адресата.

В конце XX в. В. Пелевин считался автором фантастической литературы, затем объявлен постмодернистом. Материалом для его произведений является советская и постсоветская действительность, знакомая большинству читателей, но эту действительность автор воспринимает сквозь призму собственного мировосприятия, противостоящего стереотипному видению мира, и она получает в его творчестве характер некой призрачности, условности и фантастичности. Языковая игра в его произведениях выполняет функцию разрушения советского новояза, деканонизации мифа о советском государстве. Ему В. Пелевин противопоставляет свой внутренний, эзотерический мир. Языковая игра как форма лингвокреативного мышления создает для автора возможность творческого отхода от стандартных способов выражения самосознания, переключения узуального стереотипа читательского восприятия, включения знака в новый ассоциативный контекст, не отрываясь от уже имеющихся у читателей знаний, довольствуясь уже имеющимися звуковыми комплексами. В произведениях автора бытовой диалог благодаря использованию языковой игры аранжируется так, что за ним прочитывается другой – метафизический смысл. Значение слова «растворяется», его многозначность приводит к потере номинативности. Писателю достаточно лишь указания на предмет или явление употреблением местоимения или местоименного наречия – *там, тут, здесь, туда*, в которых скрыто присутствует эзотерическая семантика, и текст приобретает новый, необычный, эзотерический смысл. **«Перед Андреем стояла девочка с огромными бантами. Она глядела в окно, иногда поворачиваясь к стоящей рядом матери. – Мама, – спросила вдруг она, – а что там? – Где там? – спросила мама. – Там, – сказала девочка и ткнула кулаком в окно. – Там – там, – сказала мама. – А где лучше, – спросила девочка, – в поезде или там? – Не знаю, – сказала мама, – там я не была. – Я хочу туда, – сказала девочка. – Подожди, – горько вздохнула мама, – еще попадешь. – Я хочу туда-а, – пропела девочка, – там-там, там-там»** («Желтая стрела»). В этом тексте окказиональная звукоподражательная мотивация узуального слова *там* сообщает ему ситуативную привязку и выявляет ассоциативные стереотипы звукообразов, связанных с представлениями о предмете номинации – звуке стучащих колес поезда, а также вносит в контекст связанное с этим философское размышление об иных мирах, недоступных человеку, пути к которым закрыты.

Пелевинская внебытовая, метафизическая интерпретация человека и мира проявляет себя в характерной для него стилевой форме, когда банальности и очевидности наполняются «нездешним», «иным» смыслом, реализуя тем самым основные факторы лингвокреативного мышления: способность выделить функцию объекта и предложить его новое использование, способность изменить стимул так, чтобы увидеть в нем новые возможности, способность продуцировать разнообразные идеи в сравнительно неограниченной ситуации. Например, рассказ «Онтология детства» явно свидетельствует об этом авторском совмещении: **«Какой смысл разрабатывать особый язык, когда можно прекрасно обо всем договориться, встретившись на общих работах? Но важна идея – передача сути через комбинацию самого что ни на есть простого...»** [9, 147].

Свойственный В. Пелевину способ передачи эзотерического через обыденное проявляется в повести «Желтая стрела» в простейшей модели Вселенной - поезда, который идет к разрушенному мосту. Пассажиры не понимают того, что едут в поезде, им никогда не придет в голову, что с этого поезда можно сойти. **«...Когда человек перестает слышать стук колес и согласен ехать дальше, он становится пассажиром. Самое сложное в жизни – ехать в поезде и не быть его пассажиром»** [10, 20-21].

Как замечено А. Генисом, во многих рассказах и повестях В. Пелевина («Вести из Непала», «День бульдозериста», «Желтая стрела») сверхреальный, эзотерический смысл раскрывается как будто случайно, обнаруживаясь неожиданно, внезапно озвучиваясь, например, голосом из репродуктора [1, 44]: **«Курасава как бы стремился показать, что каждый из социально адекватных героев тоже, в сущности, едет по реальному вагону в своем собственном маленьком иллюзорном «трамвае». Но, однако, Курасава не намечает никаких путей выхода из показанного им бесприютного мира»** («Желтая стрела»). Окказионально-метафорический смысл слова «трамвай» подчеркнут графически – кавычками: он не предмет, а якобы предмет, его знак.

Таким образом, разрушая старый «новояз» с помощью языковой игры, направленной на деканонизацию привычных штампов в речевом сознании современного читателя, художник создает другое «новоречение» – индивидуально-авторское, функционирующее только в пределах авторских текстов, в результате возникает так называемый «внутренний язык» – неопределенно-мистический, эзотерический язык для посвященных.

Список литературы

1. *Генис А.* Поле чудес. В. Пелевин // Генис А. Иван Петрович умер. Статьи и расследования. – М., 1999 84 с.
2. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург: Урал.гос.пед.ун-т., 1996. – 214с.
3. *Донгак С.* Языковая игра и обманутое ожидание // Критика и семиотика. – В.3/4 – М., 2001. – С.78-84.
4. *Земская Е.А.* Языковая игра // Рус. Разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – 518с.

5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. –615с.
6. Куллэ В. Красная магия, или девять способов написать иероглиф "дерево" // Литературное обозрение. – 1998. – №2. – С.76-80.
7. Лисоченко Л.В., Лисоченко О.В. Языковая игра на газетной полосе. – М., 2002. – 28с.
8. Мироненко С.А. Выразительные возможности игры слов. – Краснодар, 2006. – 215с.
9. Пелевин В. Рассказы. - М., 2002.
10. Пелевин В. Рассказы. - СПб., 2003.
11. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999.
12. Свердлов М. Свобода: надтекст вместо подтекста // Литературное обозрение. –1998. – №2. – С.92-98.
13. Словарь современного русского языка. - М., 1981. - Т. II. - С. 126
14. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. - М., 1986. - С. 176
15. Эксперт. - 1999. - №11. – с.70-75

Е.Е. Иванова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОЦЕНКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА В СМИ

Проблема отношения общества и власти интересует многие науки. Лингвистика занимается языковым выражением этого отношения. Экспрессивная функция СМИ, обусловленная ее пропагандистской направленностью, вызывает открытую оценочность речи. Оценочность наиболее остро проявляется в полемике с идеологическими противниками и в положительных или отрицательных оценках достижений действительности. О.Н. Дубровская [2] отмечает, что функции СМИ не ограничиваются описанием событий или сообщением новостей. Они формируют мировоззрение, влияют на отношения между людьми. Аудитория становится зависимой от СМИ при формировании того или иного отношения к политику, организации или событию. Именно открытой оценочностью, явным выражением позиции автора публицистический стиль отличается от художественного. В отличие от художественных произведений, в публицистике не подтекст, а сам текст вполне определенно выражает авторское отношение к излагаемым фактам. Языковыми средствами выражения оценки являются экспрессивная, оценочная лексика и фразеология, элитивы, метафоры, сравнения, разговорная лексика и жаргонизмы. При анализе газет «Аргументы и факты» за 2003 – 2005 годы, «Комсомольская правда» за 2004 – 2006 годы и «Московский комсомолец-Урал» за 2005, 2006 годы нами было выявлено около 200 языковых единиц, в которых заключается оценка деятельности правительства.

Самым распространенным языковым средством оценки правительства в СМИ является ирония, проявляющаяся в употреблении слова или словосочетания, которое в предложении получает противоположное значение. Например: *Монетизировав все, что возможно, сами депутаты героически отказались лишь от одной натуральной льготы: бесплатного проезда в городском транспорте.* С помощью иронии журналисты пытаются высмеять то, что представи-

тели власти не воспринимают в себе или в своей деятельности как отрицательное, считают нормальным: *Избиратели могли заглянуть в честные глаза партийных лидеров, послушать их пламенные речи и даже написать заявление о приеме в понравившуюся партию.* Основная цель иронии - воздействовать на человека, заставить его посмотреть на свою деятельность с точки зрения окружающих людей: *У коммунистов появилась новая прослойка. Теперь это не интеллигенция, а коммунисты – капиталисты, или марксисты – буржуисты. В общем те, кто не только прочел «Капитал», но и сколотил его.* Ирония ярко отражает авторскую позицию, усиливает действенность высказывания благодаря тому, что к логическому содержанию добавляются различные экспрессивно-эмоциональные оттенки: *Интересно, какое событие все-таки наиболее вероятно: Жириновский – президент или Россия – чемпион?* Иногда на письме ироническое употребление слова подчеркивают кавычками или шрифтовым выделением для того, чтобы помочь читателю сразу распознать иронию: *Избиратели почему-то не верят, когда их «слуги» рассказывают о том, что во время отпуска они за пределы Отчизны ни ногой.*

В публицистическом стиле часто используются фразеологические обороты. Журналисты употребляют их с целью более точной передачи своего отношения, полного и необычного выражения оценки чего-либо. Среди 56 фразеологических оборотов, в которых заключена оценка деятельности правительства, преобладают глагольные фразеологизмы. Они отражают действия, поступки представителей власти. По своей структуре данные фразеологизмы представляют собой сочетание глагола и имени существительного с предлогом и без предлога: *играть роль, мутить воду, встать на ноги, брать под крыло, сойти со сцены, спутать карты.* Например: *За исключением, может быть, Грефа, верхушка правительства не витает в эмпиреях (витать в эмпиреях – «пребывать в мечтательном состоянии, предаваясь бесплодным фантазиям, не замечая окружающего»).* Среди глагольных фразеологизмов имеются и такие, которые образовались совсем недавно и еще не закрепились в общеупотребительном языке: *сходить в депутаты, уйти в глухую оборону, впасть в ступор, делать вид.* Например: *Лидер ЛДПР В.Жириновский делает вид, что он – независимая шахматная фигура (делать вид – «создавать видимость чего-либо, притворяться»).* В небольшом количестве представлены субстантивные фразеологические обороты: *темная лошадка, крестный отец, правая рука;* наречные фразеологизмы: *с потрохами, с миру по нитке;* адъективные фразеологические единицы: *без царя в голове.* Большинство употребляемых в газетах фразеологизмов имеет разговорный характер. Например: *Многие очень довольны тем, что администрация президента держит думу на коротком поводке (держат на коротком поводке – «не давать кому-либо или лишать кого-либо свободы в поступках, действиях»).* Фразеологизм обладает способностью доступно и при этом кратко и ярко передать авторское отношение к тому или иному политическому деятелю, тем самым оказывая влияние на читателей. Например: *Другой вице, а параллельно – министр обороны Сергей Иванов возьмет под свое крыло военно-техническое направление, развитие ВПК и все, что с этим связано*

(*взять под крыло (крылышко)*) – «окружать вниманием, заботой, оказывать покровительство кому-либо»). Чаще всего фразеологизмы передают отрицательную оценку, иронию, насмешку. Например: *Чиновники настолько вошли во вкус, что усиленно предлагают новые нацпроекты: в области науки или рыбхоза (войти во вкус – «начинать ощущать удовольствие от чего-либо, постепенно проявлять все больше интереса, любви к чему-либо»).*

Оценка в СМИ передается при помощи газетно-публицистической метафоры. Каждый функциональный стиль существенно меняет качество метафоры. Поэтому в последнее время выделяют не только художественную, но и политическую, научную, газетно-публицистическую метафору. Специфика газетно-публицистической метафоры заключается в источниках метафоризации, в механизме и сущности трансформации семантики лексической единицы, в характере функционирования, в стилистическом облике и качестве метафоры. Источником метафоризации является широко употребительная, ясная, знакомая, понятная аудитории лексика. Например: *Вряд ли «Единая Россия» сохнет настолько, чтобы потерять контроль над думой.* В метафорическом значении реализуются семы, лежащие на поверхности, непосредственно вытекающие из ядерных сем. Например: *Началось обострение в борьбе партий за избирателей.* Среди газетно-публицистических метафор различаются строевые и публицистические. Строевые газетные метафоры служат для оформления речи и представляют собой клише со стертой образностью, например, *очередной раунд политических консультаций, старт избирательной кампании, политический финиш.* Публицистические метафоры сохраняют выразительность и оценочность. Индивидуальный характер имеет выбор источников метафоризации. Журналисты создают яркие, неожиданные, свежие по окраске и сочетаемости метафоры, например: *Партии перестали быть инкубаторами новых идей.* Все обнаруженные нами 40 метафор содержат яркую оценку. Метафоры могут передавать как отрицательную, так и положительную оценку правительства. Например: *Ни для кого не секрет, что В.Путин Грефа ценит. Честность, принципиальность и амбициозность архитектора реформ президенту всегда импортировали.*

Намного реже для передачи своего отношения к правительству в газетах используются сравнения. Среди 15 выявленных сравнений можно выделить простые и развернутые сравнения. В простых сравнениях два явления сближаются по какому-либо общему у них признаку. Например: *Статистика законодательной работы правительства невинна, как тургеневская барышня.* Наряду с простыми сравнениями часто встречаются сравнения развернутые, в которых сопоставляются многие схожие черты. Например: *Политики – они, как цирковые лошади, встают на дыбы не для того, чтобы показать характер, а для того, чтобы получить с руки корм.* Сравнения чаще всего выражаются оборотами с различными союзами. Например: *Политики – они как деньги. Совсем чистыми не бывают, но встречаются хорошо отмытые.* Иногда сравнения выражаются лексически при помощи слов «подобный», «похожий». Например: *Тихонов скорее похож на вялого банщика, чем на лидера партии. Его проще*

представить с веником в руках, чем с державным скипетром. Правильно построенное и использованное сравнение, безусловно, привлекает внимание читателей: Правительство подобно Змею Горынычу с несколькими головами, которые не очень друг с другом ладят. Это сам М. Фрадков, министр финансов А.Кудрин и министр экономики Г.Греф. Во всех обнаруженных сравнениях проявляется отрицательное отношение журналистов к деятельности правящих кругов. Например: Гигантское количество чиновников похоже на большую амебу, которая скоро окутает всех нас.

Средством выражения оценки является и разговорная лексика. Например: *Только волшебство способно помочь Грефу и другим воротилам нашего правительства дать наконец мощный толчок нашей экономике.* Слова разговорного стиля выполняют не только номинативную, но и экспрессивную, эмотивную функции: *С загадочным видом ходил известный думский забияка В. Жириновский.* Их использование в СМИ обусловлено стремлением журналистов ярче выразить свое отношение к тому или иному политическому деятелю, усилить его эффект, сделать свою точку зрения доступной широкому кругу читателей. Например: *Эту сложную для властей ситуацию очень тонко чувствует господин Жириновский. Жирик уже и готовится. Похудел, говорить стал солидно, защищает сомнительные коммерческие контакты.* Лексика разговорного стиля на фоне нейтральной и книжной лексики выделяется некоторой сниженностью. Разговорная лексика может выразить положительную и отрицательную оценку. При выражении пренебрежительной, неодобрительной оценки сниженность разговорных слов ощущается еще больше. Например: *Тем более что глава РАО пугнул правительство возможностью дефицита энерго мощностей в ряде регионов страны к «выборному» году.*

К лексике низкого стиля можно отнести просторечные слова. В исследуемых газетных материалах обнаружены следующие просторечные слова: *воротила, забияка, пилить, пугнуть, раздрай, попенять, проскользнуть, колдовать.* Просторечие несет в себе резкую экспрессию грубости, злобы, ненависти, в нем четко прослеживается явная отрицательная оценка. Например: *Оппозиция переживает период полураспада. Собачатся зюгановцы и семигинцы, выясняя, чья КППФ настоящая.* Использование просторечия в СМИ вряд ли может быть оправдано какими-либо целями, так как печатное слово в нашей стране всегда служило образцом употребления. Журналисты создают в сознании людей определенные стереотипы мышления, формируют этические и моральные нормы. Сниженная лексика взывает к худшим сторонам читателя. Например: *Выбирай не выбирай – лучше не будет. У политиков одно на уме – нахапать побольше.*

Массовый характер носит использование в современном газетном тексте с экспрессивной целью жаргонизмов. Например: *Новому премьеру нужно внимательно присмотреться, кто из этих подчиненных готов принять новые правила игры и работать на государство, а кто остался сидеть на игле у олигархов.* Жаргонизация языка СМИ замечена многими исследователями и, как правило, оценивается негативно. Некоторые ученые, обращая внимание на массовое вхождение жаргонизмов в общепотребительный язык, замечают, что резко

понижился порог приемлемости в использовании маргинальной и нелитературной лексики: вульгаризмов, жаргонизмов, бранных слов. Например: *Скоро депутаты снова рассмотрят проект госбюджета 2006 года. А значит, будут делить бабки.* Другие объясняют происходящее в наше время снижение речевой культуры общества тем, что в СМИ получили распространение фамильярно-разговорный и средне-литературный типы речевой культуры, для которых характерно, наряду с системными нарушениями языковой нормы, использование просторечий и жаргонизмов. Так, для оценки деятельности политиков используются жаргонизмы *закосить, по барабану, губер, снять с ушей, въехать, перепахать, бодаться, раскрутиться, двинуть, сидеть на игле.* Например: *В какого губер ни ткнешь пальцем – попадешь в его личный бизнес, закачку денег во всевозможные местные фонды, прокрутку через городские праздники бюджетных средств и финансирование выборов.* Жаргонизмы выражают отрицательную оценку: *Пошли разговоры о том, что министра могут двинуть на политическую работу.*

О.И. Соколова [3] считает, что газета, выполняя функции четвертой власти и воздействуя на общество, должна формировать общую и речевую культуру общества. Критическое отношение к власти необходимо, но при этом журналист должен быть интеллигентным человеком и выражать свою оценку корректно. Убедительное доказательство своей точки зрения, выраженное литературным языком, оказывает большее воздействие на читателя, чем просторечие и жаргон. В.Г. Костомаров определяет основной стилистический принцип публицистики как единство экспрессии и стандарта, составляющее специфику газетной речи.

Список литературы

1. *Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб., 2001.
2. *Дубровская О.Н.* Формирование средствами массовой информации общественного мнения//Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 2004.
3. *Соколова О.И.* Культурно-речевая специфика газеты как элемента четвертой власти//Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 2004.
4. *Солганик Г.Я.* О специфике газетно-публицистической метафоры// Журналистика и культура русской речи. – 2002. – №2. – С.32-48.

С.С. Кувалина

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ А.П. ЧЕХОВА

Данная статья является продолжением исследования истории становления речевого этикета в русском языке [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Объектом нашего изучения послужили письма А.П. Чехова. Формулы речевого этикета на материале произведений писателя рассматривались

В.П. Трофименко [13; 14]. Наше внимание к эпистолярному жанру объясняется недостаточной изученностью языка эпистолярного наследия вообще, Чехова А.П. в частности. Переписка Чехова обширна. Это и изданные в полном собрании сочинений (1974 г.) 12 томов писем прозаика, драматурга, и переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер, и письма ему брата Ал.П. Чехова и т.д.

Изучая речевой этикет, мы должны помнить, что «поведение людей определяется прежде всего социальными нормами общества, в котором осуществляется коммуникация, этикет вообще, и в том числе речевой, складывается веками. Изменение общественных, социально-экономических и культурных отношений находит отражение в этикете [13, 5].

В любом эпистолярном наследии выделяются 3 группы писем в зависимости от характера отношений между адресатом и адресантом: официально-деловые; родственные и дружеские; внутригрупповые, передающие личностные и социальные отношения. Выбор форм вежливости в каждой из этих групп определяется нормами речевого этикета, традицией, внеязыковыми факторами.

Особый интерес вызывает наблюдение за лексической наполняемостью таких стереотипов вежливости, как обращения и подписи. В них отражаются все нюансы взаимоотношений между автором письма и адресатом.

В официальной и внутригрупповой переписке второй половины XIX – начала XX веков, как показывает материал, извлеченный из писем А.П. Чехова, широко распространены обращения, состоящие из одного регулятива [3, 80] «Милостивый государь» или его сочетание с обращением – индексом [3, 80] «имя, отчество».

«Милостивый государь!» – Дмитриеву А., актеру, антрепренеру [15, № 687]; Рощу М.Д., переводчику [15, № 2074]; Вечеслову М.Г., врачу [15, № 2147]; «Милостивая государыня!» – Васильевой О.Р., переводчице [15, № 2218]; «Милостивая государыня Елизавета Александровна!» – Никольской Е.А., писательнице [15, № 3319]; «Милостивый государь Анатолий Федорович!» – Кони А.Ф. [15, № 893]; «Милостивый государь Павел Михайлович!» – Третьякову П.М. [15, № 1957]; «Милостивый государь Евгений Вячеславович!» – Петухову Е.В., профессору Юрьевского университета [15, № 2553]; «Милостивый государь Николай Полиевктович!» – Дучинскому Н.П., педагогу, издателю [15, № 3506] и т.п.

В письма сугубо делового характера включаются наименования по титулу, званию, например: «Ваше превосходительство милостивый государь Михаил Николаевич!» – Галкину-Враскому М.Н., начальнику главного управления тюрем при министерстве внутренних дел; «Большое Вам спасибо, преосвященнейший владыко...» [15, № 3844] и «Простите, Ваше преосвященство...» – Петрову С.А. – епископу Сергию [15, № 4083].

В официальной и неофициальной (внутригрупповой) группах писем широко распространено вежливо-официальное обращение по имени отчеству с детерминативом «многоуважаемый», «уважаемый» или «глубокоуважаемый». Такие формулы этикета отсутствовали в письмах А.С. Пушкина [11].

«Многоуважаемый отец Архимандрит» – Петрову С.А., Архимандриту Сергию [15, № 2319]; «Многоуважаемый Гавриил Алексеевич!» – Харченко Г.А., мальчиком служил в бакалейной лавке П.Е. Чехова в Таганроге [15, № 2581]; «Многоуважаемый Адольф Федорович!» – Марксу А.Ф. [15, № 2646]; «Многоуважаемый Валентин Александрович...» – Серову В.А. [15, № 3190]; «Многоуважаемая Александра Алексеевна!» – Андреевой А.А. [15, № 3199]; «Многоуважаемый Константин Сергеевич!» – Алексею К.С. (Станиславскому) [15, № 3239]; «Многоуважаемый Пантелеймон Николаевич!» – Боярову П.Н., соученику по гимназии [15, № 3297]; «Глубокоуважаемая Елизавета Григорьевна!» – Бекетовой Е.Г., переводчице [15, № 2619]; «Простите, уважаемая Софья Петровна...» – Кувшинниковой С.П. [15, № 561]; «Уважаемая Надежда Михайловна...» – Гаршиной Н.М. [15, № 1077]; «Уважаемый Анатолий Александрович!» – Александрову А.А., редактору журнала «Русское обозрение» [15, № 1225] и т.д.

В дружеских письмах А.П. Чехов использует часто обращения, включающие в свой состав детерминатив и «имя отчество». Определения в формулах-обращениях к таким адресатам разнообразны, их семантика подчеркивает особое отношение автора. Можно назвать в их составе такие детерминативы, как «милый», «милейший», «дорогой», «добрейший», «любезный», «любезнейший»: «Добрейший Гавриил Павлович!» – Кравцову Г.П., отцу ученика А.П. Чехова, на ВЫ [15, № 33]; «Любезнейший друг Дмитрий Тимофеевич!» – Савельеву Д.Т., на ТЫ [15, № 62]; «Дорогой Алексей Николаевич!» – Плещеву А.Н., на ВЫ [15, № 360]; «Милый Николай Иванович!» – Коробову Н.И., на ТЫ [15, № 1663]; «Милый Владимир Иванович...» – Немировичу-Данченко В.И., на ТЫ [15, № 1819]; «Дорогой Иван Ильич...» – Барышеву И.И., на ТЫ [15, № 2849].

Экстралингвистические факторы, в частности долговременность переписки, переход от официальных отношений к дружеским, определяют и лексический состав обращений.

- М.М. Дюковскому, другу семьи Чеховых: «Милостивый государь Михаил Михайлович!» [15, № 34]; «Многоуважаемый Михаил Михайлович!» [15, № 51]; «Достоюуважаемый Михаил Михайлович!» [15, № 72]; «Милейший Банк!» [15, № 130]; «Милый Михаил Михайлович!» [15, № 133]; «Любезнейший Михаил Михайлович!» [15, № 145]; «Милейший Михаил Михайлович...» [15, № 577];

- Н.А. Лейкину, писателю-юмористу, журналисту: «Милостивый государь Николай Александрович!» [15, № 31]; «Многоуважаемый Николай Александрович!» [15, № 37, 40, 43]; «Уважаемый Николай Александрович!» [15, № 44]; «Добрейший Николай Александрович!» [15, № 139]; «Христос воскрес, милейший Николай Александрович!» [15, № 254]; «Ну, добрейший и гостеприимнейший Николай Александрович...» [15, № 127]; «Помилуйте, сударь мой...» [15, № 828].

- А.С. Суворину, публицисту, беллетристу, драматургу, издателю газеты «Новое время»: «Милостивый государь Алексей Сергеевич!» [15, № 149];

«Многоуважаемый Алексей Сергеевич!» [15, № 201]; «Уважаемый Алексей Сергеевич!» [15, № 210]; «Милый Алексей Сергеевич!» [15, № 579]; «...так-то, государь мой» [15, № 782]; «Ну-с, сударь мой, должен я Вам... не менее 800 рублей» [15, № 961]; «Ваше превосходительство!» [15, № 633, 732]; «Голубчик, «Свадьбу» верните назад с книгами...» [15, № 773].

• М. Горькому: «Многоуважаемый Алексей Максимович...» [15, № 2483]; «Дорогой Алексей Максимович...» [15, № 2558]; «О Вас, драгоценный Алексей Максимович, ни слуху ни духу» [15, № 2727]; «Милый Алексей Максимович...» [15, № 2862]; «Ну-с, сударь мой... Спасибо Вам, голубчик...» [15, № 3173]; «Дорогой мой, милый Алексей Максимович...» [15, № 3937].

• И.А. Бунину: «Милостивый государь Иван Алексеевич!» [15, № 896]; «Милый Иван Алексеевич» [15, № 3332]; «...Итак, будьте здоровы, голубчик...» [15, № 3444]; «Милый Жан! Укрой свои бледные ноги!» (шутливое письмо на ТЫ) [15, № 3875].

• В.М. Лаврову, редактору-издателю журнала «Русская мысль»: «Многоуважаемый Вукол Михайлович!», на ВЫ [15, № 1219, 1226, 1229]; «Ваша телеграмма, дорогой Вукол Михайлович...» [15, № 1280] и «Подул холодище, из чего я заключаю, милый Вуколушка, что Юпитеру угодно, чтобы поездку к тебе я отложил до следующей субботы» [15, № 1423]; «Милый Вукол...» [15, № 1477]; «Милый друже...» [15, № 1542]; «Милый друг Вукол Михайлович...» [15, № 2258]; «Здравствуй, милый Вукол Михайлович!» [15, № 2352].

Особенности языка писателя, его характер, творческое, индивидуальное «я» можно проследить не только на материале его произведений, но и в эпистолярном наследии [8]. Иван Ежов, говоря о переписке Александра Павловича Чехова с Антоном Павловичем, замечает: «Переписка двух братьев-писателей с самого начала приняла интимно-дружеский и юмористический характер и в этом духе продолжалась до конца. Будучи сам юмористом первого ранга, Антон Павлович особенно ценил именно юмористическую струю писем брата и с явным удовольствием поддерживал тот дружественно-шутливый тон, который устанавливался в их письмах друг к другу.

Уже самые обращения, которыми они обменивались в начале писем, и подписи под письмами чрезвычайно характерны в этом отношении. Оба адресата были совершенно неистощимы на остроумные выдумки всевозможных прозвищ и эпитетов, то ласкательно-комических, то добродушно-насмешливых, то сверкающих неожиданным оборотом или метким словом, – прозвищ-эпитетов, которыми они изощрялись наделять друг друга чуть ли не в каждом письме и каждый раз по-новому, как бы соревнуясь друг с другом в остроумии и находчивости» [4, 22].

Например, А.П. Чехов обращается к брату: «Таможенный брат мой Александр!» (А.П. Чехов служил в это время в Таганрогской таможне) [15, № 27]; «Легкомысленный и посмеяния достойный брат мой Александр» [15, № 28]; «Добрейший столоначальник Александр Павлович!» [15, № 32]; «Любезный друг Сашинькѣх!» [15, № 35]; «Ваше Целомудрие!» [15, № 219]; «Податель сего!» [15, № 224]; «Шантажист!» [15, № 227]; «Гусев!» [15, № 226]; «Голова са-

довая!» [15, № 232]; «Недоуменный!» [15, № 233]; «Саша-Таракаша!» [15, № 274]; «Гусиных!» [15, № 316]; «Гуськов!» [15, № 333]; «Гусинский!» [15, № 356]; «Уважаемый Акакий Спиридоныч господин Гусев!» [15, № 346]; «Милый Гусопуло!» [15, № 363]; «Гусиади!» [15, № 368]; «Бездельник!» [15, № 412]; «Ненастоящий Чехов!» [15, № 449]; «Ваше Вдовство!» [15, № 472]; «Бесшабашный шантажист, разбойник пера и мошенник печати!» [15, № 476]; «Отче Александре!» [15, № 486]; «Раскаявшийся пьяница!» [15, № 522]; «Беззаконно живущий и незаконно погибающий брат мой!» [15, № 607]; «Г. губернский секретарь» [15, № 609]; «Лжедраматург, которому мешают спать мои лавры!» [15, № 651]; «Журнальный лилипут!» [15, № 672]; «Алкоголизм!» [15, № 683]; «Двулично-вольнодумствующий брат наш!» [15, № 966]; «Фотографический и плодовитый брат мой» [15, № 988]; «Пожарный брат мой! (в феврале – марте 1892 г. Ал.П. Чехов редактировал журнал «Пожарный (Вестник пожарного дела в России)») Литературный брандмайор!» [15, № 1116]; «Господин А. Седой! (А. Седой – псевдоним Ал.П. Чехова) Отче Повсекакие!» [15, № 1664]; «Господин Шекспир!» [15, № 2195]; «Завистник и Интриган!» [15, № 2209]; «Пролетарий! Бедный брат! Честный труженик, эксплуатируемый богачами!» [15, № 2702]; «Бедный, неимущий Саша!» [15, № 2751]; «Любезный братттт!» [15, № 2925]; «Милый Сашшичка...» [15, № 4394] и т.п.

А в письмах брата Антон Павлович находит: «О пресловутый отче Антоние!» [4, № 1]; «Велемудрый Антоние!» [4, № 3]; «Брате Антоне!» [4, № 26]; «Милый Братт Аннтоша!» [4, № 49]; «Многоуважаемый и высокочтимый брат по перу и по нашей маменьке, Евгении Яковлевне, Антон Павлович!» (шутливое поздравление на ВЫ) [4, № 45]; «Бесселезеночный брат мой!» (Человек без селезенки – один из псевдонимов А.П. Чехова) [4, № 29]; «Фурор производящий брат мой Антон!» [4, № 67]; «Литературный 1» [4, № 76]; «Злочестивый брат мой Агафанафанафангел!» [4, № 81]; «О Гейним...» [4, № 103]; «Брат пьяницы!» [4, № 129]; «Увенчанный лаврами Академии Науккк, душенька! Брат мой!» [4, № 130]; «Doctor von Cheromantie¹» [4, № 112]; «Драматический комедиант...» [4, № 136]; «Автор многих пьес!» [4, № 140]; «Чехов 1» [4, № 142]; «Не менее великолепный, но холостой Антоша...» [4, № 145]; в ответ на «Великолепный и женатый брат мой Саша» [15, № 697]; «Литературно-медиико-двулично-вольнодумствующий сахалинский Стэнли...» [4, № 148]; «Кругосветный брат» [4, № 151]; «Кругосветный гений» [4, № 153]; «Поджигатель!» [4, № 238]; «Заграничный брат!» [4, № 255]; «Перелетная птица!» [4, № 280]; «Заграничный благодетель!» [4, № 256]; «Житель города Ялты!» [4, № 282]; «Г. Мещанский староста города Ялты!» [4, № 283]; «Зазнавшийся богач!» [4, № 292]; «Бывший братт, а ныне богач-марксист» (А.П. Чехов продал права на издание своих сочинений А.Ф. Марксу) [4, № 294] и т.д.

А.П. Чехов, любивший розыгрыш, шутку, остается таким и в письмах к близким ему людям. Используя в неофициальной переписке в составе обращения «милостивая государыня», придает ему экспрессивно-эмоциональную оценочность: «Милостивая государыня Маша!» – М.П. Чеховой [15, № 175]; «Ми-

¹ Доктор хиромантии (лат.)

лостивая государыня Василиса Пантелеевна» – Киселевой А.А., (в шутку Сашу Киселеву называет Василиса, она его – Вася) [15, № 751].

Антон Павлович неистошим на выдумку в наименовании своих адресатов: «Наша собственная сестра!» [15, № 84]; «Мадемуазель сестра!» [15, № 175]; «Милейшая!» [15, № 236] – сестре; «Миша-терентиша!» [15, № 105] – Чехову М.П.; «Кокарда!» [15, № 174]; «Брате Иване!» [15, № 2123]; «Милый Жан...» [15, № 2418] – Чехову И.П.; «Благосклонные читатели и благочестивые слушатели!» [15, № 255]; «Милые домочадцы» [15, № 460]; «Великолепная моя мамаша, превосходная Маша, сладкий Миша и все присные мои [15, № 818]; «Друзья мои тунгусы!» [15, № 811, 813, 820] – Чеховым; «Барин!» [15, № 377] и «Ваше высокородие!» [15, № 1053] – Киселеву А.С.; «Несчастный доктор, не находящий себе места от любви к неизвестной девице!» [15, № 716] и «Счастливей избраннык Гименея, добрейший доктор и восхитительный мужчина!» [15, № 743] – Оболонскому Н.Н.

Л.С. Мизинову называет: «Думский писец!» [15, № 880]; «Золотая, перламутровая и фильдекосовая Лика!» [15, № 968]; «Очаровательная, изумительная Лика!» [15, № 976]; «Милая Мелита...» [15, № 1150]; «Ликуся...» [15, № 1170]; «Милая канталупочка...» [15, № 1195]; «Приезжайте, милая блондиночка...» [15, № 1333]. И.Л. Леонтьева, писателя, автора военных рассказов – «Милый капитан!» [15, № 345]; И.Л. Леонтьев в чине капитана участвовал в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг.; «Милый Альба!» [15, № 350]; «Милый Жан и дачный муж!» [15, № 404]; «Милый Жанушка!» [15, № 517]; «Милый Жанчик!» [15, № 524]; «Mein lieber Johann¹» [15, № 529]; «Милая, трагическая Жанушка!» [15, № 703]; «Милый и неизменно любезный сердцу моему Жан на Клязьме!» [15, № 1433]; «Жан со Студеной горы!» [15, № 1869]. В.А. Тихонова, драматурга, журналиста – «Живу я, милый российский Сарду...» [15, № 657]; «Ваше благородие, г. Сарду!» [15, № 719]; «Поздравляю Вас, любимец муз...» [15, № 871]; «Милейший приятель Владимир Алексеевич!» [15, № 618].

В такой родственно-дружеской, интимной переписке А. Чехов свободен от соблюдения норм речевого этикета: здесь он в первую очередь художник, блестящий остроумием, владеющий русским языком. Так, обращаясь к невесте, а потом жене О.Л. Книппер, А.П. Чехов использует самые разнообразные ласкательные прозвища. В этих письмах находим и индивидуально-авторские неологизмы: Книппуша, Книппшиц, Книпперуша (от Книппер); актрисуля, актрисочка (от актриса); милюся (от милая) и др.

«Милая Книппуша, драгоценная моя, не сердись» [15, № 3546]; «Приезжай, милая, хорошая, добрая моя немочка, актрисуля» [15, № 3556]; «Книппшиц, милая...» [15, № 3357]; «Значит, ты, Книпперуша, хорошо играла?» [15, № 3599]; «Я люблю тебя, мой балбесик, бабочка моя, актрисуля» [15, № 3849]; «Милая, славная, великолепная моя актриса...» [15, № 3120]; «Милюся моя...» [15, № 3121]; «Здравствуй, милая, хорошая моя актрисочка» [15, № 3122]; «Береги себя, моя палочка» (после болезни О.Л. Книппер-Чехова очень похудела, поэтому Чехов называл ее в шутку «палочка») [15, № 3776]; «Радость моя, ду-

¹ Мой любимый Иоганн (нем.).

сик, вчера я приехал в Ялту... Пиши, моя Дуся... Не скучай, светик...» [15, № 3896]; «Дусик мой, окунь мой...» [15, № 3814]; «Пиши же, не ленись, собака моя хорошая, девочка моя великоленпая» [15, № 3819]; «Крокодильчик мой, жена моя необыкновенная...» [15, № 3824]; «Будь здоровая, моя милая воробьяха» [15, № 3825]; «Милый мой карапузик...» [15, № 3827]; «Милая моя философка, немчушка моя, здравствуй!» [15, № 3841]; «Актрисуля, собака моя милая, Фомка, здравствуй!» [15, № 3956]; «Кашалотик мой милый...» [15, № 4352]; «Здравствуй, кринолинчик мой, бабуся моя славная!» [15, № 4381]; «Здравствуй, милый мой собачик!» [15, № 4391]; «Милая моя конопляночка...» [15, № 4395]; «Милый мой зяблик, здравствуй!» [15, № 4407] и др.

Анализируя концовки как формулы речевого этикета, отмечаем соблюдение традиций. Так, в официально-деловой переписке в составе подписей встречается самонаименование «слуга», детерминативы, характерные для книжной речи: «покорный», «покорнейший». «Примите уверение в глубоком уважении и преданности Вашего покорнейшего слуги А. Чехова» – Тихонравову Н.С., академику, историку литературы [15, № 728]; «с искренним уважением и преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Антон Чехов» – Галкину-Враскому Н.М. [15, № 756]; «С истинным почтением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою А. Чехов» – Врзалу А., чешскому критику и переводчику Чехова [15, № 997]; Герье В.И., профессору Московского университета [15, № 1061]; Била Е., переводчице [15, № 1561]; «Ваш покорный слуга» – Черткову В.Г., одному из редакторов издательства «Посредник» [15, № 1191]; «Не откажите принять уверение в совершенном почтении и преданности Вашего покорнейшего слуги. Антон Чехов» – Сухомлинову М.И., историку литературы, академику [15, № 3015].

Свое отношение к адресату Антон Павлович выражает, включая в состав подписей такие фразеологизмы, как «готовый к услугам», «имею честь быть (остаюсь) с почтением (уважением)», «позвольте пребыть (пребываю) уважающим (любящим)», «прошу принять уверение в почтении (уважении, преданности)». В составе стереотипов конца писем широкое распространение получила лексема «уважающий», отсутствовавшая в переписке пушкинской поры [11]. Концовкам нередко сопутствуют пожелания, благодарность. «Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно уважающим и преданным А. Чехов» – Кононовичу В.О., генералу, начальнику острова Сахалин [15, № 912]; «Желаю Вам всего хорошего. Готовый к услугам А. Чехов» – Клюкину М.В., книготорговцу и издателю [15, № 2500]; «Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно Вас уважающим, готовым к услугам. А. Чехов» – Петухову Е.В., профессору Юрьевского университета [15, № 2553];

«Уважающий А. Чехов» – Рассохину С.Ф., драматургу [15, № 1228]; «Искренно Вас уважающий и преданный А. Чехов» – Горбунову И.Ф., писателю [15, № 1259]; «Желаю Вам всего хорошего и еще раз благодарю. Искренно Вас уважающий А. Чехов» – Репину И.Е. [15, № 1268]; «Искренно преданный А. Че-

хов» – Чайковскому П.И. [15, № 2696]; «Всего Вам хорошего, не хворайте и не забывайте преданного Вам А. Чехова» – Комиссаржевской В.Ф. [15, № 1924];

«С почтением А. Чехов» – Забавину Н.И., учителю школы в Новоселках [15, № 1864]; «С почтением имею честь быть А. Чехов» – Сысоевой Е.А., писательнице [15, № 331] и др.

Лаконичное «Ваш А. Чехов» встречается в письмах к Ф.О. Шехтелю, Н.А. Лейкину, М.М. Дюковскому, В.Г. Короленко, А.П. Плещееву, А.С. Киселеву, В.А. Тихонову, А.И. Сумбатову, М.И. Чайковскому, Ф.И. Шаляпину и многим другим.

Разнообразны подписи в переписке с родными, друзьями: они представлены от «Твой А. Чехов» до концовок, включающих шуточные самонаименования. «Юмор был одним из наиболее основных свойств характера и творчества Чехова» [2, 26]. И это нашло отражение в языке его писем, и в частности в стереотипах, присущих речевому этикету.

«Ваш молитвенник Иеромонах Антоний» – матери [15, № 2125]; «А. Чехонте» – Чеховой М.П. [15, № 261]; «Кланяюсь и желаю всяких благ. Ив. Ив. Лобода» – Чеховой М.П. [15, № 2035] «Будь здорова. Крепко жму руки. Антоний, епископ Мелиховский, Аутский и Кучкуйский» – Чеховой М.П. [15, № 2567]; «Скучающий вологжанин Номо Sachlienius¹ А. Чехов» – Чеховым [15, № 808]; «Ваш Antonio» – Чеховым [15, № 937]; «Граф Платов» – Чехову М.П. [15, № 425]; «Член товарищества и распорядитель А. Чехов» – Чехову И.П. [15, № 174]; «Весь Ваш Царь Мидийский» – Мизиновой Л.С. [15, № 1198]; «Предводитель дворняжек Голован-Ртищев» – Мизиновой Л.С. [15, № 993]; «Машин брат» – Мизиновой Л.С. [15, № 1147]; «До свиданья! Ваш Кушеткер» – Мизиновой Л.С. [15, № 2045]; «Ваш Повсекакий Бумажкер» – Мизиновой Л.С. [15, № 2057]; «Ваш благодетель и кум Повсекакий» – Щепкиной-Куперник Т.Л. [15, № 2419]; «Житель «Лувра» (№ 54) А. Чехов» – Щепкиной-Куперник Т.Л. [15, № 1378]; «С почтением: ответственный бухгалтер А. Чехов» – Дюковскому М.М. [15, № 137]; «Хирург патологии: А Чехов» – Розанову П.Г., врачу [15, № 108]; «Остаюсь преданная Вам Лопасня» – Смагину А.И. [15, № 1370]; «Будьте здоровы. Душевно преданный Сухой рассудок ум» – Киселевой М.В. [15, № 371]; «Ваш Лицемер» – Киселевой М.В. [15, № 757]; «Сосед Ваш прозоплет А. Чехов» – Уманскому С.Л. [15, № 3766]; «Маньяк-хуторянин и Географ А. Чехов» – Линтваревой Н.М. [15, № 983]; «Крепко жму руку Аутский помещик А. Чехов» – Бальмонту К.Д. [15, № 4749] и т.п.

Свободны от этикетных ограничений заключения в письмах к О.Л. Книппер-Чеховой: «Весь твой Antoine» [15, № 3157]; «Твой Тото, отставной лекарь и заштатный драматург» [15, № 3253]; «Кланяюсь в ножки, целую, обнимаю и опять кланяюсь в ножки. Твой старец Антоний» [15, № 3260]; «Твой Тото, титулярный советник и кавалер» [15, № 3240]; «Твой Антоний Иеромонах» [15, № 3275]; «Дуся, до свиданья, прощай! Твой хозяин Антон» [15, № 3447]; «Твой немецкий муж в потертых назади брюках. Антон» [15,

¹ Человек сахалинский (лат.)

№ 3691]; «Твой муж А. Актрисин» [15, № 3664]; «Твой строгий муж Antoine» [15, № 3702]; «Твой кое-кака» [15, № 4395] и др.

И снова, как и обращения, многообразны подписи, остроумны самоназвания в переписке братьев, Антона Павловича и Александра Павловича.

А.П. Чехов: «Tuus¹ А. Чехов» [15, № 56]; «Имею честь быть Врач А. Чехов» [15, № 213]; «А. Чехонте» [15, № 246]; «Прощай и пиши. Тенденциозный Антон» [15, № 323]; «Твой Шиллер Шекспирович Гете» – после премьеры «Иванова» [15, № 339]; «Твой 33 моментально» [15, № 378]; «Остаюсь недовольный тобою Благороднов» [15, № 419]; «Будь здоров и пиши. Настоящий» – в обращении «Ненастоящий Чехов» [15, № 449]; «Tuus magister bonus Antonies XIII²» [15, № 632]; «Остаюсь упрекающий в неведении Чехов 1-й» [15, № 646]; «Твой азиатский брат А. Чехов» – в обращении «Европейский брат!» [15, № 831]; «Твой снисходительный брат А. Чеховской» [15, № 874]; «Твой Цынцынатус» – Цинциннат Луций Квинкит – римский политический деятель, полководец, занимался также земледелием и славился скромностью образа жизни [15, № 1143]; «Упрекающий тебя А. Достойнов-Благороднов» [15, № 1615]; «Погорелец А. Чехов» [15, № 1856]; «Твой холостой брат Антоний» [15, № 2363]; «Богатый родственник, землевладелец А. Чехов» – после покупки участка земли за Алушкой [15, № 2610]; «Твой брат известный академик А. Чехов» [15, № 3076] и т.п.

Ал. П. Чехов: «Не твой А. Чехов» [4, № 49]; «Примите уверение и проч. («ПО»-) Читатель Ваших произведений» – шутивное письмо на ВБ [4, № 65]; «Крепко жму руку. Твой Гусиных-Ощипаных» [4, № 255]; «И с тем досвидания. Г.. Дваждыгусов» [4, № 282]; «Целую от всей души и прочее. Твой бедный, но честный и отрекающийся от тебя родственник Гусев» [4, № 292]; «Tuus Гусятницын» [4, № 105]; «Сбрось с себя собачью старость и будь здоров Чехов 2» – обращение «Чехов 1!» [4, № 142]; «Твой Гусев, Уткин, но не Чехов» [4, № 152]; «Твой редактор (а не такая тля, как ты – сотрудник) Ал. Чехов» – в это время редактор журнала «Пожарный» [4, № 172]; «Бывший брат (не Марксист)» [4, № 306] и др.

Связь лексического состава формул речевого этикета и экстралингвистических факторов можно проследить, исследуя концовки писем, адресованных А.С. Суворину: постепенное сближение с публицистом, беллетристом, драматургом и издателем газеты «Новое время» позволяет А. Чехову отказаться от официальных стереотипов, нередко адресант прибегает к шутивным подписям.

Сравните: «С почтением имею честь быть А. Чехов» [15, № 149]; «Пожелав Вам и Вашему семейству всякого благополучия, пребываю искренне уважающим А. Чехов» [15, № 201]; «Искренно преданный А. Чехов» [15, № 210]; «Искренно преданный эскулап А. Чехов» [15, № 455]; «Ваш сердечно А. Чехов» [15, № 477].

И далее: «Будьте счастливы и не забывайте меня в своих святых молитвах. Ваш Акакий Тарантулов» [15, № 647]; «Будьте здоровы и счастливы 1000 раз.

¹ Твой (лат.).

² Твой добрый наставник Антоний 13 (лат.)

Ваш Потемкин» – по воспоминаниям М.П. Чеховой, Суворин дал Чехову кличку Потемкин за его необыкновенные успехи в литературе [15, № 653]; «С почтением Генрик Блокк и К^о» [15, № 777]; «Ваш молитвенник А. Чехов» [15, № 1055]; «Низко кланяюсь и молю небо о прощении грехов и ниспослании Вам всяких благ. Архимандрит Антоний» [15, № 1434]; «Ваш Лаэрт из Таганрога» [15, № 1618]; «Ваш молитвенник Иеромонах Антоний» [15, № 2016] и др.

Наш материал показал, что существует прямая зависимость выбора стереотипа вежливости от речевой ситуации. Кроме того, индивидуально-авторское «я» присутствует и в такой части эпистолярного жанра, как формулы вежливости.

«Он очень любил шутки, нелепые прозвища, мистификации; в последние годы, как только ему ненадолго становилось лучше, он был неистощим на них, но каким тонким комизмом вызывал он неудержимый смех! Бросит два-три слова, лукаво блеснет глазом поверх пенсне... А его письма! Сколько милых шуток было в них всегда при их совершенно спокойной форме!» [1, 468].

Список литературы

1. Бунин И.А. Чехов // Чехов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1954. – С. 473 – 484.
2. Голубков В.В. Мастерство А.П. Чехова. – М.: Учпедгиз, 1958.
3. Гольдин В.Е. Этикет и речь. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1978.
4. Ежов Ив. Александр Павлович Чехов и его переписка с братом Антоном Павловичем // Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова. – М., 1939.
5. Кувалина С.С. Лексика самоназваний автора в эпистолярном жанре XVII – начала XVIII века // Вопросы русского современного словообразования, лексики и стилистики. Научные труды Куйбышевского педагогического института. Т. 145. – Куйбышев, 1974. – С. 167–177.
6. Кувалина С.С. Концовки и подписи писем как языковые формы вежливости (на материале переписки второй половины XVII – первой четверти XVIII вв.) // Вопросы исторической грамматики русского языка. – Челябинск, 1977. – С. 36–47.
7. Кувалина С.С. Манеры обращения к адресату на ТЫ – ВЫ в переписке второй половины XVIII – первой половины XIX вв. – Челябинск: Челябинский гос. пединститут, 1984. – 9 с. Деп. в ИНИОН АН СССР № 17257 от 28.06.1984.
8. Кувалина С.С. Проза и поэзия жизни (о речевом этикете А. Блока) // Проблемы филологии в синхронии и диахронии: Сб. статей к юбилею профессора Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2005. – С. 331 – 335.
9. Кувалина С.С. Становление языковых стереотипов вежливости в эпистолярном жанре второй половины XVII – первой четверти XVIII вв.: Автореферат дис... канд. филол. наук (10.02.01 – «Русский язык») / С.С. Кувалина. – Куйбышев, 1975. – 24 с.
10. Кувалина С.С. Становление манеры обращения к адресату на ВЫ в эпистолярном жанре XVII – начала XVIII вв. // Вопросы истории и диалектоло-

гии русского языка: Научные труды Куйбышевского педагогического института. Т. 170. Вып. 4. – Куйбышев, 1975. – С. 72–75.

11. Кувалина С.С. Формулы речевого этикета (обращения, подписи) в письмах А.С. Пушкина. – Челябинск: Челябинский гос. пединститут, 1984. – 15 с. Деп. в ИНИОН АН СССР № 17256 от 28.06.1984.

12. Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер. – М.: Мир, 1934.

13. Трофименко В.П. Формулы речевого этикета в разговорной речи (на материале произведений А.П. Чехова): Автореферат дис... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1973.

14. Трофименко В.П. Социальная дифференциация обращений // Языкознание и литературоведение. – Ростов-на-Дону, 1972. – С. 41 – 45.

15. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма в 12 т. – М.: Наука, 1974.

16. Чехов М.П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. Чехова М.Е. Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1981.

Н.М.Ротанова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА (НА МАТЕРИАЛЕ СРАВНЕНИЙ В РОМАНАХ О ДОЗОРАХ С.В. ЛУКЪЯНЕНКО)

Среди словесных текстов, оказывающих наиболее сильное влияние на формирование языковой личности, важное место принадлежит прецедентным текстам. Термин «прецедентный текст» был введен в науку о языке Ю.Н. Карауловым. Прецедентными он назвал тексты: 1) «значимые для <...> личности в познавательном и эмоциональном отношениях»; 2) «имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников»; 3) тексты, «обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [7, 216]. Знание таких текстов свидетельствует о принадлежности человека к определенной социально-культурной группе, а также является показателем высокой речевой и общей культуры, «их знание *общественно осознается* как необходимый признак образованного, культурного человека. Они составляют костяк фоновых знаний человека» [8, 44]. Кроме всем известных выдержек из чужой речи (классической литературы в том числе), говорящих имен и названий, к прецедентным текстам относят крылатые слова, афоризмы, пословицы (текст, который включен тем или иным способом в другой текст, называют еще интертекстом).

В романах Сергея Лукьяненко о дозорах прецедентные тексты часто являются основным компонентом сравнения – образом. Сравнение – форма отражения объекта в сознании человека; «это средство актуализации сознательного и неосознаваемого языкового опыта, языковой результат выражения внутреннего мира человека» [9, 93]. Через сравнения передается и авторское отношение к изображаемому, и ассоциации, которые возникают у адресанта высказывания при восприятии описываемого предмета; сравнения говорят гораздо больше об

авторе, чем простое описание. Отражение конкретной языковой личности (в частности личности современного писателя), его мировосприятия можно, безусловно, найти в использовании говорящим выразительных ресурсов русского языка, например, сравнений. Однако писатель, обращаясь к массовому читателю, должен помнить (если хочет быть понятым): круг часто цитируемых текстов исторически меняется: то, что для одного поколения читателей было хрестоматийным, для другого уже нуждается в комментариях, а кроме того, писатель должен представлять характер основной части своей аудитории.

Увидеть в том или ином произведении следы других текстов читателю подчас бывает очень нелегко. Нередко связь одного текста с другим (другими) выражается имплицитно через скрытые, или раскавыченные, цитаты.

– Когда один олигарх разбирается с другим, то некие правила чести соблюдаются! Потому что и у того, и у другого имеются отморожки-исполнители, компромат друг на друга, кое-где – общие интересы, кое-где – родственные связи. Та же самая аристократия, что и раньше! Те же самые короли, сидящие по уши в капусте. А простые люди – быдло. Стадо баранов, которых выгодно стричь, но порой прибыльнее пустить под нож [3, 29].

Чтобы смысл данного сравнения был воспринят адресатом адекватно тому, что заложил в высказывание автор, необходимо соотнести образ с сатирической притчей О.Генри «Короли и капуста», который, в свою очередь, использует для её названия слова баллады из детской книжки (известной всем англичанам) Льюиса Кэрролла «Сквозь зеркало»:

Морж и плотник гуляли по берегу. У берега они увидели устриц. Им захотелось полакомиться, но устрицы зарылись в песок и глубоко сидели в воде. Морж, чтобы выманить их, предложил им пройти прогуляться.

– Приятная прогулка! Приятный разговор! – соблазнял он простодушных устриц.

Те поверили и побежали за ним, как цыплята.

– Давайте же начнем! – сказал Морж. – Пришло время потолковать о многих вещах: о бабшаках, о кораблях, о сургучных печатях, о капусте и о королях! Но, несмотря на такую большую программу, рассказ Моржа оказался очень коротким: скоро слушатели все до одного были съедены [4, 13].

Как видим, второе сравнение в указанном выше контексте также соотносится со смыслом притчи: простые люди – «стадо баранов, которых выгодно стричь, но порой прибыльнее пустить под нож».

В данном примере прецедентный текст используется и для создания каламбура: «*Те же самые короли, сидящие по уши в капусте*» и название сатирической притчи О. Генри «*Короли и капуста*». Сергей Лукьяненко сталкивает буквальное и переносное, жаргонное, значение слова «капуста»: капуста – 1. Мол., жрр., угол. Деньги. ◇ Белокочанная капуста. Шутл. Рубли. ◇ Цветная капуста. Шутл. Иностранная валюта. 2. Мол., жрр. Доллары США [10, 243]. Ирония автора отражает реалии тех лет, когда возникла идея романов о дозорах: инфляция, девальвация, неуважение к рублю, переход на иностранную валюту при расчетах внутри государства, «первоначальное накопление капитала».

Любая интертекстуальность, храня определенный изначальный смысл, обладает способностью обновлять и приумножать этот смысл.

Окрашенные юмором сравнения помогают сформировать позитивное отношение у читателей к романам С. Лукьяненко: информация, сопровождающаяся положительными эмоциями, воспринимается легче.

В теле любовницы шефа, древней, как собор Парижской Богородицы... [1, 175].

Антон Городецкий меняется телами с любовницей шефа. Автор вышучивается не только «древняя любовница шефа» (как говорится, пора бы ей не о телесных утехах думать, а о вечном), но и сам шеф, который не нашел себе дамы помоложе, как это обычно принято. Кроме того, чувствуется ирония героя по отношению к себе: теперь ему придется «изнутри» терпеть неудобства, связанные с возрастом другого человека. В данном случае совмещаются два тропа – сравнение и гипербола. Собор был построен в 1285 году (его строительство длилось 170 лет, с 1163 года). Желая указать на долгий срок или «древний» возраст, обычно говорят что-то вроде «сто лет в обед», а собору Notre Dame de Paris скоро тысяча. Даже если читателю не известна история создания собора, он знает, что это старинное строение, и, следовательно, воспринимает оба тропа.

В области, где опытные Иные чувствовали себя знатоками, я покуда разбирался еще хуже, чем известное животное в известных фруктах [3, 178].

Самоирония героя не воспринимается как категорическая оценка, так как используется эвфемистическая форма её выражения. «Свинья в апельсинах», разумеется, понимает меньше, чем человек в этих ароматных и приятных на вкус фруктах, но и она способна понять, что апельсины съедобны. Следовательно, герой романа «покуда» не готов даже к этому. Так передается степень действия (состояния) и дается оценка герою в сравнении с «опытными Иными».

Сергей Лукьяненко в качестве прецедентного текста использует и название популярного кинофильма, и имена сказочных и литературных героев:

– Может быть, вернемся в офис? – проворчал маг Юра. – Торчим на ветру, как три тополя на Плющихе [3, 225].

Молодёжная аудитория, скорее всего, не знает сюжета фильма Татьяны Лиозновой, потому весь контекст не соотносит с кинокартиной «Три тополя на Плющихе»: героиня Татьяна Дорониной не смогла выбраться из запертой квартиры и не пришла на свидание с таксистом (его роль играл Олег Ефремов), который прождал понравившуюся ему женщину не один час у кафе «Три тополя» на Плющихе. Авторское «торчим на ветру» как раз и позволяет читателю понять использованный образ (торчать – разг. Стоять, размещаться где-либо (о предметах, назойливо бросающихся в глаза); о присутствии неуместном, нежелательном где-либо [12, 389]).

Летел он, подобно летучей мыши, или бежал, словно Серый волк из сказки, - но теперь Костя остановился [2, 405].

С. Лукьяненко имеет в виду сказку «Иван-Царевич и Серый волк». Чтобы понять, как именно бежал Костя, необходимо вспомнить сюжет сказки:

*К вечеру, когда солнышко стало опускаться к западу, почему и в воздухе стало не очень жарко, королева Елена Прекрасная пошла в сад прогуляться со своими нянюшками и с придворными боярынями. Когда она вошла в сад и подходила к тому месту, где серый волк сидел за решеткою, вдруг серый волк перескочил через решетку в сад и ухватил королеву Елену Прекрасную, перескочил назад и **побежал с нею что есть силы-мочи**.*

*Прибежал в чистое поле под зеленый дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему: «Иван-царевич, садись поскорее на меня, на серого волка!» Иван-царевич сел на него, а серый волк **помчал** их обоих к государству царя Афрона [6].*

Что есть силы (мочи) – очень быстро (бежать, ехать, мчаться и т.п.). Ср.: во весь дух, что есть духу, во все лопатки, во всю прыть, изо всех сил [13, 421]; мчаться – передвигаться с большой скоростью, нестись; нестись – очень быстро двигаться, перемещаться [12, 316; 482]. А если учесть, что Серый Волк – существо сказочное, а значит, и силой он обладает сказочной, то скорость, с которой Костя бежал, описана автором опять не только с помощью сравнения (прецедентного текста), но и благодаря использованию гиперболы.

*Мечтал снова **стать живым**. «Как Пиноккио», не то прочитав Коллоди, не то посмотрев «Искусственный разум», нашел он верное сравнение [2, 99].*

Автор отсылает читателя к сказке Карло Коллоди «Приключения Пиноккио. История одной марионетки» про мальчика, сделанного из дерева и ожившего в руках мастера. Правда, основание сравнения связывает образ не только с героем Карло Коллоди, но и с другим произведением, в котором использована сама идея сказки об «искусственном человеке», – фильмом Стивена Спилберга «Искусственный разум».

Конечно, имя сказочного героя у многих, как говорится, на слуху, но имя автора сказки современному читателю вряд ли известно, а контекст не позволяет понять, что именно Карло Коллоди придумал сказку про мальчика, сделанного из дерева, нос которого растёт каждый раз, когда он говорит неправду. Второе основание сравнения («не то посмотрев «Искусственный разум»¹) в большей степени объясняет образ. Действие фильма происходит в будущем. Глобальное потепление привело к затоплению крупных городов, таких, как Нью-Йорк и Венеция и др. Человечество пытается поддержать цивилизацию, создавая андроидов, наделённых искусственным разумом. Эти попытки приводят к разработке человекоподобного робота-ребёнка принципиально нового типа, который способен любить. Его называют Дэвидом. Вследствие некоторых обстоятельств он попадает в семью, чтобы заменить родителям умершего сына. Однажды Дэвид отправляется на поиски Голубой Феи, о которой услышал из сказки «Пиноккио», он поверил, что Фея сможет сделать его настоящим мальчиком.

Возможно, молодым поклонникам таланта С. Лукьяненко будут понятны не все использованные автором образы, но отраднее, что факты всемирной куль-

¹ «Искусственный разум» - научно-фантастическая драма Стивена Спилберга, вышедшая в 2001 году.

туры, причём отражающие глубокие философские раздумья человечества о сущности живого, нашли место в романах писателя-фантаста.

Меня охватила дрожь. Мелкая нервная дрожь, будто я опять была ученицей, первый раз пробующей оттянуть чужую силу. Наверное, так трясся бы на моем месте набоковский Гумберт Гумберт [3, 80].

Роман В. Набокова «Лолита» был написан в 1954 году, переведен автором на русский язык в 1965 году. Кто-то называет это произведение романом о педофилии (например, Сергей Рыков), а кто-то «лучшим произведением о любви» (например, Юрий Нагибин).

Вот мысли сорокалетнего Гумберта, возжелавшего любви девочки не полных 14-ти лет: «Когда я полностью опутал мою жаром пышущую душеньку этой сетью бесплотных ласок, я посмел погладить ее по ноге, по крыжовенным волоскам вдоль голени, и я смеялся собственным шуткам и трепетал, и таил трепет, и раза два ощутил беглыми губами тепло ее близких кудрей» [11]. Трепет, который описал В. Набоков, и «трепет», о котором говорит Сергей Лукьяненко, связаны через объект, его вызывающий: Гумберт ласкает нимфетку Лолиту, а ведьма Алиса, потерявшая на задании свою Силу, едет в детский лагерь «Артек» работать вожатой, чтобы ночью восстанавливать Силу, забирая у спящих девочек из их снов негативные эмоции: страх, обиду, злость.

В менталитете русского человека всегда большое место занимала историко-литературная память, поэтому обращение к прецедентным текстам можно считать существенной особенностью проявления русской речевой культуры. Благодаря интертекстуальности создается связность между текстами в пределах мировой литературы, конкретный текст оказывается звеном в цепи культурного общения человечества.

Стилистика романов С. Лукьяненко позволяет уместно использовать в качестве прецедентных текстов и такой фольклорный жанр, как анекдот.

Глаза были пустые, в общем, парень очень напоминал героя анекдота – боксера: «а еще я туда ем» [3, 219].

Корреспондент берёт интервью у боксёра:

– У Вас очень хороший удар левой, а зачем боксёру голова?

– Я классно держу удар в голову, могу и обманный маневр сделать.

– А ещё зачем?

– А ещё я туда ем...

Основание сравнения – глаза были пустые – как раз и объясняет, почему парень напоминал боксера из анекдота: глаза не только зеркало души, в них и ум человека должен «отражаться», если же они пустые, значит, отражаться нечему.

Другой популярный в народе анекдот использован Сергеем Лукьяненко в следующем контексте:

Магическую защиту, отпугивающую воришек, я навесить не могу. Она меня будет выдавать лучше, чем Штирлица из анекдота – волочащийся сзади парашют [2, 38].

Содержание самого анекдота подчинено цитате из знаменитого фильма «Семнадцать мгновений весны» Татьяны Лиозновой: «Никогда ещё Штирлиц

не был так близок к провалу». Анекдот звучит примерно так: «...Штирлиц шёл в будёновке по Берлину, сзади волочился парашют – никогда он не был так близок к провалу». Прием абсурда, на котором, кроме цитации, строится анекдот, позволяет понять, до какой степени «будет выдавать» героя романа магическая защита.

Иногда сравнения, созданные С.В. Лукьяненко в «Дозорах», оказываются не воспринятыми, не понятыми читателем потому, что образ сравнения, к которому отсылает автор, не входит в круг знаний любителей фантастических романов Сергея Лукьяненко.

Учитывая уровень современного преподавания литературы в школе, можем предположить, что молодые читатели воспримут следующее сравнение только как шутку автора:

Мне двор убрать – в радость, как Льву Толстому сено покосить [2, 64].

Нынешние выпускники в большинстве своём знают названия одного – двух романов великого писателя и ничего не слышали о его жизненной философии. В воспоминаниях С. Берса о Льве Николаевиче находится много сведений о личной жизни Толстого. Например, Берс рассказывает: «Когда нам случилось проходить там, где косили, он непременно подойдет и попросит косу у того, кто казался наиболее усталым. Я, конечно, следовал его примеру. При этом он всегда предлагал мне вопрос, отчего же мы, несмотря на хорошо развитую мускулатуру, не можем косить целую неделю подряд, а крестьянин при этом и спит на сырой земле, и питается одним хлебом. «Попробуй-ка ты так», – заключал он свой вопрос. Уходя с луга, он вытащит из копны клочок сена и, восхищаясь запахом, нюхает его» [5].

И другой пример, заключающий не только сравнение, но и гиперболу, также не всем читателям доступен:

Ты не знаешь, что такое полноценный вампир. Современные – комары рядом с каким-нибудь Носферату [1, 29].

В 1921 г. Фридрих Вильгельм Морноиз экранизировал книгу Стокера «Дракула», фильм назывался «Носферату» – по имени героя книги. Носферату – вампир (вурдалак, упырь), в средневековой европейской мифологии – призрак ночи, мертвец, встающий по ночам из могилы и сосущий кровь живых людей; способен превращаться в летучую мышь, паука, волка. Жертвы этих вампиров сами могут стать Носферату. Но только совершенно безумные смертные становятся Носферату; у этих вампиров острые уши, чудовищное лицо и лысый череп. Сотни лет, проведенные в катакомбах и канализации, обезобразили Носферату. Любимое оценочное определение Сергея Лукьяненко – полноценный – не позволит адресату высказывания сопоставить «современных вампиров» и «полноценных вампиров», если адресат высказывания не имеет представления о том, каков Носферату. Хотя пытливый читатель, как нам кажется, в такой ситуации захочет это выяснить, тогда сопоставление автора будет пережито эмоционально.

Обращение к прецедентным текстам рассматривается как одна из существенных особенностей проявления речевой культуры. Языку Сергея Лукьяненко

свойственна и образность, и интертекстуальность. Через использование прецедентных текстов отражается мировосприятие писателя, авторское отношение к изображаемому. Отличительной чертой использования прецедентных текстов в романах о дозорах является то, что автор включает их в качестве третьего компонента (образа) в сравнения и часто совмещает сравнения с гиперболой, чтобы выразить оценку предмета сравнения.

Источники

1. Лукьяненко С.В. Ночной дозор. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
2. Лукьяненко С.В. Сумеречный дозор. – М.: ООО Издательство АСТ, 2004.
3. Лукьяненко С.В. Дневной дозор / С.В. Лукьяненко, В.Н. Васильев. – М.: АСТ, ТранзитКнига, 2006.

Список литературы

4. Аникст А. Вступительная статья // О.Генри. Короли и капуста / Пер. с англ. – М.: Художественная литература, 1982.
5. Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого // <http://tolstoy.lit-info.ru/tolstoy/bio/biryukov/biografiya-biryukov-2-12.htm>.
6. Иван-Царевич и Серый волк: Русская народная сказка // <http://playground.ctp-design.net/ivan-tcarevich-i-seriy-volk.html>
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во УРСС, 2004.
8. Костомаров В.Г. Старые мехи и молодое вино // Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. - СПб.: Норинт, 2001.
9. Лютикова В.Д. Языковая рефлексия как форма проявления языкового сознания и лингвокреативного мышления носителей диалекта // Языковая личность и идиолект. – Тюмень: ТГУ, 1999. – С. 91-110.
10. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Изд-во Норинт, 2000.
11. Рыков С. Катится, катится голубой вагон // infcenter@mtu-net.ru.
12. Словарь русского языка: В 4 т. //АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985-1988.
13. Фразеологический словарь русского языка // Под ред. А.И. Молоткова. 5-е изд., стереотипное. – СПб.: Вариант, 1994.

Н.М. Ротанова

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ О ДОЗОРАХ С. ЛУКЬЯНЕНКО)

В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о мире, формируется некая модель мира, которая в философско-лингвистической литературе именуется картиной мира. Она запечатлевает в себе определенный образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира, она есть субъективное видение и конструирование мира в соответ-

ствии с логикой миропонимания. Выражаемые в языке значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий [3].

Картина мира включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты. Как человек живет, как относится к другим, как оценивает мир, так он и говорит [10]. Если мир – это человек и реальность в их взаимодействии, картина мира – результат познающего сознания, то языковая картина мира – совокупность знаний, зафиксированных в языковой форме.

Всё познается в сравнении, сравнение – одна из основных логических операций. Природа сравнения имеет глубокие корни в языке и культуре. В широком философском смысле сравнение – это установление тождества между явлениями действительности. Общие представления носителей языка о сходстве предметов, действий, состояний, признаков прежде всего отражены в языке в устойчивых сравнениях – наиболее употребительных всенародно воспроизводимых оборотах речи, являющихся единицами языковой системы. Как и в индивидуально-авторских сравнениях, в устойчивых сравнениях, благодаря структурно-семантической развернутости внутренней формы, наглядно проявляется экстралингвистический компонент значения, отражающий национальные особенности многовековой истории русского народа, его культуры и быта, вплоть до современной эпохи: *как Мамай прошел, как сирота казанская, как верста коломенская, как у тещи на блинах, как на курорте, как робот, как ракета*. Языковое назначение устойчивого сравнения состоит в выражении представления о признаке предмета (действия, состояния) всех говорящих на русском языке.

В романах о дозорах Сергея Лукьяненко устойчивые сравнения встречаются достаточно часто. На наш взгляд, это говорит, во-первых, о высокой степени приобщенности говорящего к национальной культуре, во-вторых, о стремлении быть адекватно понятым адресатом высказывания при использовании языковых средств образного отражения признака. Исторически сложившаяся в обыденном сознании носителей языка картина мира и отраженная в языке совокупность представлений о мире определяет для писателя выбор образа.

В области, где опытные Иные чувствовали себя знатоками, я покуда разбирался ещё хуже, чем известное животное в известных фруктах [1, 178].

Использование эвфемизма объясняется тем, что герой дает отрицательную характеристику себе, но разложение фразеологизма (как прием комического) не мешает носителям языка легко узнать устойчивое выражение «как свинья в апельсинах» – *ирон.* ничего не понимать в чем-либо, совершенно не разбираться в каком-нибудь деле [6, 357].

Мне словно шило в одно место вставили... [1, 55].

И в смягченном виде («в одно место»), как это выражение использовал С. Лукьяненко, и в первоначальном виде выражение является устойчивым, т.е. воспроизводится носителями языка в готовом виде. Оно считалось до недавнего времени просторечным и даже грубым, поэтому в словарях отсутствует. Говорящим известны фразеологизмы с тем же ключевым словом: «шило в мешке не утаишь» [8, 629]; «менять шило на мыло» [7, 638]; в молодежном жаргоне не так давно появился фразеологизм «менять шило на пиво» [5, 689]; «как шило (острый)» [6, 467]. В приведенном примере устойчивое сравнение используется для характеристики состояния героя – беспокойство, невозможность усидеть на одном месте хоть какое-то время. В разговорной речи в настоящее время часто можно услышать выражение, которое характеризует человека, иногда передает негативное к нему отношение говорящего: «адвокат – это шило в заднице» (кинофильм «Клиент»). Но чаще это устойчивое сравнение используется в значении «непоседа» или «очень активный, творческий человек». Например, Сергей Жуковский в своем «Дневнике успеха» пишет: *«Итак, моё первое наблюдение в рамках программы «Шило в заднице». Замечаю за собой одну интересную вещь. Как наступает вечер, у меня в голове начинают рождаться всякие мысли о том, как надо совершенствоваться, о том, как лучше завтра прожить день, строятся планы на будущее. В общем, позитив клёвый, полное осознание того, что в жизни надо совершенствоваться. Утром это как будто проходит. Ломает делать...»* [4]. А для непосед в Интернете есть сайт: *«Сообщество «Шило в заднице» создано для тех людей, которые умеют не только захватывающе провести время, но и рассказать об этом другим. Если вы турист или охотник, а может, любите путешествовать по городам и весям нашей многострадальной, а также прочим поверхностям земного шарика... Если вы прыгнули с парашютом или впервые встали на ролики и с ветерком проехали по соседней улице... а возможно, вы крутой экстремал, и на Гималаях вам уже скучно... Или вы ездили в прошлые выходные на шашлыки и так круто провели время, что восторг прёт изо всех щелей, то вам сюда!»* [9]. Стиль приведенных отрывков лишний раз указывает на просторечный характер анализируемого сравнения, но в художественном произведении использование в диалогах героев просторечных выражений уместно, это отвечает требованию правдивости реалистической литературы. Романы Сергея Лукьяненко, несмотря на фантастический сюжет, отражают реалии нашей действительности, а его герои (Иные) живут среди людей и говорят на языке этих людей, поэтому в романах нередко можно встретить жаргон, просторечные выражения, даже грубые, например: *Проболтается всю жизнь, как кусок дерьма в проруби* [1, 77].

Резина скрипела, ходовая стонала, двигатель ровно гудел, как трудолюбивый майский шмель [1, 195].

На первый взгляд образ вызван звуковой ассоциацией автора (гудел, как шмель), но усложнение образа, и прежде всего определение «трудолюбивый», позволяет понять полный смысл сказанного. Двигатель «ровно гудел», потому что привычно для себя и хорошо работал – как пчела. Это выражение обычно применяется для характеристики человека – трудолюбивый; трудиться, рабо-

тать много, кропотливо, непрестанно (о человеке) [6, 327]. Образный контекст персонифицирует предметы неживой природы.

Кстати, о прожаренном мясе... я голоден как зверь [1, 52].

Устойчивое сравнение «как зверь» многозначно: 1. Злой, лютый, жестокий, безжалостный. 2. Смотреть на кого-либо со злобой, ненавистью. 3. Кидаться, набрасываться на кого-то с целью физической расправы или с бранью, угрозами, будучи в крайне озлобленном состоянии. 4. Работать с предельным напряжением сил. 5. Голодный; проголодаться, хотеть есть [6, 139-140]. В разговорной речи наиболее частотно, на наш взгляд, употребление данного устойчивого выражения в последних двух значениях, поэтому в диалоге героев романа оно вполне уместно.

Вынужден сделать тебе комплимент: тогда ты тряся, словно осиновый лист. А сегодня – спокоен [1, 229].

Как лист, <осиновый> лист – дрожать, трястись, трепетать от холода или сильного волнения, страха (о человеке) [6, 214]. Выбор автором варианта с усложненным образом не случаен: большинство носителей языка используют в речи именно выражение «как *осиновый* лист», такое употребление в речи героев романа сближает адресата (читателя) и адресанта (писателя) высказывания.

Прогулка по бутикам, где Игнат чувствовал себя будто рыба в воде, меня развлекала [1, 36].

Это устойчивое сравнение, характеризующее состояние человека, имеет два значения: 1. Чувствовать себя где-либо (в каких-либо обстоятельствах, среде, окружении) легко, свободно, непринужденно. 2. Свободно ориентироваться, хорошо разбираться в деле, специальных вопросах [6, 345]. С. Лукьяненко использовал его во втором значении.

Вот ведь ужасное слово, чудовищный англицизм¹, а въелось в русский язык, будто клещ в беззащитную добычу! [1, 82].

Устойчивое сравнение «словно клещ» имеет два значения: 1. Вцепиться в кого-, во что-либо, уцепиться за кого-, что-либо. Крепко ухватиться, держаться (о человеке) за кого-, что-либо (человека, животное, предмет). 2. «Перен. Пользоваться благами за счет кого-либо, вести паразитический образ жизни (на основе буквального значения – впиваться в кого-либо, сосать кровь из кого-либо) [6, 172]. В отличие от общеязыкового употребления данного устойчивого сравнения, С. Лукьяненко использует образ не в отношении человека. Оценочный план высказывания является основанием сравнения (*ужасное, чудовищный, въелось*, т.е. вонзилось, врезалось; *беззащитный*); предметом сравнения выступает слово и русский язык. Постперестроечная открытость российского общества является одной из причин активного вхождения в современный лексикон

¹ «Из всех кафе и ресторанов, которыми «Ассоль» была напичкана, работало лишь кафе в супермаркете. Очень милое кафе - с прекрасным обзором всего торгового зала. Наверное, хорошо тут пить кофе перед приятной прогулкой за покупками, намечая маршрут «шопинга». Вот ведь ужасное слово, чудовищный англицизм, а въелось в русский язык, будто клещ в беззащитную добычу!» [1, 82].

иноязычной лексики, широкое распространение английских заимствований стимулируется внушением россиянам западного эталона жизни, что приводит к неумеренному и неуместному использованию в речи так называемых американизмов. Язык таков, каким является общество, на нем говорящее. Оценочный взгляд автора на изменения в русском языке и отражает вышеназванное сравнение, имеющее отрицательное коннотативное значение.

Посмотрит Витезслав ему в глаза, или Завулон щёлкнет пальцами – и начнёт Тимур Борисович всё рассказывать как на исповеди [1, 109].

Сила магов велика. Витезслав – сотрудник Инквизиции, высший вампир. Завулон – высший маг, глава Дневного дозора Москвы. Точный возраст неизвестен, по некоторым источникам – превышает отметку в две тысячи лет. Сравнение «как на исповеди» синонимично другому устойчивому сравнению – «как перед Богом», т.е. автор как бы уравнивает силу высших магов и Инквизиции с силой веры человека в Бога. Кстати, в романах о дозорах Сергей Лукьяненко называет Иисуса Христа абсолютным светлым магом и устами Антона Городецкого в третьей части «Дневного дозора» характеризует Иисуса так: «Иешуа был величайшим Светлым Магом, даже не знаю, можно ли тут говорить «магом»... был самым Светом...» [2, 186].

Он предпочитал веселье - во всех его проявлениях, любые ссоры и напряжения были ему как ножом по сердцу [2, 299-300].

В полном виде это устойчивое сравнение выглядит так: *словно (точно, как) ножом по сердцу резануло (полоснуло)*, – но в разговорной речи (в романах о дозорах нередко авторская речь по слогу близка к речи главного героя) фразеологизм обычно используется в усеченном варианте. Значение сравнения – произвести внезапное резко болезненное нервное воздействие [6, 261]. Контекст, в который помещает данное устойчивое сравнение С. Лукьяненко, не позволяет «прочитать» весь объем значения, но основной смысл воспроизведен и узнаваем: ссоры оказывали болезненное нервное воздействие, вызывали такое состояние. Нетрадиционность использования фразеологизма в том, что С. Лукьяненко меняет его грамматическое значение и совершенно неуместно соединяет фразеологизм с дательным падежом местоимения. Норма употребления этого устойчивого сравнения требует падежа родительного: *резануло ножом по сердцу кого-то*.

Кот вопил из другой комнаты, будто его резали [2, 79].

Как мы уже говорили выше, общие представления носителей языка о сходстве предметов, действий, состояний, признаков прежде всего отражены в языке в устойчивых сравнениях. Эмоциональность русского человека также нашла в них свое выражение. В разговорной речи для усиления экспрессии или для создания более точной картины говорящий может несколько видоизменять словесную форму сравнения. Кричать; орать, реветь, визжать как (словно, точно) резаный – *прост.* плакать в голос или кричать от боли, в испуге во всю мочь, неистово [6, 336]. Традиционное «как резаный» не вызывает однозначной картины в воображении адресата высказывания, поэтому С. Лукьяненко, используя другую грамматическую форму, как бы уточняет образ.

Но в романах С. Лукьяненко достаточно много и привычного для носителей языка употребления устойчивых сравнений, причем независимо от того, характеризуются фантастические герои или люди и обычная для них реальность: *Перехватил руку – тяжёлую, неподвижную, холодную как лёд* [2, 241]; *Прохожие стали прозрачной дымкой, машины ползли как черепахи* [2, 231]; *Небо вязкое, как кисель* [2, 126]; *Кстати, о прожаренном мясе... я голоден как зверь* [1, 52]; *Парень с воем упал, его товарищ застыл как вкопанный, поднимая руки* [1, 66]; *Ну что такое, реву как истеричка, тушь небось вся потекла, силы ни капельки не осталось...* [1, 56]; – *Да он вас разгонит, как котят, – сердито сказал один из Светлых магов. Эдгар пожал плечами и поежился, словно замерз* [1, 190] и другие.

Таким образом, общие представления носителей языка о сходстве предметов, действий, состояний, признаков прежде всего отражены в языке в устойчивых сравнениях. Эмоциональность русского человека также нашла в них свое выражение. Частое использование общеязыковых сравнений не умаляет оригинальности авторского слога, но указывает на то, что исторически сложившаяся в обыденном сознании носителей языка картина мира и отраженная в языке совокупность представлений о мире определяет для писателя выбор образа.

Источники

1. Лукьяненко С.В. Ночной дозор. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
2. Лукьяненко, С.В. Сумеречный дозор. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

Список литературы

3. Брутян Г.А. Языковая картина мира и её роль в познании. – Ереван, 1976.
4. Жуковский С. Дневник успеха: <http://s.codby.net>.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000.
6. Огольцев В.М. Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка. – Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1994.
7. Русская фразеология. Словарь-справочник. – М.: Русский язык, 1997.
8. Солганик Т.Я. Стилистический словарь публицистики. – М: Русские словари, 1999.
9. Туризм и отдых: <http://planeta.rambler.ru/community/shilo-zad>.
10. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // www.nspru.net/f1leadm in/library/books/

Н.В. Статина

МЕТРИЧЕСКАЯ КНИГА 1887 ГОДА ФЛОРО-ЛАВРСКОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА БЕЛОЯРСКОГО ЧЕЛЯБИНСКОГО УЕЗДА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ПАМЯТНИК ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XIX ВЕКА

Памятники письменности прошлого являются отражением истории русского языка. Изучая их, мы восстанавливаем прежде накопленные, а потом, со временем, утерянные богатства нашего языкового наследия.

В архивных фондах Южного Урала и Зауралья сосредоточено интереснейшее собрание старинных документов по экономической, политической, религиозной и культурной истории южноуральского и западносибирского регионов.

Ценными и надежными лингвистическими источниками, особенно перспективными для исследования антропонимической системы русского языка во взаимосвязи собственных имен и истории заселения края, являются метрические книги. Это самый распространенный жанр церковных документов, представляющий собой реестры актов гражданского состояния, который пока мало изучен. В России первое упоминание о необходимости ведения метрических книг относится к 1666-1667 годам, а с 1722 г. по указу Петра I их стали вести повсеместно, так как регистрация демографических событий и учет населения во все времена были необходимы для государственных нужд и регулирования частных правовых отношений.

В Челябинском и Курганском областных архивах имеется несколько фондов, насчитывающих 110 метрических книг Фроло-Лаврской церкви современной территории села Белоярского Щучанского района Курганской области с 1786 по 1919 годы. Они отличаются не только содержательностью, но и по структуре. Остановимся на форме и содержании метрической книги 1887 года, *«данной изъ Оренбургской Духовной Консистеріи Челябинскаго уѣзда, Бѣлоярскаго прихода церковному причту»* (ГАКО. Ф.244. Оп.2. Д.195).

Памятник письменности состоит из трех частей: *«для записи родившихся»*, *«бракомъ сочетавшихся»* и *«Умершихъ»*, он имеет четкий формуляр, утвержденный ещё в 1838 году и неизменившийся в течение полстолетия. Рассмотрим первую часть метрической книги 1887 года и проанализируем ее с точки зрения лингвистического источниковедения.

Первая часть (самая объемная) *«Уродившихся»* составляет половину всего документа (57 листов из 129). Предназначенная для регистрации новорожденных, она имеет 9 граф. В первых двух указан счет родившихся, пол, в третьей и четвертой – месяц, число рождения и крещения, в пятой – имя младенца, данное по «Святцам». В том случае, если ребенок родился вне брака, то рядом с его именем стоит: *«незаконнорожденный»* [1, 37об]. В шестой графе записаны родители ребенка: их сословная принадлежность (крестьянин, солдат, мещанин), место проживания (населенный пункт, уезд, губерния), имя, отчество, фамилия отца, имя и отчество матери (для последней делалась пометка - законная жена или девица), вероисповедание: *«Села Бѣлоярскаго билетный унтер-офицеръ, Михаилъ Матвѣевъ Зайковъ изаконная жена его, Христина Трофимова, оба православные»* [1, 42об]. Крещение иноверца также указывается: *«Деревни Измайловой Башкирецъ и гометанинь 22летъ Киръ Зарывовъ Кирѣевъ Порезолюции Его Преосвященства отъ 30 декабря 1886 г. За № 7396мъ»* [1, 5об].

В седьмой графе – информация о восприемниках родившегося: их сословная принадлежность, место жительства, имя, отчество и фамилия: *«Костромской губ. Юрьевицаго уѣзда, Покровской волости дер. Шалыгиной кр-нъ Василій Алексѣевъ Якушовъ и кр. жена Марѣа Феодотова Завьялова»* [1, 21].

Помечается в метрической книге рождение близнецов, для каждого из них отдельно записаны восприемники: «Села Бѣлояр. кр. Осипъ Андреевъ Агѣевъ и кр. жена Меланья Васильева Пѣльмешикова и Дер. Чесноковки 2-й Иванъ Алексѣевъ Пашинъ и кр. жена Евдокія Никитина Коковина» [1, 9].

В предпоследней графе указан сан, имя и фамилия служителя культа, осуществлявшего крещение, а также его помощника: «Священникъ Павелъ Дроздовъ съ Діакономъ Петромъ Подъячевымъ». Последняя графа «Рѣкоприкладство свидѣтелей записи по желанію» не заполнена по причине неграмотности населения.

В этом уникальном документе, кроме исторической и статистической, хранится и разнообразная лингвистическая информация. Анализ метрических книг дает примеры орфографических, фонетических колебаний, позволяет правильно оценить грамматические, лексические черты документа, а также графику писавших.

Обязанность вести метрические книги возлагалась на священников, которым очень часто помогали дьячки. В конце каждого месяца ими делается запись, в которой отмечается количество родившихся младенцев: «Итого въ февралѣ мѣсяцѣ Родившихся мужска пола семнадцать (17.) и женска пола четырнадцать (14) и обоего пола тридцать одинъ (31) Что симъ и свидѣтельствуемъ: Священникъ Павелъ Дроздовъ Діаконъ Петръ Подъячевъ» [1, 9об, 10]. Правильность заполнения метрик каждые полгода проверялась. Типична запись: «1887 года июня 19 дня смотрѣль Благочинный Священникъ Александръ Шмотинъ» [1, 22]. Во избежание подлогов, ошибок, упущений ответственность за записи возлагалась на весь церковный причт. Однако в метрических книгах встречаются описки и неточности, а также грубые ошибки: «Деревни Шабалдаской», вместо Шабалтакской, «Васелиса, Василисса», а не Василиса, «...гометанинъ» вместо магометанин. Эти примеры подтверждают, что в данном памятнике письменности отражена живая разговорная речь, которая не согласуется с правописанием.

Ценность этого лингвистического источника заключается в его ономастической насыщенности (антропонимы, топонимы) и в отдельных лексикотематических группах (названия лиц по профессии, социальной, национальной принадлежности и др.).

Антропонимический материал в рассматриваемом церковном документе богат и разнообразен. В первой части «о родившихся» широко представлены христианские личные имена и их варианты: 106 – для обозначения лиц мужского пола, 95 – женского. В тексте насчитывается 100 мужских и 104 женских отчеств, а также 187 фамилий.

Анализ особенностей состава метрической книги конца XIX века дает возможность говорить о том, что в духовном делопроизводстве номинация лиц проводилась по определенным моделям, которые были исторически динамичными. Конструктивно различаются трафареты, обозначающие отца и мать родившихся. В именовании отца центром является трехчленная антропонимическая модель, которая дополняется местом жительства, социальной принадлеж-

ностью: «Деревни Косулиной кр-нь Афонасий Никифоровъ Портнягинь...». В именовании матери используется двучленная модель, не осложненная другой информацией: «...законная жена Его Васса Иванова» [1, 7об]. В записи о восприемниках (как для мужчин, так и для женщин) дается трехчленная антропонимическая модель: «Кр-нь Степанъ Матвѣевъ Балакинъ и кр-ская жена Палагея Александрова Портнягина» [1, 8].

В первой части метрической книги зафиксирована группа слов, относящаяся к социальной терминологии: «кр. вдова Деревни Косулиной», «отставной рядовой», «Троицкий мищанинь» (так!), «солдатская жена», «Причинского поселка казакъ», «Дер. Потаповой изъ поляковъ», «Села Тавранкуль крестьянинъ», «Села Бѣлоярскаго билетивый».

В тексте отмечается тематическая группа наименований лиц по роду занятий и воинской службе: «села Бѣлоярскаго офицеръ», «солдатъ», «унтеръ офицеръ», «Сарапульской запасноотпускной канониръ», «1-го Туркестанскаго линейнаго батальона Ефрейторъ», «Деревни Косулиной фетфебель», «Выселокъ Пятковой казаки», «Фелидшеръ 1-го медицинскаго участка», «Исправляющий должность псаломщикъ по найму», «Бѣлоярскаго прихода учительница».

В источнике представлены названия местных и территориальных административных единиц: «Камышловскаго уѣзда, Чернокоровской волости, дер. Роскатиhi», «Бѣляковской деревни Османовскай (Далматовской) волости Шадринскаго уѣзда», «Орловскаго уѣзда, Вятской г. Кожинской волости, дер. Покиитинской» [1, 43] и другие.

Сохранившиеся в архивах памятники письменности прошлого – метрические книги Фроло-Лаврской церкви села Белоярского Челябинского уезда Оренбургской губернии являются надежным источником по истории языка. Изучение этих церковных документов дает возможность проследить их содержательную информативность, типологию, археографическую информационность и в целом поэтапную динамику развития.

Источник

1. ГАКО. Ф. 244. Оп. 2. Д. 195

Р.П. Сысуева

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА 1858 ГОДА О ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯНАХ ДЕРЕВНИ КУИМОВОЙ УСТЬ-СУЕРСКОЙ ВОЛОСТИ КУРГАНСКОГО ОКРУГА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

С 1719 по 1857 годы в России были проведены 10 ревизий – переписей податного населения, подлежащего налогообложению и воинской повинности. Переписным материалом ревизий явилась **ревизская сказка – поименный список лиц**, относящихся к податным сословиям.

Ревизские сказки в лингвистическом отношении представляют периферийную деловую письменность определенного хронологического и территориального среза, которая проливает свет на общую картину формирования рус-

ского языка XVIII – XIX веков, на роль деловой письменности в создании единой системы общенациональных норм русского языка.

Ревизские сказки писались скорописью местными писцами, обладавшими различной правописной выучкой, что способствовало отражению в сказках элементов народно-разговорной, а иногда и диалектной речи. Ревизские сказки собирались на местах, обобщались и объединялись в «переписные книги», «перечневые росписи», «ведомости» по отдельным уездам и губерниям.

В Государственном архиве Курганской области (ГАКО) хранится рукописная ревизская сказка 1858 года о государственных крестьянах и отставных солдатах села Усть-Суерского и деревень Усть-Суерской волости: Куимовой, Волосниковой, Памятной, Масловой, Екимовой, Русаковой, Речкиной, Пешной, Вагиной, Заозерной, Маниловой, Варакосовой [1, 265 л.].

Ревизские сказки села Усть-Суерского и деревни Варакосовой были предметом нашего рассмотрения [2], [3]. В данной статье рассматривается лингвистическая содержательность и лингвистическая информативность ревизской сказки деревни Куимовой [1, 30 – 43].

Сказка написана скорописью, черными чернилами, вероятно, гусиным пером, на плотной бумаге. Ее составитель – «крестьянин Курганского округа Усть-Суерской волости Исакъ Семеновъ Устюжанинъ», который в заключении сказки «руку приложилъ» и написал: «Сказка сія на троекратной мірской сходкѣ прочитана была... при прочтеніи находился волостной голова Баушкинъ», который «по безграмотству приложилъ печать» [1, 41об.].

Будучи официальным государственным документом, сказка имеет четкую структуру (вступление, основная часть, заключение). Этим и определяется наличие в ней **определенных групп лексики** русского языка.

Это прежде всего **лексика и фразеология**, отражающая область **административных отношений**: *Тобольской губерніи, Курганскаго округа, Усть-Суерской волости, деревни Куимовой* [1, 30], *Тобольской казенной полаты* [1, 41об.].

Жанр ревизской сказки предопределил **наличие в ней терминологической лексики и фразеологии**: *всего наличных женскаго пола* [1, 43]; *итого мужескаго пола на лицо* [1, 42об.]; *всего наличныхъ... 81 душа* [1, 42], (душа – человек как единица исчисления); *по послѣдней ревизіи состояло и послѣ оной прибыло... выбыло* [1, 32об.]; *отданъ в рекруты* [1, 32об.]; *причисленъ со льготы* [1, 41об.]; *перенесень въ сказку о поселенцах* [1, 41об.].

Специфика жанра исследуемого нами фискального документа обусловила наличие в сказке материала по **антропонимике**. Так, главы крестьянских семейств обозначены трехчленными наименованиями, свидетельствующими о сложении к XIX веку трехчленной антропонимической системы: *Алексей Федоровъ Шибановъ* [1, 33об.]; *Сидоръ Степановъ Балакинъ* [1, 33об.]; *Зиновій Максимовъ Куимовъ* [1, 35об.]; *Федоръ Ивановъ Устюжанинъ* [1, 36об.]; *Михайло Артамоновъ Скрябинъ* [1, 37об.].

Среди родственников главы семейства трехчленное имя находим в тех случаях, когда у них другие фамилии: *Михайла Артамонова племянникъ Карпъ*

Федоровъ Скрябинъ, его же другой племянникъ Гаврило Федоровъ Скрябинъ [1, 37об.].

При перечислении братьев, жен, матерей отмечаются двучленные наименования: *Мелентій Лукинъ Скрябинъ – Мелентья Лукина братъ Савва Лукинъ* [1, 40об.]; *Мелентья Лукина мать Мавра Иванова, Мелентья Лукина жена Варвара Симонова* [1, 41]. При перечислении сыновей и дочерей крестьянина указывается только имя: *Петръ Михайловъ Шаболинъ – его сынъ Артемій* [1, 32об.]; *Артемья Петрова дочь Федосья* [1, 33].

Нами зафиксированы только христианские личные имена.

В сказке находим **70 собственных мужских личных имен**. Наиболее частотны: *Иванъ* (13 словоупотреблений), *Федоръ* (8), *Мелентій*, *Никифоръ*, *Сергѣй*, *Алексѣй* – по 5 словоупотреблений, *Григорій*, *Александръ* – по 4 словоупотребления.

Мужские имена собственные, оканчивающиеся на *-о*, склоняются по мужскому роду, отражая этим северновеликорусские диалектные черты: *Михайло Артамоновъ Скрябинъ – Михайла Артамонова племянникъ* [1, 37об.]; *Самойло Алексѣевъ Скрябинъ* [1, 37об.] – *Самойла Алексѣева жена* [1, 38]; *Кирило Степановъ Балакинъ* [1, 34об.] – *Кирила Степанова другой сынъ* [1, 35об.]; *Гаврило Федоровъ Скрябинъ* [1, 37об.] – *Гаврила Федорова жена* [1, 38].

В тексте обнаружено **40 фамилий лиц мужского пола**. По активности словоупотребления они располагаются так: *Федоровъ* (15 словоупотреблений), *Степановъ* (13), *Лукинъ* (10), *Скрябинъ* (9), *Алексѣевъ* (9), *Никифоровъ* (7), *Васильевъ* (6), *Ивановъ* (6), *Устюжанинъ* (5), *Аникинъ* (5), *Максимовъ* (4) и др. По происхождению все мужские фамилии являются притяжательными прилагательными, образованными от имен собственных с помощью суффиксов *-ов/-ев*, *-ин*. Исключение – фамилия *Пупка (Филипъ Василевъ)*. Она образована без специального ономастического суффикса и является, вероятно, украинской или белорусской по происхождению, о чем свидетельствует и контекст, в котором она употребляется: *перенесень съ сыновьями въ сказку о поселенцах* [1, 41об.].

Среди **личных имен женского рода** (их в тексте 32) наиболее употребительны: *Авдотья* (9 словоупотреблений), *Прасковья* (7), *Мавра* (5), *Анна* (5), *Варвара* (4), *Домна*, *Степанина*, *Марина* – по 3 раза. Имена Февронья и Ефимия представлены в просторечном варианте *Хавронья* [1, 35], *Афимья* [1, 32]; *Саломея* – как *Соламея* (смещение безударных *о*, *а*) [1, 35].

В тексте отмечено **29 женских фамилий**. Они в основном представлены по одному разу. Чаше других употребляются *Иванова* (5), *Федорова* (4), *Васильева* (3). По 2 раза – *Ефимова*, *Николаева*, *Никитина*, *Кириллова*, *Петрова*, *Степанова*.

Подававший ревизскую сказку крестьянин под страхом «жесточайшего истязания» и «взятья штрафа» должен был указать всех членов семьи от престарелого до «сущего младенца». Отсюда наличие в тексте тематической группы слов – **наименований родства**. Самые частотные слова в ней – *жена* (48), *сынъ* (37): *Ефима Сергѣева жена Афимья Егорова* [1, 32]; *отъ первой жены сынъ*

[1, 34об.]; *отъ второй жены дочь Палагѣя* [1, 35]; *его сынъ Ипполитъ* [1, 33об.]; *другой сынъ Николай* [1, 33об.]; *четвертый сынъ Маркъ* [1, 32об.].

Другие названия родства: *отець* [1, 41об.], *братъ* [1, 34об.], *другой братъ* [1, 34об.] *сестра* [1, 34]; *племянникъ* [1, 37об.]; *племянница* [1, 38]; *другой племянникъ* [1, 37об.]; *незаконнорожденный племянникъ* [1, 38об.]; *незаконнорожденный внукъ* [1, 38об.]; *мать* [1, 41]; *дочь* [1, 33]; *мачиха*[так в ркп] *Анна Степанова* [1, 34]; *сноха Дарья Пантелѣева* [1, 38].

В тексте имеют место **слова-названия лиц по социальному положению, профессии, воинскому званию**: *о поселенцахъ – изъ поселенческихъ дѣтей* [1, 41об.]; *сказкосоставитель* [1, 41об.]; *государственный крестьянинъ* [1, 42об.]; *отданъ в рекруты* [1, 35об.]; *отставные солдаты* [1, 43]; *рядовой* [1, 42об.]; *волостной голова* [1, 42об.].

Поскольку сказкосоставитель недостаточно полно владел орфографическими нормами своего времени, в сказке находим отражение народно-разговорных элементов в фонетическом облике слов и вариативность ряда написаний.

Так, на **фонетическом уровне в области гласных** отмечаем довольно последовательное написание этимологического ятя под ударением и в безударной позиции в корнях и окончаниях слов: *лѣта* (им. мн.), *дѣтей* [1, 41об.]; *апрѣля* [1, 30, 41об.]; *нѣделя* [1, 35]; *вѣра* [1, 32]; *во вдовствѣ* [1, 38об.]; *въ сказкѣ* [1, 41об.]; *на сходкѣ* [1, 41об.]; *двѣ* [1, 41об.]; *всѣ* [1, 41об.]; *нѣтъ* [1, 41об.]; *въ отлучкѣ* [1, 37]; *нынѣ* [1, 36об.]; *послѣ* [1, 35об.].

Однако в именах собственных и фамилиях находим **ѣ** и на месте этимологического **е**, т.е. отмечаем смешение этих букв. Это свидетельствует о том, что в живой речи разницы в произношении звуков, обозначаемых буквами **ѣ** и **е**, уже не существовало. Отсюда *Алексѣя* [1, 34] – *Алексея* [1, 34]; *Палагѣя* [1, 35]; *Фотѣй* [1, 35об.]; *Сергѣй* [1, 31об.]; *Сергѣева* [1, 32]; *Андрѣева* [1, 35]; *Тимофѣева* [1, 33]; *Соламѣя* [1, 35]; *Савватѣй* [1, 40об.].

В словах имеет место **оканье**: *Афонасѣй* [1, 34], *Соламея* [1, 35], *полаты* [1, 41об.]; **иканье**: *мачиха* [1, 34]; **еканье**: *Зеновѣй* [1, 35об.]; *Зеновья* [1, 41]; **зияние гласных**: *Баушкинѣ* [1, 41об.].

В **области согласных**: замена **ѣ** на **х**: *Ховронья* [1, 35]; вставка йота между гласными: *Андреянь* [1, 32об.], *Киприян* [1, 34об.]. Звук **ц** – твердый: *мѣсяцѣвъ* [1, 31об.].

Из **морфологических особенностей** сказки отметим синонимичное употребление кратких и полных форм относительных прилагательных в функции определения в составе деловых оборотов речи; преобладают местоименные формы: *мужеска, женска пола* [1, 30] – *мужескаго, женскаго пола* [1, 41 об., 42].

Нормой является архаически-книжная форма родительного единственного мужского рода на **-аго** у полных прилагательных, местоимений и порядковых числительных: *Курганскаго округа* [1, 41об.]; *седьмаго года* [1, 41об.]; *съ котораго времени* [1, 39].

Наблюдается вариативное окончание именительного единственного мужского рода прилагательного **-ый/ой**: *волостный голова* [1, 1об.] – *волостной го-*

лова[1, 41об.].

Вероятно, с неустоявшимися в обществе нормами написания связана орфография слова *восемьсот* – *восемь сотъ* [1, 30]; *итого на лицо* [1, 31об.] – *итого налицо* [1, 42].

Окончания существительных свидетельствуют о сформированной системе их склонения.

Таким образом, выявление лингвистической информативности и лингвистической содержательности источника позволяют представить состояние делового языка середины XIX в. и судить о его роли в формировании общенациональных норм русского языка. В памятниках отражены разговорно-просторечные элементы, особенно на фонетическом уровне. Некоторые черты сближают язык курганской деловой письменности с северновеликорусскими говорами, что вполне вытекает из истории заселения Зауралья.

В заключение статьи публикуем копию рассматриваемой нами ревизской сказки [1].

Список литературы

1. Ревизская сказка тысяча восемь сотъ пятьдесятъ восьмаго года Апрэля двадцать седьмаго дня Тобольской Губернии Курганскаго округа Усть-Суерской волости деревни Куимовой о состоящихъ въ оной мужеска и женска пола Государственных крестьянах. – ГАКО. Ф. И – 190. Оп. 1. Д. 1. лл. 30 – 43.

2. Сысуева Р.П. Из наблюдений над языком «Ревизской сказки 1858 года о ссыльных поселенцах Усть-Суерской волости Курганскаго округа Тобольской губернии» // Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции VI Зыряновские чтения. – Курган, 2008. – С. 120 – 121.

3. Сысуева Р.П. Ревизская сказка 1858 года о государственных крестьянах деревни Варакосовой Усть-Суерской волости Курганскаго уезда как лингвистический источник // Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции VII Зыряновские чтения. – Курган, 2009. – С. 128 – 129.

Ревизская сказка

Р.П. Сысуева

тысяча восемьсот пятьдесят восемь лет.

Апреля двенадцать седьмого дня.

191-1-1 л. 30

Тобольской Губернии Курганского округа

Усть-Суерской волости деревни Куимовой.

О состоящих в оной мужеска и женска пола

Государственных Крестьянах (публикация).

л. 31 об.

Семьи		Мужескй полъ	По послѣдней ревизіи состояло и послѣ оной прибыло	Изъ того числа выбыло	Нынѣ на лицо
№ 9 ревизіи	№ 10 ревизіи				
2	1	Никифоръ Степановъ Шабалинъ	Лѣта 65 5 мѣсѣвъ	Когда именно Умеръ въ 1853 году	Лѣта
		Его сынъ Сергѣй	46 5 мѣсѣвъ		53 10 мѣсѣвъ
		Сергѣя Никифорова сынъ Спиридонъ	26 5 мѣсѣвъ		33 10 мѣсѣвъ
		Сергѣя Никифорова другой сынъ Ефимъ	21 5 мѣсѣвъ		28 10 мѣсѣвъ
		Ефимовъ сынъ Алексѣй	новорожденъ		3 мѣсѣвъ
		Сергѣя же Никифорова сыновья: Иванъ	16 11 мѣсѣвъ		24 4 мѣсѣвъ
		Лавръ	6		13 5 мѣсѣвъ
		Никифора Степанова другой сынъ Егоръ	36 5 мѣсѣвъ		43 10 мѣсѣвъ
		Егоровы сыновья: Григорій	4		11 5 мѣсѣвъ
		Василій	7 мѣсѣвъ	Умеръ въ 1851 году	

	Яковъ		Новорожденный		4 5 мцовъ
<i>Итого мужескаго пола на лицо 9</i>					
л. 32					
Семьи		Женскій полъ		Нынѣ на лицо	
№ 9 реvizii	№ 10 реvizii			Во временной отлучкѣ	Лѣта
2	1	Сергѣя Никифорова жена Авдотья Трофимова Его же дочери: Вѣра Варвара			52 20 17
		Спиридона Сергѣева жена Матрена Ефимова Ефима Сергѣева жена Афимья Егорова Его же дочь Лукерья		–	27 21 1
		Ивана Сергѣева жена Прасковья Алексѣева Егора Никифорова жена Авдотья Степанова Его же дочь Варвара			24 37 1
<i>Итого женскаго пола на лицо 9</i>					
л. 32об.					
Семьи		Мужескій полъ		Нынѣ на лицо	
№ 9 реvizii	№ 10 реvizii			По послѣдней ревизii состояло и послѣ оной прибыло	Изь того числа выбыло
		Никифора Степанова третій сынъ Агапъ Агаповы сыновья: Венедиктъ Стафей Варламъ		Лѣта 30 5 мцовъ 8 10 мцовъ 6 2	Когда именно 37 10 мцовъ 16 3 мцовъ 13 5 мцовъ 9 5 мцовъ

		Никифора Степанова четвертый сынъ Маркъ	26 5 мцовъ		33 10 мцовъ
		Марковы сыновья: Афонасій	6 мцовъ новорожденный		7 11 мцовъ
		Петръ			5 9 мцовъ
3	2	Петръ Михайловъ Шабалинъ	64 5 мцовъ	Умеръ въ 1856 году	
		Его сынъ Артемій	37 5 мцовъ		44 10 мцовъ
		Артемьевы сыновья: Александръ	14		21 5 мцовъ
		Андреянъ	7		14 5 мцовъ
		Тихонъ	3		10 5 мцовъ
		Федоръ	5 мцовъ	Умеръ въ 1852 году	
		Осипъ	новорожденъ		5 4 мцовъ

Итого мужескаго пола на лицо 12

л. 33

Семьи		Женскій полъ	Во временной отлучкѣ	Нынѣ на лицо
№ 9 реvizii	№ 10 реvizii			
		Агата Никифорова жена Наталья Тимофѣева		37
		Его же дочь Александра		1 мсца
		Марка Никифорова жена Домна Михайлова		34
		Его же дочери: Мавра		11
		Арина		1 ½
		Авдотья		1 мсца
3	2	Артемия Петрова жена Степанида Федорова		43

	Его же дочь Федосья			3 ½	
Итого женскаго пола на лицо 8					
л. 33об.					
№ 9 ревізій	Семьи № 10 ревізій	Мужескій полъ	По послѣдней ревізій состояло и послѣ оной прибыло	Изъ того числа выбыло	Нынѣ на лицо
4	3	Алексей Федоровъ Шиваневъ	Лѣта 45 5 мцовъ	Когда именно	Лѣта 52 10 мцовъ
		Его сынъ Тимофей	19 5 мцовъ	Умеръ въ 1856 году	
		Тимофѣевъ сынъ Никифоръ	новорожденъ		1 3 мцовъ
5	4	Сидоръ Степановъ Балакинъ	56 5 мцовъ	Умеръ въ 1856 году	
		Его сынъ Ипполитъ	38 5 мцовъ	Умеръ в 1851 году	
		Сидора же Степанова другой сынъ Николай	32 5 мцовъ		39 10 мцовъ
		Николаевъ сынъ Григорій	новорожден:		3 4 мцовъ
6	5	Парамонъ Аникинъ Балакинъ	34 11 мцовъ		42 4 мцовъ
		Парамоновы сыновья: Улянь	2 ½		9 11 мцовъ
		Кирило	новорожден:		4 4 мцовъ
Итого мужескаго пола на лицо 7					
л. 34					
№ 9 ревізій	Семьи № 10 ревізій	Женскій полъ	Во временной отлучкѣ		
			Съ котораго времени		
			Лѣта		

4	3	Алексея Федорова мачиха Анна Степанова							76
		Алексея Федорова жена Акушинья Петрова							61
		Тимофея Алексеева жена Милодора Николаева							23
		Алексея Федорова сестра Арина Федорова							59
5	4	Сидора Степанова жена Наталья Гаврилова							76
		Николая Сидорова жена Прасковья Павлова							39
		Его же дочери: Степанида							9
		Авдотья							7
									5 мцовъ
6	5	Парамона Аникина жена Мавра Афонасьева							36
		Его же дочь Харитонья							15
Итого женскаго пола на лицо 10									
л. 34об.									
			Мужескій полъ						
№ 9	№ 10	ревизіи	ревизіи	По послѣдней	Изь того	Нынѣ на			
				ревизіи состояло и	числа выбыло	лицо			
				послѣ оной прибыло					
				Лѣта	Когда именно	Лѣта			
				33		40			
				5 мцовъ		10 мцовъ			
				1		8			
				Новорожденные		5 мцовъ			
						4			
						6 мцовъ			
						1 мсца			
7	6	Федоръ Степановъ Балакинъ		68	Умеръ въ 1856				
		Его сынъ Абрамъ		5 мцовъ	году				
				46					53
				5 мцовъ					10 мцовъ
		Абрамовъ отъ первой жены сынъ Прокопій		26					33
				5 мцовъ					10 мцовъ
8	7	Кирило Степановъ Балакинъ		64					71
				5 мцовъ					10 мцовъ

		Его отъ первой жены сынъ Демидъ	43 5 мцовъ	50 10 мцовъ
Итого мужескаго пола на лицо 8				
л. 35				
Семьи		Женскій полъ		
№ 9	№ 10		Во временной отлучкѣ	Нынѣ на лицо
			Съ котораго времени	Лѣта
7	6	Дмитрія Аникина жена Марья Сергѣева Федора Степанова жена Домна Васильева Абрама Федорова жена Соламѣя Иванова Его же отъ второй жены дочь Палагѣя Прокопья Абрамова жена Прасковья Андрѣева Его же дочери: Авдотья Марья		35 55 53 15 ½ 33 3 1 недѣля
8	7	Кирила Степанова жена Марфа Дмитриева Демида Кирилова жена Домна Иванова Его же дочь Ховронья		67 53 15 ½
Итого женскаго пола на лицо 10				
л. 35об.				
Семьи		Мужескій полъ		
№ 9	№ 10		По послѣдней ревизіи состояло и послѣ оной прибыло	Изь того числа выбыло
			Лѣта	Когда именно
		Демидовы сыновья: Александръ Гаврасимъ	15 13 8 мцовъ	22 5 мцовъ 21 1 мца
		Кирила Степанова отъ первой жены другой сынъ Иванъ	37 5 мцовъ	44 10 мцовъ
		Ивановы сыновья: Данило	20 5 мцовъ	Отданъ въ рек- руты въ 1855 году

		Иванъ	14	21 5 мцовъ
		Федоръ	12 4 мцовъ	19 9 мцовъ
		Мелентій	9 8 мцовъ	17 1 мсца
		Ниль	6 4 мцовъ	13 9 мцовъ
10	8	Зеновій Максимовъ Куимовъ	45 5 мцовъ	52 10 мцовъ
		Его братъ Спиридонъ Максимовъ	36 5 мцовъ	43 10 мцовъ
		Спиридоновы сыновья: Павелъ	9 3 мцовъ	16 8 мцовъ
		Фотѣй	3 2 мцовъ	10 7 мцовъ
Итого мужескаго пола на лицо II				

Семьи		Женскій полъ	Во временной отлучкѣ		Нынѣ на лицо
			Съ котораго времени	Лѣта	
		Александра Демидова жена Марина Никитина			19
		Ивана Кирилова жена Анна Васильева			53
10	8	Зеновья Максимова жена Мавра Наумова			43
		Спиридона Максимова жена Прасковья Кирилова			40
		Его же дочери: Мавра			3
		Авдотья			1
Итого женскаго пола на лицо б					л. 36

Семьи		Мужескій полъ	По послѣдней ревизіи состояло и послѣ оной прибыло		Нынѣ на лицо
			Изь того числа	выбыло	
					л. 36об.

		Лѣта	Когда именно	Лѣта
11	9	46 5 мцовъ		53 10 мцовъ
12	10	79 5 мцовъ		86 10 мцовъ
		50 5 мцовъ		57 10 мцовъ
13	11	51 5 мцовъ	Умеръ въ 1851 году	
		20 5 мцовъ		27 10 мцовъ
		Новорожденнъ		3 мцовъ
15	12	76 5 мцовъ	Умеръ въ 1856 году	
		48 5 мцовъ		55 10 мцовъ
		16 8 мцовъ		24 1 мсца
		33 5 мцовъ		40 10 мцовъ

Итого мужескаго пола на лицо 7

л. 37

Семьи		Женскій полъ		Нынѣ на лицо
№ 9 ревизіи	№ 10 ревизіи	Во временной отлучкѣ	Съ котораго времени	Лѣта
11	9		Герасима Федорова жена Магрена Федорова	42
12	10		Архипа Прокопьева жена Марья Яковлева	53
13	11		Кирила Федорова жена Аксинья Николаева Его же дочь Марина	53 21
			Трофима Кирилова жена Анисья Устинова	21
15	12		Ивана Федорова жена Ульяна Антонова	46
			Герасима Иванова жена Варвара Никитина	18

Итого женского пола на лицо 7

Семьи		Мужескій полъ	По послѣдней ревизіи состояло и послѣ оной прибыло	Изъ того числа выбыло	Нынѣ на лицо
№ 9 ревизіи	№ 10 ревизіи				
		Алимпіевъ сынъ Петръ	12		19 5 мцовъ
16	13	Михайло Артамоновъ Скрыбинъ	57 5 мцовъ		64 10 мцовъ
		Михайла Артамонова племянникъ Карлъ Федоровъ Скрыбинъ	26 5 мцовъ		33 10 мцовъ
		Его же другой племянникъ Гаврило Федоровъ Скрыбинъ	15 ½		22 11 мцовъ
17	14	Самойло Алексѣевъ Скрыбинъ	47 5 мцовъ		54 10 мцовъ
		Его сыновья: Осипъ	16		24
		Иванъ	11 мцовъ		4 мцовъ
			новорожденный		7

Итого мужескаго пола на лицо 8

Семьи		Женскій полъ	Во временной отлучкѣ	Нынѣ на лицо
№ 9 ревизіи	№ 10 ревизіи			
		Алимпія Федорова жена Анна Иванова		37
		Его же дочери: Аграфена		17
		Авдотья		3 мцовъ
16	13	Карпа Федорова жена Авдотья Ефимова		12
		Гаврила Федорова жена Анна Михайлова		37
		Михайла Артамонова сноха Дарья Понтелѣва		21
		Его же племянницы: Катерина Федорова		56
				20

		Авдотья Федорова				17
17	14	Самойла Алексѣева жена Марина Петрова				45
		Его же дочери: Прасковья				17
		Акулина				14

Итого женскаго пола на лицо 11

Семьи		Мужескій полъ	По послѣдней ревизіи состояло и послѣ оной прибыло	Изъ того числа выбыло	Нынѣ на лицо
№ 9 ревизіи	№ 10 ревизіи				
		Самойла Алексѣева братъ Иванъ Алексѣевъ	Лѣта 45 5 мцовъ	Когда именно	Лѣта 53 10 мцовъ
		Ивана Алексѣева незаконнорожденный дочерью его Тагьяной внукъ Степанъ	5		12 5 мцовъ
		Самойла Алексѣева племянникъ Федоръ Прокопьевъ Скрябинъ	16 7 мцовъ		24
		Самойла Алексѣева незаконнорожденный во вдовствѣ снохою его Федосьей Ивановой племянникъ Доромидонтъ Никоновъ	19 5 мцовъ	Отданъ въ рекруты въ 1853 году	

Итого мужескаго пола на лицо 3

Семьи		Женскій полъ	Во временной отлучкѣ	Нынѣ на лицо
№ 9 ревизіи	№ 10 ревизіи			
		Ивана Алексѣева жена Прасковья Кирилова	Съ котораго времени	Лѣта 53
		Федора Прокопьева жена Степанида Васильева	–	30
		Его дочь Анна		4
		Его дочь Агафья		5

Итого женскаго пола на лицо 4

Семьи		Мужескій полъ	По послѣдней ревизіи состояло и послѣ оной прибыло Лѣта	Изъ того числа выбыло	Нынѣ на лицо
№ 9 ревизіи	№ 10 ревизіи				
18	15	Тимофей Петровъ Скрябинъ	77 5 мцовъ	Умеръ въ 1858 году	Лѣта
		Его сынъ Яковъ	42 5 мцовъ		49 10 мцовъ
		Якова Тимофѣева сыновья: Поликарпъ	19 5 мцовъ	Отданъ в рекруты в 1851 году	
		Кондратій	12 8 мцовъ		20 1 мсца
		Венедиктъ	10		17 5 мцовъ
		Тимофея Петрова другой сынъ Андрей	31 5 мцовъ		38 10 мцовъ
		Андреевы сыновья: Титъ	новорожденныя		1
		Дмитрій			
Итого мужескаго пола на лицо б					
л. 40					
Семьи		Женскій полъ		Во временной отлучкѣ	Нынѣ на лицо
№ 9 ревизіи	№ 10 ревизіи				
		Самойла же Алексеева Племянницы: Прасковья Прокопьева			Лѣта
		Фетинья Прокопьева			21
		Авдотья Прокопьева			17
18	15	Якова Тимофеева жена Дарья Аникина			15
		Кондратья Яковлева жена Авдотья Сергеева			48
		Андрея Тимофеева жена Елена Федорова			22
					35

		Его же дочери: Аксиныя				5
		Матрена				4
Итого женскаго пола на лицо 8						
л. 40об.						
		Мужескій полъ				
Семьи						
№ 9	№ 10			По послѣдней ревизіи состояло и послѣ оной прибыло	Изъ того числа выбыло	Нынѣ на лицо
				Лѣта	Когда именно	Лѣта
19	16	Василій Сергѣевъ Скрябинъ		54 5 мцовъ		61 10 мцовъ
		Его сынъ Яковъ		29 5 мцовъ		36 10 мцовъ
		Яковлевы сыновья: Савватѣй		Новорожденныя		6 1/2
		Иванъ				2
20	17	Ларіонъ Никитинъ Скрябинъ		40		47
21	18	Мелентій Лукинъ Скрябинъ		45 5 мцовъ		5 мцовъ
		Его сынъ Григорій		8 11 мцовъ		16 4 мцовъ
		Мелентья Лукина братъ Савва Лукинъ		42 5 мцовъ		49 10 мцовъ
		Саввины сыновья: Филимонъ		11		18
		Архипъ		новорожденъ		5 мцовъ
		Мелентья же Лукина другой братъ Константинъ Лукинъ		22 5 мцовъ		7 мцовъ
						29 10 мцовъ
Итого мужескаго пола на лицо 11						

Семьи		Женскій поль		л. 41	
№ 9 ревизіи	№ 10 ревизіи	Женскій поль	Во временной отлучкѣ	Нынѣ на лицо	Лѣта
19	16	Якова Васильева жена Вѣра Артемьева			29
20	17	Ларіона Никитина жена Ульяна Ларіонова			53
21	18	Мелентья Лукина мать Мавра Иванова			76
		Мелентья Лукина жена Варвара Симіонова			46
		Саввы Лукина жена Прасковья Лукина			43
		Его же дочери: Матрена			22
		Арина			5
		Константина Лукина жена Зеновья Егорова			27
Итого женскаго пола на лицо 8					
л. 41об.					
Семьи		Мужескій поль		л. 41об.	
№ 9 ревизіи	№ 10 ревизіи	Мужескій поль	По послѣдней ревизіи состояло и послѣ оной прибыло	Изь того числа выбыло	Нынѣ на лицо
22	19	Филипъ Васильевъ Пупка	Лѣта 32 5 мцовъ	Когда именно Перенесенъ съ сыновьями въ сказку о поселенцахъ при отцѣ своемъ	Лѣта
		Его отъ второй жены сыновья: Емельянъ Александръ	4 мцовъ		
		Филипа Васильева братья: Пахом Васильевъ Иванъ Васильевъ	Новорожденный		
			Причислены со льготы изъ	Отданъ въ рекруты въ 1852 году	

			поселенческих дѣтей по указамъ Тобольской Казенной Палаты отъ 3 Генваря 1852 года и 27 марта 1856 года за № 651 и 4387 ^м	Перенесенъ въ сказку о поселенцахъ при отцѣ своемъ
Итого мужескаго пола налицо –				

Всего же наличныхъ мужескаго пола 82 души.

Всего въ сей ревизской сказкѣ заключается наличныхъ душъ мужескаго пола восемдѣсятъ двѣ женскаго восемдесятъ одна
Что въ сей ревизской сказкѣ всѣ души къ двадцать седьмому числу Апрѣля тысяча восемь сотъ пятдѣсятъ восьмага года въ наличности
бывшія, показаны и противныхъ нѣтъ и что сказка сія на троекратной мірской сходкѣ прочитана была въ томъ сказкосоставитель крестъянинъ
Курганскаго округа Усть-Суерской волости Исакъ Семеновъ Устюжанинъ руку приложилъ.
При прочтеніи находился волостной голова Баушкинъ въ чьемъ по безграмотству приложилъ печать.

л. 42об.					
№ 9 ревизіи	№ 10 ревизіи.		Лѣта	Когда именно	Лѣта
	1	Отставные солдаты Рядовой Николай Лукинъ Скрыбинъ		Уволенъ по паспорту от 28 јюня 1856 года за № 1389	52

Итого мужескаго пола налицо 1
Всего же наличныхъ мужескаго пола 1 душа

Всего наличныхъ мужескаго пола 1 душа.

Что въ сей ревизской сказкѣ всѣ души къ двадцать седьмому числу Апрѣля тысяча восемь сотъ пятдѣсятъ восьмага года въ наличности
бывшія показаны и противныхъ нѣтъ и что сказка сія на троекратной мірской сходкѣ прочитана была въ томъ сказкосоставитель крестъянинъ
Исакъ Семеновъ Устюжанинъ руку приложилъ.

При прочтеніи находился волостной Голова Баушкинъ въ чьемъ приложилъ печать.

О.В. Филистеева

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ СТАТЕЙ
ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ**

Вопросу заголовков публицистических текстов посвящено достаточное количество лингвистических исследований. В нашей статье мы хотим обратить внимание не только на языковую специфику заголовков, но и попытаться рассмотреть, как заголовки женских журналов связаны с женской психологией, женским сознанием. Для анализа мы привлекли статьи журнала «GLAMOUR» за 2010 год, одного из самых читаемых женских журналов в России.

Заголовки, с одной стороны, соотносятся с текстом, конденсируя в себе его содержание, с другой – очень сильно подвержены влиянию таких экстралингвистических факторов, как «публицистический менталитет», особенности национального характера аудитории, различия в культурной и политической ориентации и др. Немаловажным фактором является и половая принадлежность читателя, на которого рассчитан журнал. У женских журналов, естественно, аудитория женская. В большинстве своем эти издания востребованы работающими женщинами в возрасте двадцати-тридцати лет или студентками, желающими отвлечься после насыщенного дня, или домохозяйками, ищущими себе информативное и одновременно развлекающее чтение.

Особенность женской психологии заключается в том, что женщина мыслит более эмоционально и образно, чем мужчина. Кроме того, ее сознание улавливает оттенки смысла, намеки, двусмысленности, причем, в отличие от мужчины, которого часто раздражает «двойное дно» высказывания, женщина получает удовольствие от игры слов и смысла. Это женское качество учитывают авторы, создавая заголовки статей.

Игра слов в заголовке – очень частый прием. Исследователи выделяют две группы игры слов. В качестве основы функционирования первой группы лежит принцип смыслового объединения в одном контексте разных значений одного слова (полисемия) и принципа однозвучности или подобия звучания при имеющемся смысловом различии (В.В. Виноградов, В.З. Санников, Хайберт, Хаусманн, Райнерс, Теча). В соответствии с последним принципом различают четыре вида игры слов, строящейся на основе: 1) омонимии (совпадают фонетика и графика выражаемых сторон); 2) омофонии (фонетика совпадает, графическое оформление отличается); 3) омографии (графическое оформление одинаковое, фонетическое – разное); 4) паронимии (фонетика и графика при имеющемся отличии обнаруживают сходства) [2].

Базой для языковой игры служат прецедентные тексты – тексты, являющиеся элементом культурной памяти народа и регулярно используемые в других текстах. В последние годы в публицистике стала популярной новая форма создания заголовков – перефразирование: в строке прецедентного текста, взятого для заголовка, какое-то слово изменяется, и фраза приобретает совсем иной смысл. Такое перефразирование привлекает внимание читателей своей оригинальностью. Структура привычного высказывания при этом сохраняется. По мнению лингвистов, «употребление в устной и письменной речи прецедентных

текстов реализует процесс оживления накопленного культурного багажа. Современная языковая ситуация часто требует от получателя текста способность соотносить форму и содержание. Знания, необходимые для полноценного понимания современной устной речи и языка письменных произведений, особенно языка газет, – это знания реалий, художественных фильмов, художественных произведений, текстов популярных песен, стереотипных образов, стереотипных ситуаций, то есть всего, что лежит в основе прецедентных текстов. Таким образом, понимание текстов, содержащих отсылки к прецедентным текстам, опирается на повышенную речемыслительную активность получателя информации» [1].

Заметим, что ни один человек не чувствует себя комфортно в ситуации, когда он не понимает, о чем идет речь, каждому нравится ощущать себя «в теме». Особенно это касается женщин, которых традиционно мужчины считают менее интеллектуально развитыми, чем они. Поэтому такое количество прецедентных текстов в заголовках статей женских журналов вполне объяснимо: читая заголовок, который несет в себе знакомую уже информацию, женщина чувствует себя умной, знающей, улавливающей смысл прочитанного, сопричастной. И это еще больше привлекает ее внимание к материалу статьи.

Рассмотрим примеры. Для начала проанализируем заголовки, в которых автор не меняет ни слов, ни форм. Меняется только его соотнесенность с содержанием текста. Создается определенный эффект неожиданности: традиционная соотнесенность меняется на совершенно другую. Женщина любит приятные сюрпризы, поэтому с интересом читает статьи под такими, на первый взгляд, знакомыми заголовками и получает удовольствие от игры смысла.

Вот примеры таких заголовков. **Рамки приличия (№3, 2010)**: статья о способах укладки и окрашивания бровей. Слово «рамки» здесь имеет значение «брови», обрамляющие лицо. **На свежую голову (№3, 2010)**: в статье утверждается, что коже головы тоже нужны еженедельные пилинги. Слово «свежий» приобретает прямое значение. **Мягче надо быть (№2, 2010)**: статья о вещах из бархата. **Всегда готова (№1, 2010)**: статья о том, как сделать макияж, как у актрисы Эммы Уотсон, за 5, 10 и 20 минут. **Станет всем светлей (№1, 2010)**: статья о белых часах. **Движущие силы (№1, 2010)**: речь идет о самых модных куртках, шапках и шарфах для сноубординга, фигурного катания и прогулок на лыжах. **Красивый жест (№1, 2010)**: рисуем брови маркером, разглаживаем губы шпателем. **Часовые любви (№2, 2010)**: статья о хронографах.

Нетрудно заметить, что, изменяя соотнесенность известной фразы с другим содержанием, авторы идут по пути буквализации фразы, она приобретает более прямой, однонаправленный смысл.

Цитаты из песен и художественных произведений тоже изменяют свой смысл, но здесь авторы позволяют себе, делая ставку на известность, привнести другой смысл. **Спасибо, сердце (№2, 2010)**: о подарках любимым от всей души и на любой кошелек. Фраза из известной песни приобретает новое звучание: благодарность любимому человеку за сделанный с любовью подарок. **Его пример другим наука (№2, 2010)**: женский вариант рокера, ковбоя и матадора. Никакого отношения к пушкинскому «Онегину» фраза не имеет, речь идет о

женщинах, которые берут пример с мужчин-экстремалов. **Карету мне, карету!** (№2, 2010): в статье речь идет о том, что для Эштона Кутчера личное в работе – не помеха. Фраза Чацкого служит для привлечения внимания и соотносится с содержанием статьи только в плане способности героя интервью бросить все и мчаться к любимой женщине.

В таких заголовках слова, изначально входящие в состав фразы, могут приобретать другие значения. **На зарядку становись** (№2, 2010): статья о мультивитаминных коктейлях красоты, которые заряжают организм здоровьем и энергией. **Великий комбинатор** (№1, 2010) – о том, как создавать новые образы, комбинируя гардероб из старых любимых вещей.

Лосинный остров (№2, 2010): статья о легинсах, которые в народе называют «лосины».

Некоторые заголовки представляют собой прецедентный текст с минимальными изменениями, но даже эти небольшие изменения настолько меняют смысл высказывания, что заголовок сразу приковывает внимание читательниц.

Например, может измениться только ударение, причем то, что оно падает на другой слог, становится понятно только после обращения к тексту статьи: **Бардовская песня** (№1, 2010): в статье говорится о трех способах – уложить волосы а-ля Бриджит Бардо, поэтому акцентологический вариант здесь «БардОвская песня». Еще пример: **Так держат!** (№2, 2010), статья о том, с каким маникюром звезды идут получать «Оскара» и «Грэмми». Графически заголовок напоминает лозунг «Так держать», но глагол употреблен в форме настоящего времени, а это меняет и его смысл, соотнесенный с темой статьи. В заголовке **Дружба нарядов** (№1, 2010) изменена одна буква в устойчивом сочетании «Дружба народов», потому что речь идет об одежде в стилях этно, рок, денди. Но цель достигается – внимание читательницы приковано к нарядам. **Зимний творец** (№1, 2010). Звонкий согласный «д» изменен на парный глухой, потому что в статье рассказывается о том, что носить, как краситься и ухаживать за кожей на горнолыжном курорте. Прецедентный текст «Ветер перемен» путем замены одного звука изменяется в **Вечер перемен** (№1, 2010), ведь статья о блестящих, стразах, атласе и парче – неизменном атрибуте новогодних праздников. Добавление предлога в словосочетание «Личное дело» – **Личное в дело** (№2, 2010) – отражает тему статьи о косметических средствах, которые используют актеры – исполнители главных ролей в фильме «День святого Валентина».

Приведем еще примеры. **Теле-хранитель** (№3, 2010): о том, как виджей MTV Артем Королев пригласил на свидание программистку Мону Заер Бензаер из Москвы. **Кто сказал «Миа»?** (№3, 2010) – Миа Васиковска, звезда «Алисы в стране чудес», демонстрирует чудеса экспресс-макияжа. **Опять двойки** (№3, 2010): как обрести счастье в любви – берем пример со звезд. **Прыжок в моду** (№3, 2010) – весенняя мода родом из страны чудес. **Морс-мажор** (№3, 2010) – помады и блески сочных ягодных оттенков.

Интересен заголовок **Кап-кап ремонт** (№3, 2010), где повтор элемента «кап» изменяет смысл с «капитального» на «водный», и речь идет о лучших увлажняющих кремах и лосьонах для лица.

Слитное написание союза с указательным местоимением **Ито и другое (№3, 2010)** отражает имя дизайнера Ора Ито, который смело смешивает барокко с минимализмом, чем вызывает восхищение публики. Имя обыгрывается и в заголовке, где слово «пью» в прецедентном выражении «я пью за дам» меняется на «Хью»: **Я, Хью, за дам (№2, 2010)**. Статья представляет собой интервью, в котором Хью Грант говорит о том, как сохранить чувство юмора, потеряв любовь.

Заголовок **Цветочно в цель (№2, 2010)** представляет собой прецедентное выражение «точно в цель» с добавлением еще одной основы «цвет», при этом звук «т» является и окончанием добавленной основы, и началом слова «точно». Это отражает содержание статьи, где речь идет о кремах с орхидеей и масках с камелией и лотосом.

Звуковое сходство имени актера Юэна Макгрегора со словом «юный» дало автору возможность обыграть словосочетание «юный натуралист»: **Юэн натуралист (№1, 2010)**. Статья посвящена актеру-трудоголику Юэну Макгрегору, который за год сыграл в четырех разножанровых фильмах и теперь собирается в большое путешествие.

Нередки и заголовки, где в прецедентном тексте производится замена слова или нескольких слов: **Однажды в истерике (№3, 2010)**: основа – прецедентный текст, название известного фильма «Однажды в Америке», статья о правилах общения с излишне эмоциональным человеком. **Джинс-жокей (№3, 2010)**: основа – прецедентный текст, словосочетание «диск-жокей», статья о вещах из денима, которые можно надеть и на романтическое свидание, и на торжество. **Почтальоны просят огня (№2, 2010)**: основа – прецедентный текст, название романа Ю. Бондарева и одноименного фильма «Батальоны просят огня», статья Глеба Амурова о любви как химической реакции. **Институт благородных девиц (№2, 2010)**: основа – прецедентный текст, словосочетание «институт благородных девиц», статья о всегда модной классике. **С чувством, с толком, с расстановкой (№2, 2010)**: основа – прецедентный текст, выражение «с чувством, с толком, с расстановкой», статья о квартире с диваном-губами и подушками-сердцами дизайнера Бамби Слоан. **Грамы отстают в полночь (№1, 2010)**: основа – прецедентный текст, название известного фильма «Тени исчезают в полдень», статья о том, как за 7 часов 30 минут сна сбросить до 6 кг, причем здесь произведена замена всех слов, но, тем не менее, текст остается легко узнаваемым. **В крой идут одни смельчаки (№1, 2010)**: основа – прецедентный текст, название известного фильма «В бой идут одни старики», статья, в которой знаменитый кутюрье Роберто Кавалли призывает: «Держайте!» Здесь тоже заменены почти все слова, но вместо слова «бой» употреблено созвучное «крой» и «старики» заменено на сходнозвучащее «смельчаки», что ярко отражает тему статьи. **Суженый вязаный (№1, 2010)**: основа – прецедентное словосочетание «суженый-ряженный», статья о платье-свитере. Заменено второе слово, при этом первое поменяло значение: это уже не «предназначенный судьбой», а причастие от глагола «сузить». **Бюстгальтер, милый мой бюстгальтер (№1, 2010)**: основа – прецедентный текст, фраза из популярной песни «Бухгалтер», статья рассказывает о том, как носить нижнее белье так, чтобы было вид-

но, но не стыдно. Сходство в звучании слов «бухгалтер» и «бюстгальтер» позволило автору создать такой яркий заголовок.

Таким образом, прецедентные заголовки – частое явление на страницах женских журналов. Они не только выполняют свою обычную функцию – привлечение внимания читателя – они еще и напрямую соотносятся с женской природой: любить неожиданности, понимать намеки, улавливать оттенки смысла и подтекст. Женщина ощущает себя знающей, понимающей юмор и языковую игру, что не может не влиять на ее желание прочитать и эти статьи, и эти журналы. Можно смело утверждать, что в женских журналах заголовков на основе прецедентных текстов играет ведущую роль.

Список литературы

1. *Кайда Л.Г.* Эффективность публицистического текста/ Под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 182с.

2. *Лазарева Э.А.* Заголовок в газете. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 96 с.

*С.А. Черницына,
Н.В. Горлова*

КОМИЧЕСКАЯ ПЕРИФРАЗА М. ВЕЛЛЕРА В «ЛЕГЕНДАХ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА»

Комическое – это одна из самых сложных и разноплановых категорий эстетики. Под комическим подразумевается как естественные (то есть появившиеся независимо от чего-либо намерения), события, объекты и возникающие между ними отношения, так и определенный вид творчества, суть которого сводится к сознательному конструированию иной системы явлений и понятий, а также системы слов с целью вызвать эффект комического. Различным искусствам комическое присуще в разной мере. Наиболее благоприятны для универсальной природы комического литература и живопись. В комедии и басне, сатирическом произведении и эпиграмме смех – это идейная позиция писателя, выраженная в конкретно-образной форме, эмоциональный эквивалент авторского отношения к героям. В литературе мы наблюдаем весьма широко распространенный круг произведений, в которых писатели подчеркивают смешное и нелепое в изображаемом явлении со стремлением обнаружить его внутреннюю неполноценность.

В искусстве сформировался ряд художественных средств, приемов отражения комического, в которых воплощается особый принцип изображения действительности и, следовательно, создания сатирического или юмористического художественного образа: преувеличение, пародирование, гротеск, саморазоблачение и взаиморазоблачение персонажей, языковые средства (перифраз, каламбур, иносказание) и другие.

По определению О.С. Ахмановой, перифраза – «троп, состоящий в замене обычного слова (простого обозначения некоторого предмета одним словом) описательным выражением» [1, 312]. Процесс перифразирования основан на

внутреннем свойстве языка, которое заключается в возможности выражения одного и того же содержания разными способами. Нередко в ходе порождения текста говорящий прибегает к перифразам различного типа. Перифраза не только обозначает ранее упомянутый объект (явление), но и характеризует его, выделяя один из его признаков, который является актуальным в данный момент повествования. Перифраза входит в систему средств, используемых при повторной номинации. Повторное наименование предмета (явления) происходит за счет извлечения из общего фона знаний одного или нескольких признаков с последующей реализацией его в определенной коммуникативной ситуации. Классическая лингвистика различает несколько типов перифразы. Г.С. Розанова в своем исследовании перифразы проводит разграничение между «стилистическим» и «нестилистическим перифразом», используемым в терминологии традиционной грамматики, структурной лингвистики, философии языка, музыки, живописи и т.д. Под «стилистическим перифразом» ею понимается «построенное на выделении какого-либо признака денотата и представленное разными структурными типами иносказание, которое (в отличие от метафоры) полностью замещает антецедент и связано с последним денотативной общностью (метафорический или метонимический перифраз)» [6, 62].

В нашей статье перифраза понимается как стилистический прием, заключающийся в замене какого-либо слова или словосочетания описательным оборотом речи, в котором указаны признаки неназванного прямо предмета, и строящийся на принципе развернутой метонимии. Описательное обозначение человека, предмета, понятия, явления перифрастическим способом в литературе экспрессивно подчеркивает какие-либо его стороны, качества, существенные в определенном контексте. Значения перифраз обычно гораздо богаче значений соотносимых с ними лексем-денотатов.

Заметным явлением в современной литературе стали произведения Михаила Веллера, в частности его нашумевшая книга «Легенды Невского проспекта» (1993). Михаил Веллер воспел вслед за классиком Невский проспект, «первую и славнейшую из улиц Российской империи, который сам по себе уже родина, государство и судьба». Творческий метод Веллера можно охарактеризовать как ностальгический цинизм. Парадокс в том, что ностальгию обычно принято считать болезнью, а цинизм нашего автора на удивление здоров и даже весел. Фон повествования – история СССР, «имевшая место быть» со смерти И.В. Сталина, XX партсъезда и Международного фестиваля молодежи и студентов, с некоторыми временными экскурсами (например, душераздирающий рассказ о том, как чуть не сошел с ума на зимовке коммунист Папанин, павший жертвой мести беспартийного Кренкеля, или военная биография маленького партизана и большого ученого Тарасюка). Затеяливо плетя слова, попирая достижения социализма и ехидно руша бывшие авторитеты, Веллер никогда не забывает о точности реалий, будь то зарождение фарцы, будни армии, флота и своего брата-писателя или вопросы истории холодного оружия. Книга Михаила Веллера в нашей прозе – явление новое и оригинальное. Сюжеты ее свежи, стилистика необычна, поступки и помыслы героев неожиданны и внешне алогич-

ны, но психологически достоверны. Читая эти рассказы, можно соглашаться или спорить с автором, испытывать признательность или раздражение, но равнодушными они не оставляют. Краткость, многозначность, выбор точного слова, охват всех сторон и явлений жизни – вот некоторые из особенностей языка Веллера [3, 34].

Перифраза в произведениях Веллера представлена разновидностями по характеру номинации: экспрессивно окрашенная, эмоционально-оценочная и перифраза логическая, с семантическими оттенками. Комическая функция прежде всего присуща первому виду. Среди комической перифразы Веллера можно выделить семантические подтипы, наиболее часто встречающиеся в «Легендах...»:

Перифраза на основе советизмов

Многие слова, являясь отражением нового уклада жизни, новых отношений, явлений и фактов советского времени, несут на себе приметы нашей советской эпохи и потому с полным правом могут быть названы несколько редко употребляемым термином «советизмы», ибо эти слова дают наименования характерных особенностей, присущих именно советской действительности. В языковой рефлексии многих писателей отражается критически-оценочное отношение как к явлениям советской действительности, так и к языку советского периода. Ирония как один из способов реализации рефлексии над советским рассматривается Е.А. Земской: «Иронизация может создаваться не изменением широко известного официального выражения, но помещением его в чуждый ему сниженный, пародийно ориентированный контекст» [4, 134]. Именно такое явление наблюдается у Веллера:

Отцы города воспользовались возможностью съездить за казенный счет в Германию («Крематорий»).

Вождь народов и племён решил устроить евреям поголовно землю обетованную на Дальнем Востоке («Легенда о Фиме Бляйшице»).

При этом положительная окраска советизмов меняется благодаря контексту на противоположную. Столкновение разнородной коннотации и рождает иронический подтекст.

Перифрастические слова-рефлексивы

В произведениях Веллера нередко используются элементы интертекстуальности, создающие в нашем сознании ассоциативные образы, в которых совмещается оценка реалии и номинация:

*Оплаканные покойники лежат в стеллажах, готовые **предстать перед Всевышним** нашим в таком виде, в каком и **явились на сей свет**: безо всяких то есть **суетных подробностей** в виде одежд и гробов («Крематорий»).*

К таким элементам следует отнести и просторечные слова советского периода:

***жидовоз**: Уже пришёл вызов. И было получено разрешение, и куплены билеты на «жидовоз» Ленинград – Вена, что празднично и нагло взмывал по четвергам из Пулкова («Саги о героях»);*

совок и гэбэшник: При каждой гостинице, в каждом интуристовском кабаке, сидели гэбэшники: по штату надзирали за контактами иностранцев с совками («Саги о героях»);

Перифраза на основе ассоциативной интерпретации аббревиатуры

Подобная интерпретация аббревиатур достаточно распространена в жаргоне. Объектами интерпретации у Веллера также зачастую становятся аббревиатуры-советизмы: *Редакционный Совет Фантастических Социалистических Республик – «РСФСР», Клуб Героев Безошибочности – «КГБ».*

Перифраза на основе разрушения фразеологизма, устойчивого выражения

Используя устойчивое сочетание в качестве перифразы, Веллер прибегает к ряду стилистических приемов, создающих комический эффект: расширяет границы фразеологизма за счет реалий современности – *земля обетованная на Дальнем Востоке, молодецкая русская тройка Брежнева, Косыгина и Подгорнова*; заменяет элементы устойчивого сочетания – *акробаты пера, круговорот вещей в природе, мечта антисемита*; использует для наименования абсурдно противопоставленного первоначальному смыслу явления – *беззаботный период жизни (о тюремном заключении).*

Перифраза на основе канцелярита

Канцелярские штампы часто используются Веллером в качестве перифраз. Комический эффект при их использовании создается за счет смещения грамматических конструкций: *обижать по пятому пункту, скорбь представляет посеющая сторона*; соотнесения с явлениями, не входящими в официально-деловую сферу, но нередко ее сопровождающими: *внедрили свой вариант утилизации вторсырья, в порядке посильной помощи текстильной и деревообрабатывающей промышленности* (о преступлении работников крематория).

Как фигуру грамматическую перифраз Веллера можно разделить на структурные типы: 1) словосочетания, построенные по модели, в которой свойство предмета представлено как зависимое слово, название предмета – как главное: «белая каста» (перифраз слова «офицеры») или наоборот: «вождь народов и племён» (Сталин); 2) словосочетания, в которых глагол заменяется существительным, образованным от той же основы с другим (вспомогательным) глаголом: «совершается обмен» вместо «обменивается»; 3) обособленный полупредикат описательного характера: «люди, специально выделенные для дружбы и проинструктированные, как именно надо дружить» (сотрудники НКВД); 4) приложения перифрастического характера, образующие градационные конструкции: «деловар с башлями, акула-истребитель, гроза Уолл-стрита и мафии одновременно, беспощадный профессионал боец за денежные знаки, волк и волкодав в одном лице» (фарцовщик); 5) слова-перифразы ассоциативно-оценочного характера: «жидовоз», «красный» (о русском журналисте), «зелененькие» или «баксы».

Таким образом, перифраза Веллера является интересным и самобытным стилистическим явлением, связанным с тематикой его произведений и создающим иронический контекст повествования.

Список литературы

17. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Флинта, 2000.
18. *Веллер М.* Собрание сочинений: В 9 т. – СПб.: Фолио, 2003.
19. *Вепрева И.Т.* О языковой рефлексии в современной русской речи // Семантика языковых единиц: Доклады VI Междунар. конференции. Т. II. – М., 1998.
20. *Земская Е.А.* и др. Языковая игра. // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983.
21. *Протченко И.Ф.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. – М.: Политиздат, 1990.
22. *Розанова Г.С.* Перифраза в языке и тексте.– М.: Наука, 2001.
23. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999.

С.А. Черницына

РОЛЬ ТОПОНИМОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕРЕСА К РОДНОМУ КРАЮ

Язык являет собой уникальный феномен, без которого немислимо существование человеческого общества. Проведенные в ходе диалектологических экспедиций опросы среди учащихся показали, что ребята хотят получать топонимические знания, интересуются историей родного края, его славным прошлым. Этот интерес может быть удовлетворен и развит не только традиционными видами краеведения, но и с помощью лингвистического краеведения. Что же следует понимать под лингвистическим краеведением? Краеведение лингвистическое – это вид внешкольной работы учащихся, состоящий в изучении топонимики родного края (происхождение названий озер, рек, населенных пунктов), ономастики – истории имен и фамилий, прозвищ; в записи и изучении местных говоров, местного фольклора. Дмитрий Сергеевич Лихачев утверждал, что такая форма углубленного изучения русского языка – эффективное средство привития учащимся стремления к «нравственной, духовной» оседлости. Действительно, местный материал очень удобен для анализа, полезен при записи различного рода примеров, в то же время он помогает учащимся осознать свой гражданский долг и полюбить свой родной край. Педагоги, методисты, учителя отмечают, что настоящее краеведение немислимо без занятий топонимикой, предполагающих ассоциативные связи с различными науками: историей, географией, литературой – и с жизнью и деятельностью человека – «вся история имен социальна».

Эти занятия позволяют учащимся закрепить знания основ наук и выработать умение ими пользоваться. Достигнуть этого можно, лишь «вскрыв те связи, которые существуют между явлениями в реальной жизни, осветив надлежащим образом эти связи, познав, как они возникают и развиваются» [3, 36].

Топонимия часто привлекает учителей-словесников, т.к. географические названия таят в себе и мудрость народа, и исторические предания, и хитроумные загадки родного языка. Топонимика служит прекрасным средством стиму-

лирования познавательного интереса школьника к изучению «прошлого и настоящего своего края путем поиска связей между географическими условиями местности, историей, языком народа и отражением их в географических названиях» [2, 65]. В топонимах Курганской области обнаруживается, кроме русского языка и его диалектов, следы древних народов, живших или кочевавших на ее территории: тюркских, угро-финских.

Приобщение школьников к лингвокраеведческой работе по изучению топонимики способствует нравственному воспитанию, расширяет кругозор, содействует углубленному усвоению знаний по разным наукам: географии, истории, лингвистике.

Учитель, привлекающий школьников к изучению топонимики, «имеет редкую возможность, знакомя учеников с соответствующим явлением языка, широко использовать экстралингвистический материал, который активизирует познавательную активность детей» [1, 45]. Они узнают не только об исторических изменениях в жизни людей, но и о любопытных процессах в языке, живо отражающих эти изменения.

Задача преподавателя в том, чтобы научить детей слушать и понимать слова, чтобы учащиеся овладели богатством языка и научились использовать его в своей речи.

В топонимике Курганской области мы найдем историю ее заселения и освоения, характеристику природы, значение в формировании русского государства, хозяйственную деятельность и т.п.

Начать лингвокраеведческую работу по изучению топонимов можно на уроках русского языка, а также на уроках краеведения. Местный топонимический материал на уроках русского языка можно использовать лишь в том случае, если он соответствует грамматической теме. Нет необходимости насыщать им каждый урок. Т.В. Майорова предлагает для элементарных топонимических исследований в условиях школы привлекать архивные материалы (выписки из деловых документов XVII-XIX в.в.), документальную, научно-популярную и художественную литературу о родном крае, географические карты, схемы и справочники административного деления разных лет, словари М. Фасмера, В.И. Даля. Конечно, нужны и городские экскурсии, и экспедиции за пределы города, и посещение музеев и библиотек. Занятие целесообразнее начать с прослушивания небольших сообщений, которые сделают подготовленные учителем ученики. Посильным для всех окажется после этого участие в специальной викторине, конкурсных заданиях по материалам научно-популярных книг (Л.В. Успенский. *Имя дома твоего.* – Л., 1967; Л.В. Успенский. *Загадки топонимики.* – М., 1969; В.А. Суперанская. *Как вас зовут? Где вы живете?* – М., 1964.)

Из теории топонимики необходимо отобрать лишь наиболее важные вопросы, которые носят самый общий, упрощенный характер, к числу которых можно отнести: научное и практическое значение географических названий; что такое топонимика, в чем заключается важность ее изучения; виды топонимов; закономерности возникновения географических названий; дать понятие топонимической системы.

Начать топонимическое изучение родных мест можно со сбора известных названий улиц, площадей, переулков города или отдельных его микрорайонов, окрестностей села, рек и ручьев, прудов и озер, лесов и оврагов, которые имеются в нашей местности. Когда наберется двадцать-тридцать, а может быть, и больше названий знакомых вам мест и географических объектов, тогда необходимо начинать разбираться в этих названиях. Это и будет объектом работы на уроках русского языка.

Учителю необходимо наиболее тщательно подготовиться к первому занятию, т.к. оно «призвано раздвинуть рамки школьного учебника, зажечь в школьниках искорку интереса к новому материалу» [5, 78]. Для организации и проведения уроков русского языка можно привлечь учителей истории и географии. Как отмечает Е.М. Поспелов, в ансамбле географ-филолог-историк одинаково важна активная, заинтересованная работа каждого участника, так как, обращаясь к географическим названиям, учителя получают новое поле деятельности на уроках русского языка. [4, 111].

Предлагаемая система работы с местным топонимическим материалом вызывает неизменный интерес учащихся, их стремление расширить свои познания в краеведении, добавив к ним знания лингвистического характера. Они разыскивают новые, не рекомендованные учителем книги, приносят схемы, карты, чаще беседуют с родственниками на патриотические темы. Кроме того, приобретают навыки работы со словарями, справочниками, знакомятся с совершенно новыми для них терминами топонимики, опираясь на знания, полученные по другим предметам.

Постепенно необходимо вырабатывать у учащихся осознание того, что топонимика представляет собой системное явление, что существуют закономерности в топонимической системе России и она является одним из компонентов картины мира человека, в которой концентрируются как общечеловеческие так и индивидуальные особенности, связанные в том числе и с местом проживания, окружающей социальной и географической средой.

Региональная топонимическая система может быть рассмотрена в фокусе фрагментов и уровней картины мира, формирующейся из множества взаимосвязанных компонентов. Применительно к топонимике Курганской области к ним можно отнести явления двух уровней: историко-культурные и рельефно-географические. К первой группе относятся: первичное восприятие сознанием древнего человека местного географического объекта как единственного в своём роде – отсюда терминологические топонимы типа Устье, Исток (деревни в Целинном районе Курганской области), Падь, Лог (реки в Юргамышском районе Курганской области); распространение на территории области сибирской группы смешанных говоров и интернациональный состав населения отдельных районов – отражается в употреблении диалектных и заимствованных топонимических терминов: падь (сиб. *Провал, глубокий крутой лог*), поварня (сиб. *Крытые землёю срубы, первоначально для приюта проезжих*), согра (сиб. *Доллина в бору, заваленная дрязгой*), ляга (сиб. *Низкое урочище, заливаемое водой*), куль/коль – составная часть названий многих озёр Курганской области (в тюрк-

ских языках – *озеро*), юдам (татар. *Долина, впадина, низменность*), юдав (татар. *Низкое топкое место*) и пр. С точки зрения второго аспекта региональная топонимическая терминология Курганской области отражает прежде всего сознание «степняка», человека, привыкшего к более-менее ровному, плоскому рельефу, в ряде районов к тому же безлесному. Поэтому всё, что является отклонением от привычной картины, получает наименование, семантика которого несколько отличается от значения данного географического термина в литературном языке. Так, любая возвышенность, независимо от высоты, любое возвышение над окружающим и даже просто крутой берег реки именуется в большинстве районов Курганской области *горкой*, а самое высокое в округе место – *горой*, хотя эта возвышенность далеко не так значительна, как настоящая гора. Если в литературном языке термин *урочище* используется в значении *участок, отличный от окружающей местности*, то в отдельных районах Курганской области он обозначает участки леса (иногда конкретно определённого вида – березняк, осинник, бор), что подчёркивает восприятие лесной части ландшафта как отличие от окружающей безлесной степи. Тем самым подтверждается положение, что язык не может отображать все возможные противоположения и отличия объектов действительности. Говорящие могут (по сути дела произвольно, как коллективный носитель языка) фиксировать одни признаки системы и игнорировать другие. Нередко в топонимической терминологии отражаются рельефные признаки местности, переосмысленные (метафорически и метонимически) сознанием носителей языка. Так возникают местные топонимические наименования: *вилка* – место слияния рек (Юргамышский район), *редник* – редкий лесок (Юргамышский район), *кустики* – название земли с мелким лесом (Юргамышский район), *прорва* – место на лугу, активно заливаемое в половодье (Притобольный район), *прокопь* – канава, протока реки (Юргамышский район). Активному переосмыслению подвергаются и довольно распространённые терминологические понятия, причём расширение значений литературного слова может наблюдаться в сторону сразу нескольких лексико-семантических вариантов при многозначности. Например, слово *край* в литературном языке имеет значения: 1) *предельная часть чего-нибудь*, 2) *местность, страна, область*, 3) *крупная административно-территориальная единица в России*. В топонимической системе Курганской области это слово также многозначно, его значения – некий синтез литературных: так называют крайнюю улицу в селе, выходящую к лесу, и просто улицу или часть села, а также всё, что находится вокруг центра – чаще, не на площади, улице, где стоит сельсовет.

Каждый из перечисленных видов работы можно систематически использовать в обучении русскому языку, что имеет не только обучающий, но и воспитательный характер, пробуждает интерес у учащихся к родному слову.

Список литературы

1. Майорова Т.М. Ономастика в лингвокраеведческой работе //РЯШ. – 2000. - № 4. – С.43-47.

2. Михайлов Б.М. Топонимика Курской области // Курский край: история и современность. – Курск, 1995. – С.252-272.
3. Остапец А.А. Педагогика туристско-краеведческой работы в школе. – М.: Наука, 1985.
4. Поспелов Е.М. Топонимика в школе географии: Пособие для учителей. – М.: Педагогика, 1981.
5. Суперанская А.В. Как вас зовут? Где вы живете? – М.: Наука, 1979.

И.А.Шушарина

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ: К ВОПРОСУ О ПАДЕНИИ РЕДУЦИРОВАННЫХ

Контрастивная лингвистика предполагает сопоставление языков для выявления различий и сходств, используемых затем для оптимизации процессов обучения неродному языку. Для филолога в частности важным оказывается историческое контрастивное изучение родственных языков, благодаря которому сопоставляются единые фонетические, грамматические, лексические процессы и выявляются их специфические особенности. Знание того, как те или иные закономерности реализовались в родственных языках, поможет обеспечить более глубокую филологическую подготовку студентов, поможет им осознанно реконструировать те или иные формы, понять, почему в родственных языках реализовались разные рефлексы одного явления.

Одним из таких явлений был закономерный процесс утраты неустойчивых в фонетической системе славян редуцированных гласных. Студентам он хорошо известен из курса «Историческая грамматика русского языка», но в польских словах они сталкиваются с совершенно другими рефлексамми этого процесса, что приводит к межъязыковому смешению фонем, а следовательно, к неправильной речи на неродном языке. Сопоставительный анализ процессов и их рефлексов поможет избежать ошибок.

Из фонетической системы общеславянского языка древнерусский и древнепольский унаследовали два редуцированных гласных среднего подъёма, обозначающих сверхкраткие звуки [ě] и [ǫ]. Исчезновение этих звуков в одних позициях и вокализация в других явились своеобразным продолжением общеславянского процесса утраты количественных различий гласными, а также возможностью избавиться от неустойчивых гласных. Процесс падения редуцированных начался ещё в общеславянскую эпоху, о чем свидетельствуют самые ранние памятники славянской письменности, отражающие утрату редуцированных в начале слова, если они не поддерживались сильной позицией (*мъного* – *много*, *пътица* – *птица* и т.п.). Однако активное развитие процесса и завершение его действия происходит в разных славянских языках лишь к XI-XIV вв.

В *древнерусском языке* процесс падения редуцированных завершился к XII-XIII вв. Слабые редуцирован-

В *польском языке* процесс падения редуцированных гласных окончательно завершился лишь к XIII-XIV

ные утратились (*съна* < *сна*, *дъня* < *дня*), сильные изменились в гласные полного образования: *ъ* < *о*, *ь* < *е*: *сънь* – *сон*, *мъхъ* – *мох*, *дъждь* – *дождь*; *дънь* – *день*, *чьсть* – *честь*, *вьсь* – *весь*. Кроме того, звук *е*, развившийся из *ь*, после исконно мягких и вторично смягчённых согласных фонетически под ударением перед твёрдым согласным, а также в результате аналогической лабиализации изменился в *о*: *мэшькъ* < *мешок*, *пъсь* < *пёс*, *льгъкыи* < *лёгкий*. Это свидетельствует о том, что вторичное смягчение полумягких согласных прошло до лабиализации, а лабиализация гласного *е* прошла после падения редуцированных.

вв., хотя его начало следует отнести к XI в. Слабые редуцированные утратились (*съна* < *sni*, *дъне* < *dnia*), сильные на раннем этапе совпали в одном звуке, а к XIV в. вокализовались в звук [e], смягчающий (из **ь*) или не смягчающий (из **ь*) предшествующий согласный: *сънь* < *sen*, *тъчъ* < *tech*, *дъждь* < *deszcz*; *дънь* < *dzień*, *чьсть* < *cieść*, *вьсь* < *wieś*. Причём в ударной позиции перед переднеязычным твёрдым согласным звук *е*, развившийся из *ь*, не может изменяться в *о*: *ръсь* < *pies*, *льгъкыи* < *lekki*. Это свидетельствует о том, что процесс лехитской перегласовки звука *е* в *о* проходил раньше, чем падение редуцированных.

Процесс падения редуцированных повлёк за собой целый ряд изменений, которые отразились на сочетаемости согласных, структуре слога, морфемном членении слова, словоизменении, вызвал ряд позиционных и комбинаторных изменений, преобразовавших внешний вид лексем.

В современных русском и польском языках падение редуцированных, прежде всего, находит отражение в фонетической беглости гласных, которые обнаруживаются в предлогах, а также в приставках, корнях и суффиксах:

со мной – *с тобой*
отобратъ – *отдать*
день – *дня*
сон – *сна*
палец – *пальца*

ze mną – *z tobą*
odebrać – *oddać*
dzień – *dnia*
sen – *sna*
palec – *palca*

В некоторых словах беглость приводила к тому, что в разных падежных формах один и тот же редуцированный находился то в сильной, то в слабой позиции. В результате в разных падежах должны были развиваться фонетически отличные друг от друга формы. Такой процесс мы можем, например, наблюдать в польском слове *dech* (**dъhъ*). В прямых падежах в корне выступает сильный редуцированный, прояснившийся до гласного полного образования, в косвенных падежах редуцированный оказывается в слабой позиции перед слогом полного образования (D. **dъha*, C. **dъhu*, N. **dъhomъ*...), и в соответствии с фонетической беглостью редуцированных он утрачивается: D. *tchu*, C. *tchowi*, N. *them*. Однако такой случай можно считать единичным. Стремление к единству звучания форм слова в пределах одной парадигмы вело к различного рода аналогическим выравниваниям.

В русском языке аналогическое выравнивание происходило а) в фор-

В польском языке аналогическое выравнивание наблюдается и в поль-

мах множественного числа по образцу форм единственного:

И. ед. бѣрѣвѣно → бревно

Р. мн. бѣрѣвѣнѣ → (бервен) → брёвен

б) в формах косвенных падежей по образцу форм прямых:

И. мѣртвѣць → мертвец

Р. мѣртвѣца → (мертв'ца) → мертвеца

Д. мѣртвѣцу → (мертв'цу) → мертвецу

в) в формах прямых падежей по образцу форма косвенных:

И. Смольнѣскѣ → (Смол'неск) → Смоленск

Р. Смольнѣска → Смоленска

Д. Смольнѣску → Смоленску

ском языке. Так же, как и в русском языке, происходит выравнивание а) форм косвенных падежей по образцу прямых:

М. *š'ьмьгь¹ → szmer «шум, шорох»

Д. *š'ьмьга → (szemra) → szmera → szmeru

С. *š'ьмьгу → (szemru) → szmeru → szmerowi

б) форм прямых падежей по образцу косвенных:

М. *sѣjьмѣ → (sjem) → sejm

Д. *sѣjьма → sejma → sejmu

С. *sѣjьму → sejmu → sejmowi

М. Gdańskѣ → (Gdanesk) → Gdańsk

Д. Gdańска → Gdańska

С. Gdańску → Gdańsku → Gdańskowi

Однако не всегда процессы, проходившие в одном языке, повторяются в другом. Так, в русском языке грамматическая аналогия распространилась на слова одной структуры (*лед – льда* (> *ледь – леда*), *ров – рва* (> *ровь – рова*), *потолок – потолка* (> *потолокъ – потолка*) – по аналогии со словами типа *пѣс – пса* (> *пѣсѣ – пса*), *сон – сна* (> *сѣнѣ – сѣна*), *ледок – ледка* (> *ледѣкъ – ледѣка*)) и одного грамматического класса (*камень – камня, ремень – ремня, плетень – плетня* (> *камень – камене, ремень – ремене, плетень – плетене*) – по аналогии со словом *день – дня* (> *дѣнь – дѣне*)). В польском языке такой аналогии не наблюдается: *łód – lodu, rów – rowu, kamień – kamienia, rzemień – rzemienia*.

И в русском, и в польском языках беглость гласных подверглась морфологизации. Под влиянием фонетически сходных славянских оппозиций «гласный : нуль звука», закрепившихся в определённых грамматических формах, эта оппозиция распространилась и на заимствованную лексику. Так, в группе слов с древним суффиксом *-ьк обнаруживается чередование гласных в прямых и косвенных падежах: *мешок – мешка, мешку, мешком, о мешке*. Беглый гласный становится морфологическим показателем непрямого падежа, и вот уже оппозиция «гласный : нуль звука» обнаруживается в поздних заимствованиях, хотя никаких редуцированных в этих словах никогда не было: *рынок – рынка, рынку, рынком, о рынке; гупек – гупки, гупкови, гупкет, о гупкие, ганек – ганки, ганкови, ганкет, о ганкие*.

¹ Процесс падения редуцированных в польском языке проходил до формирования постоянного места ударения.

После падения редуцированных в русском и польском языках возникли сочетания согласных, ранее невозможные в этих языках:

- удвоенные согласные:

сонный, осенний, отдасть [dd] | *senny, jesienny, oddać*

- сочетание двух взрывных согласных (взрывной + аффриката):

лодка, локтевой | *łódka, łokciowy*

- сочетание твердого согласного с j:

съезд [sje], съестъ [sje] | *zjazd [zja], zjeść [zje]*

Утрата слабых редуцированных привела к возникновению на конце слова позиции, в которой согласный стал произноситься ослаблено (закон экономии речевых усилий). Это привело, во-первых, к **оглушению конечного звонкого согласного**: *обед* [ʌb'et] – *obiad* [obiat], во-вторых, к **отвердению конечных согласных**. Однако последний процесс прошёл в русском и польском языках несколько позднее, как отголосок падения редуцированных и других процессов.

После утраты слабых редуцированных в славянских языках возникли сочетания, соединяющие звуки разнородной артикуляции: твёрдый и мягкий, мягкий и твёрдый, глухой и звонкий, звонкий и глухой и т.д. Такие сочетания подвергались различного рода **ассимиляциям**. Ассимиляции в русском языке носят регрессивный характер: последующий согласный влияет на предшествующий (*умьныи – умный* [m'ьn → m'ьn → m'n → mn], *вместэ – вместе* [vьm' → vьm' → vт' → v'm'], *бьчела – пчела* [bьč' → bč' → pč'], *сьдоровие – здоровье* [sьd → sd → zd]). В польском языке ранние уподобления, напрямую связанные с падением редуцированных, носят регрессивный характер (**rozumьnyjъ – rozumny* [m'ьn → m'ьn → m'n → mn], **sьpěvati – śpiewać* [sьp' → sьp' → sp' → s'p' → ś'p'], **sьpi* → *śpi* [sьp' → sьp' → sp' → s'p' → ś'p'], **bьč'ela – pszczoła* [bьč' → bč' → pč'], **sьdrovije – zdrowie* [sьd → sd → zd]), поздние, возникшие по аналогии, могут иметь прогрессивный характер (*kwiat* [kf'at], *przyjazd* [pšy'jast]). И в русском, и в польском языках результаты ассимиляций могли закрепиться в написании, как, например, это произошло со словами *пчела – pszczoła*, *здоровье – zdrowie*, *умный – rozumny* и т.п., а могли закрепиться лишь в произношении: *косьба* [z'b] – *kośba* [ž'b], *сладкий* [tk'] – *słodki* [tk'].

Падение редуцированных привело и к тому, что рядом оказались звуки, ещё недавно невозможные у славян, противоречившие их артикуляционным возможностям. В сочетаниях «взрывной + взрывной», «взрывной + аффриката», «аффриката + аффриката» рядом располагаются не только звуки, обладающие одинаковой степенью звучности, но и имеющие в своём образовании две смычки. Это вызвало стремление к расподоблению их звучания, то есть **диссимиляции**: первый звук, содержащий в своём артикулировании взрыв, либо утрачивал его, либо заменялся близким по месту образования фрикативным звуком. Процесс диссимиляции известен и в русском, и в польском языках, однако из-за того, что он проходил в период самостоятельного существования языков, когда и в русском, и в польском уже существовали специфические сочетания звуков, расподобление охватило несхожие сочетания.

В русском языке расподоблению подвергались сочетания

- «заднеязычный взрывной + язычный взрывной»: **kt** → **ht**, **gk**, **kk** → **hk**: *льгъкыи* → *легкий* [hk], *мягъкыи* → *мягкий* [hk], по говорам – *къто* → *кто* [ht];

- «аффриката + переднеязычный взрывной»: **čt** → **št**: *чьто* → *что* [št];

- «аффриката + носовой»: **čn** → **šn**: *коньчно* → *конечно* [šn].

В современном русском языке сохранилось ограниченное количество слов, в которых обязательным является произношение сочетаний [št], [šn], [hk]. К ним относятся женские отчества на *-инична* (*Кузьминична*, *Ильинична*, *Никитична* и т.п.), а также отдельные слова типа *что*, *конечно*, *яичница*. Многие слова имеют закреплённое в орфоэпических словарях вариантное произношение с [č] и с [š]: *скучно*, *сердечный*, *булочная*. Однако большинство слов произносятся с сохранением в произношении аффрикаты: *сказочный*, *точный*, *прочный* и т.п.

Падение редуцированных привело к тому, что в некоторых словах возникло скопление двух-трёх-четырёх согласных. Если учесть, что славянские языки ещё недавно были языками вокального типа, то вполне естественным оказался в них процесс *упрощения групп согласных*, который мог проходить несколькими путями: либо с помощью развития неэтимологического гласного, либо с помощью утраты вместе с редуцированным одного или нескольких согласных, либо с помощью слияния согласных в один сложный звук.

В русском языке были известны все три пути. Так, неэтимологический гласный находим в словах *ветер* (*вэтръ*), *огонь* (*огнь*), *уголь* (*угль*), а также в словоформах *сестёр* (*сестръ*), *песен* (*пэснь*)¹ и т.п.

В польском языке расподоблению подвергались сочетания

- «среднеязычная аффриката + переднеязычный согласный»: **wiesьskъjь* (*вьсь «село, деревня») → *wieš'skij* → *wiejski*;

- «аффриката + аффриката»: **čč** → **jč**: **otьca* → *oč'ca* → *ojca*, **otьč'im* → *oč'č'im* → *ojczym*, **otьč'izna* → *oč'č'izna* → *ojczyzna*;

- «среднеязычный шипящий + две аффрикаты»: **městьce* → **mieš'č'ce* → *miejš'ce* → *miejsce*; *Zamość* - **zamoš'č'ьskijь* → *zamoš'č'ьski* → *zamojski*;

- «заднеязычный взрывной + носовой»: **кьп'** → **кš'**: *Kŭning* → **кьнегъ* → **кьнежъ* → **knežъ* → **ks'ęz'* → **kš'až* (*ksiądz*); **кьнега* → **kneга* → **ks'ęга* → **kš'ęга* (*księга*, *książka*).

Результаты такой диссимиляции закрепились в польской орфографии и сохраняются в современном языке. Однако в новых заимствованиях и вновь образованных словах диссимиляции в этих сочетаниях не допускается.

В польском языке находим упрощение групп согласных за счет развития неэтимологического гласного в словах *ogień* (*огнь), *węgiel* (*агль), но *wiatr* (*wэтръ), *sióstr* (*sestrъ).

¹ Мы опускаем здесь вопрос об упрощении групп согласных в начале слова (*льняныи* – о/а/ильняной, *ръжаныи* – о/а/иржаной), так как в русском языке этот процесс носил лишь диалектный характер, а в польском совсем не имел места.

Наиболее распространённым средством упрощения групп согласных была диереза, то есть утрата вместе с редуцированным согласного. Этот процесс известен как в русском, так и в польском языках, однако если в русском языке случаи диерезы широко отражены в устной речи и лишь некоторые из них закреплены орфографически, то в польском утрата согласного, как правило, последовательно отражается в орфографии и лишь в некоторых случаях на письме сохраняется непроизносимый согласный. Это очень часто приводит к утрате очевидной этимологической связи некогда однокоренных слов, то есть к деэтимологизации.

stъn → **sn**: жалостъныи → жалостный [sn], мѣстъныи → местный [sn], участьникъ → участник [sn];

zdъn → **zn**: *porzdzъnъjъ → др.-рус. пороздъныи (ст.-сл. праздъныи) → праздный [zn], поздъно → поздно [zn];

stъl → **sl**: съчястьливыи → счастливый [sl], жалостьливыи → жалостливый [sl], постълати → постлатъ [sl], костьлявыи → костлявый [sl], но естъли → если;

stъb → **zb**: истъба → изба

stъn → **sn**: *žalostъnъjъ → żalosny [sn], *učeⁿstъnikъ → uczestnik [sn];

zdъn → **zn**: *porzdzъnъjъ → *prozdъnъjъ → próżny, *Gnězdъno → Gniezno; но jezdny, jezdnia [zn], rozdzъno → różno [ž'n];

stъl → **sl**: *sъčestъlivъjъ → szczęśliwy [š'l], *postъlati → posłać [su], kostъlavъjъ → koślawy [š'l], jestъli → jeśli [š'l];

stъb → **zb**: *istъba → izba;

Упрощению групп согласных подвергались и другие сочетания. Иногда это приводило к деэтимологизации – утрате очевидной связи некогда родственных слов.

*dъbr → **br**: Дъбряньскъ → Брянск;

*plъsk → **psk**: Пльсковъ → Псков;

*krъst → **kst**: Кръстово → Кстово;

*dъskj- → dъšš'- → tš' → č: дъщанъ → чан

dъc → **c**: *dъkter → *dъcer(a) → *dъcor(a) / *dъcor+ъk(a) → *dcora / *dcorka → cora¹ / corka → córka;

žъs → ž's → š's → ss → s: *moⁿž'ъstvo → meⁿž'stvo → meⁿš'stvo → meⁿsstvo → męstwo.

В польском языке упрощение групп согласных можно обнаружить и в старых заимствованиях, где редуцированных никогда не было. Так, из средневерхненемецкого языка было заимствовано слово *soldenær(e) / soldenier* «наёмный

¹ В старопольских памятниках письменности с XIV в. известны написания сога, дса «дочь», dserka, dcorка «дочка, доченька».

солдат». В старопольских памятниках письменности известны такие написания этого слова: *zoldnierz*, *zoldnierz*¹ «солдат сборных войск, воин», «командир наёмного войска, состоящего из тысячи солдат», «вассал». Упрощение групп согласных, вызванное падением редуцированных, привело к изменению исконного в этом слове сочетания **-ldn-** в сочетание **-ln-**: *zoldnierz* → *zoldnierz*.

Наконец упрощение групп согласных происходило через слияние звуков и образование аффрикаты:

<p>tъs → c's → c' → c: <i>братъство</i> → <i>братство</i> [c];</p> <p>dъs → d's → t's → c's → c' → c: <i>сосѣдъство</i> → <i>сосѣдство</i> [c];</p> <p>сьs [t's'ъs] → [t's's] → [c'] → [c]: <i>немецъский</i> → <i>немецкий</i> [c]</p>	<p>tъs → c's → c' → c: <i>*bratъstvo</i> → <i>bractwo</i>;</p> <p>dъs → d's → ʒ'z → ʒ' → ʒ: <i>soⁿsѣdъstvo</i> → <i>sąsiedztwo</i>;</p> <p>сьs [t's'ъs] → [t's's] → [c'] → [c]: <i>nemec'ъskъjъ</i> → <i>niemiecki</i>.</p>
--	--

Процесс падения редуцированных в значительной степени изменил фонетическую систему славянских языков, которая не только утратила два гласных, но и претерпела огромные преобразования в структуре слога. Структурные модификации, вызванные падением редуцированных, в русском и польском языках были одними и теми же по типу, но иногда совершенно разными не только по рефлексам, но и по условиям. Безусловно, неодинаковой оказалась и фиксация рефлексов на письме, что объясняется в разное время сложившейся орфографической традицией.

Безусловно, преобразования, связанные с падением редуцированных, происходили уже в самостоятельных славянских языках, однако сам характер этих преобразований говорит о том, что русский и польский языки в это время (XI – XIV вв.) сохраняли тесную родственную связь.

Список литературы

1. *Długosz-Kurczabowa K., Dubisz S. Gramatyka historyczna języka polskiego.* / K. Długosz-Kurczabowa, S. Dubisz. – Warszawa, 2006. ISBN 83-235-0118-1.
2. Kancjonal. Toruń, 1601. – 869 s. [Электронный ресурс].
3. *Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego.* – Warszawa, 1974.
4. *Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego.* – Warszawa, 1964.
5. *Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T.1 Zawiera numera 1-616 lata 984-1287.* – Poznań, 1877. [Электронный ресурс].
6. *Lehr-Splawiński T. Język polski. Pochodzenie, powstanie, rozwój: Монография / T. Lehr-Splawiński.* – Warszawa, 1978. – 514 s.
7. *Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego: Монография / S. Rospond.* – Warszawa, 1973.
8. *Słoński S. Historia języka polskiego w zarysie: Монография / S. Słoński.* – Warszawa, 1953.
9. *Stieber Z. Rozwój fonologiczny języka polskiego: Монография / Z. Stieber.*

¹ *zołd* – вознаграждение, выплачиваемое солдатам.

– Warszawa, 1952.

10. *Stieber Z.* Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. – Warszawa, 1979.

11. *Ананьева Н.Е.* История и диалектология польского языка. Изд. 2-е, испр.: Монография / Н.Е.Ананьева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 304 с. ISBN 5-354-00583-3.

12. *Галинская Е.А.* Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 272 с. ISBN 5-211-04547-5.

13. *Громова А.П.* Сравнительная фонетика славянских языков: Учеб. пособие к спецкурсу. Ч. 1. – Свердловск: Изд-во Уральского госуниверситета им. А.М.Горького, 1974. – 188 с.

14. *Киклевич А.К., Кожина А.А.* Польский язык: Практический курс. – Минск: ТетраСистемс, 2001. ISBN: 985-6577-28-4.

15. *Колесов В.В.* Историческая фонетика русского языка: Учеб. пособие для вузов / В.В.Колесов. – М.: Высшая школа, 1980. – 215 с.

16. *Маслова В.А.* Истоки праславянской фонологии: Учеб. пособие. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с. ISBN 5-89826-201-6.

17. *Нахтигал Р.* Славянские языки / пер. со словен. – М., 1963. – 342 с.

18. *Нахтигал Р.* Славянские языки. – М.: Изд-во РФК – Имидж Лаб, 2009. – 346 с. ISBN 978-5-93905-025-8

19. *Посвянская А.С.* Польский язык // Славянские языки: Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков / Под ред. А.Г. Широковой и В.П. Гудкова. – М., 1977. – С. 19-63.

20. *Селищев А.М.* Славянское языкознание: западнославянские языки. – М., 1941.

21. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. Как соотносятся между собой язык и культура: Монография / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Слово, 2000. – 624 с. ISBN: 5-85050-240-8.

22. *Тихомирова Т.С.* Польский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарём. 2-е изд. испр. и доп. – М., 2006. – 317 с. ISBN 5-17-033686-1.

23. Хрестоматия по истории русского языка: Учебное пособие / Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова – М.: Просвещение, 1990. – 496 с. ISBN 5-09-000328-9.

И.В. Щурова

**ПОВТОРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕВГЕНИЯ ГРИШКОВЦА
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «СЛЕДЫ НА МНЕ»)**

Творчество современного писателя Евгения Гришковца привлекает внимание не только читателей, но и исследователей. Поклонники писателя единодушны в своих симпатиях и к его драматургическим опытам, и к многожанровой прозе. Критики же, отзываясь о стиле произведений Гришковца, нередко высказывают совершенно противоположные мнения.

Петр Вайль, к примеру, констатирует, что Гришковец «отважно решился приблизить, даже попытаться совместить художество и нелепо-невнятную повседневность. Гришковец пишет «как в жизни» – запинаясь, спотыкаясь, путаясь... Стиль подчинен стремлению ухватить «кусочек жизни» в его каждодневной правдивости...» [3,7]. Анализируя повторы в прозе Гришковца, Вайль замечает: «изучать», а через пять слов – «изучить». Исправить было бы легче легкого. Но тут господствует принцип звучащего – то есть жизненного – слова: звучание не боится повторов, рассказчик знает, что не обязательно и даже противопоказано всегда искать синонимы... Требование ритма важнее канонов стилистики. Кроме того – такое неловко даже произнести в приличном литературном обществе – автор хочет, чтобы его поняли. Нет, он не делает поблажек, не подлаживается, но и не возводит барьеров. Читатель чувствует, что ему доверяют» [3,7].

Василий Попок в «Заметках по поводу книги рассказов Е. Гришковца «Планка», наоборот, использование повторов вменяет автору в вину: «Временами назойливо повторяется однажды найденный прием. Вот описание военных судов: «У пирса стояло пять кораблей, с правой стороны – два очень больших, а с левой – три больших, но не таких больших, как справа». А это про отношение мичмана к матросам: «Его сильно любил Хамовский, и меня Хамовский тоже любил, но не так сильно, как Беридзе, но всё же довольно сильно» [6].

Наличие совершенно полярных взглядов на роль повтора в стиле Гришковца обусловило нашу цель – выявить повторы и их функции в прозе писателя.

В качестве материала исследования нами был выбран сборник «Следы на мне», вышедший в 2008 году. Книга включает девять рассказов, носящих автобиографические черты. Автобиографизм прослеживается и в имени объединяющего все рассказы главного героя (Евгений), и в ссылках на его место рождения и учебы (город Кемерово, Кемеровский государственный университет). Автобиографический отсыл очевиден и в названии сборника – «Следы на мне». Это произведение, на наш взгляд, в полной мере воплощает особенности слога писателя. Как и в других рассказах, повестях, романах, в книге «Следы на мне» автор стремится быть понятным и понятым. Поэтому и возникает уже привычное при чтении его произведений ощущение, что с тобой могло произойти почти то же самое, что и с героями Гришковца. Дмитрий Бак, литературный критик, характеризует это ощущение таким образом: «Как соблазнительна эта легкость рассказа: да – и я, и меня, и со мной!» [4,8]. «Внимание читателя приковано не к героям рассказов, а к собственной жизни. Как она проходит, складывается в судьбу? Поди попробуй-ка поймать себя на «судьбоносном» событии – ничего не выйдет. Как ни спохватишься, происходит одна ерунда какая-нибудь: ну там – ешь суп, спишь, едешь в автобусе, бессильно в кресле вязнешь по вечерам... Когда я читаю эту прозу, главная моя эмоция вот такая: и со мной такое бывает, происходит» [4,10].

Повтор – одна из самых частотных фигур, встречающихся в прозе Гришковца.

И.В. Арнольд определяет повтор следующим образом: «Под стилистически оправданным повтором принято понимать прием, состоящий в повторении

одной и той же единицы (звука, морфемы, слова и т.д.) либо в использовании сходных единиц (например, похожих звуков, созвучных слов) в непосредственной близости друг от друга» [1, 182]. В.П. Москвин относит повторы к фигурам «нарочитого однообразия» [7, 405], обращая внимание на то, что именно поэтому фигуры повтора иногда именуют «приемами речи, основанными на тавтологии» [8, 78].

Существует узкое и широкое понимание повтора. «При широком понимании к повторам относят плеоназм – «смысловой повтор», «повтор смысла»... В соответствии с этой точкой зрения «повторение делается двумя способами: либо произнесением тех же слов, либо упоминанием тех же явлений с помощью других слов» [7, 405]. Очевидно, что в этом случае стирается грань между повтором и амплификацией (лат. *amplificatio* – расширение, распространение) – фигурой, состоящей в «повторе с добавлением деталей» или варьировании номинативных средств [7, 397]. В нашем исследовании мы будем использовать термин «повтор» в узком значении.

Как справедливо отмечает В.П. Москвин, «в стилистике давней традицией является рассмотрение повторов в разделе «Синтаксис» [7, 405]. Думается, однако, что ограничение фигур повтора рамками синтаксической стилистики не вполне оправдано. Еще В.М. Жирмунский, видимо, ощущая алогичность предложенной им типологии, отметил, что проблема повторов, «хотя и относится к области синтаксиса, но частично за область синтаксиса выходит» [5]. Вопрос действительно выходит за пределы синтаксиса, поскольку повторяющаяся единица может принадлежать любому уровню языка – фонетическому, морфемному, лексическому, синтаксическому» [7, 405]. Таким образом, можно выделить 1) звуковые повторы, к которым относятся аллитерация, ассонанс, повтор звуко сочетаний, рифма, звуковая анафора и др.; 2) морфемные повторы, которые можно подразделить на префиксальные, корневые, суффиксальные и флексийные; 3) лексические повторы, среди которых выделяются субстантивные, адъективные, глагольные, наречные, местоименные, союзные и др.; к лексическим повторам следует отнести также антанаклазу (от греч. *antanaklasis* «перевод» – фигуру речи, основанную на повторении либо омонимичных, либо многозначных языковых единиц в разных контекстуальных значениях [7, 419]) и полиптот (или полиптотон) («фигуру падежного разнообразия», повтор одного и того же слова (имени) в разных падежах; повтор разных форм слова, принадлежащего к любой изменяемой части речи [10, 236]); 4) синтаксические повторы, к которым относятся в частности, синтаксический параллелизм, лексико-синтаксический параллелизм; эпимона (от греч. *epimone* «упорство, постоянство» – повтор словосочетаний и фраз с небольшими вариациями [7, 425]; амбейная композиция (от лат. *ambo* «два» – комбинация эпимоны и параллелизма [7, 426]).

Применив уровневую классификацию повторов, мы можем обнаружить в рассказах Гришковца следующие разновидности этой фигуры.

Синтаксические повторы:

Синтаксический параллелизм – повтор синтаксической конструкции [7, 424]. Известно, что в конструкциях, «построенных по принципу синтаксического

параллелизма, можно выделить следующие признаки: 1) одинаковое количество компонентов в параллельных синтаксических конструкциях; 2) одинаковые синтаксические отношения между этими компонентами; 3) одинаковое расположение компонентов синтаксических конструкций; 4) наличие не менее двух синтаксических единиц в составе синтаксического параллелизма» [10, 298].

Синтаксический параллелизм – нередкое явление в рассказах Е. Гришковца.

При этом можно наблюдать полную реализацию принципа синтаксического параллелизма, когда соблюдаются все условия параллельности. В рассказе «Дарвин», обратив свое внимание на медицинский институт, потенциальный студент мысленно аргументирует возможность выбора профессии врача: «Во-первых, там преподавал мой любимый дядя. Во-вторых, там учился мой троюродный брат Миша...» [4, 127]. Аналогичный тип синтаксического параллелизма и в рассказе «Декан Данков»: «Как теплел его взгляд, как изменялось его лицо, когда он слышал такой вопрос!» [4, 28]. Однако во втором случае функциональная нагрузка параллелизма несколько иная: здесь повтор не усиливает аргументацию, а создает экспрессивность высказывания.

В ряде случаев можно наблюдать неполную реализацию принципа синтаксического параллелизма:

«Помню, если просыпался ночью, я видел, как мама что-то чертит, а отец чего-то пишет». Выбирая себе профессию (рассказ «Дарвин»), герой, характеризуя родителей, подчеркивает слаженность работы представителей технических специальностей, недоступную, по его представлениям, его гуманитарной натуре [4, 124].

Чаще всего в прозе писателя используется контактный параллелизм. В рассказе «Декан Данков»: «Все эти речи сводились к тому, что он не понимает, зачем мы, студенты, изучаем русскую словесность, зачем мы пытаемся читать книги, зачем мы мешаем жить хорошим людям (кому именно, он не уточнял), зачем мы мучаем его, зачем мы поступили в университет, дышим, родились» [4, 20]. Случаи дистантного параллелизма, когда параллельные синтаксические конструкции разделены другими синтаксическими конструкциями, значительно более редки: «Он шел и улыбался сам себе. Мне так понравилось, как свободно, быстро и весело он идет, как он независимо улыбается, как он одет... что я немедленно ему позавидовал и оглянулся ему вслед, когда он прошел мимо меня. Меня даже слегка обдало ветром от того, как быстро он шел. Он шел быстро и на меня не оглянулся» [4, 206].

В рассказах Гришковца параллелизм выявляется как на уровне микроконтекста, так и на уровне макроконтекста. Синтаксический параллелизм на уровне микроконтекста организуется словосочетаниями. В рассказе «Начальник»: «Он доверил нам время своей жизни, своей надежды, свою профессию, свои представления о том, как и что...» [4, 202].

Синтаксический параллелизм на уровне макроконтекста организуется предикативными частями в составе сложного предложения, а также предложениями в составе сложного синтаксического целого. Он представлен в рассказах пи-

сателя большим количеством примеров: «Там были какие-то дядьки с бородами разных форм. Какие-то дамы с прическами и платками на плечах, какие-то худосочные, очень умные мужики с плохими зубами, которые курили возле туалета и громко смеялись. Были полноватые молодые люди в очках. Были какие-то явные артисты и художники» [4,187]. Здесь параллелизм используется для описания публики, пришедшей на закрытый показ художественного фильма. В этом же рассказе аналогичная форма параллелизма применена в убеждающей речи преподавателя фотографии, который говорит своему ученику: «Все ходят по одному и тому же городу, полю или лесу. Все! И никто ничего не видит. А ты должен увидеть, как тут упал свет, как солнце отразилось в стекле троллейбуса, как заблестели капельки росы на паутине в траве, как, черт возьми, улыбается девушка, которая сидит на остановке и чего-то ждет» [4, 194].

С точки зрения конструктивной роли, синтаксический параллелизм может выступать в качестве доминантного (ведущего, основополагающего, конститутивного) принципа и рецессивного (вспомогательного, дополнительного, неконститутивного). Как конструктивное и регулярное явление синтаксический параллелизм доминирует в таких синтаксических фигурах, как изоколон, хиазм, синтаксическая анафора, синтаксическая эпифора, синтаксическая анаэпифора, период [10, 298]. Наиболее часто в рассказах Гришковца можно обнаружить синтаксическую анафору: «Он прогуливался по проспекту Metallургов, по бульвару Строителей или по улице Химиков, как по Оксфорд-стрит или Елисейским Полям. Он пил коричневый кофе в кафетерии универмага и ел булочку – и делал это с таким удовольствием, будто ест нежнейший круассан и пьет отличный капучино» [4, 225].

В лексико-синтаксических фигурах анафоры, эпифоры, анаэпифоры, симплоки синтаксический параллелизм усиливается лексическим параллелизмом и выступает в качестве рецессивного принципа [10, 299]. В рассказе «Зависть» повествование о друге Ковальском завершается абзацами с эпифорой: «Я так не умею. Я завидую ему. Я завидую тому, что он остался в мире замыслов и идей и твердо решил не доводить их до результата. Замыслов приходит много, они приходят легко и быстро, воплощать же их долго и трудно. А с воплощенным замыслом надо еще что-то делать. Нет! Он остается с идеями и замыслами, щедро их забывая и разбрасывая. Это мудро! Я так не смог. Я завидую» [4, 233].

Лексико-синтаксический параллелизм (комбинация синтаксического параллелизма с лексическим повтором) – высокочастотный прием в рассказах Евгения Гришковца. Исследователи отмечают, что лексико-синтаксический параллелизм особенно характерен для устного народного творчества [7, 425]. Частое использование этого приема в прозе писателя можно объяснить общностью разговорной доминанты фольклорных текстов и произведений исследуемого автора. Однако Гришковец прибегает к лексико-синтаксическому параллелизму не с целью облегчить запоминание текста (чему служит эта фигура речи в фольклоре), а с целью создать достоверную разговорную стилизацию, достоверную искреннюю интонацию: «Сколько их, таких мужичков, живет по этим деревням, нарезая, кто большие, кто меньшие, круги по жизни. Чего-то

они поделяются. Кому-то они нужны. Кто-то их ждет. Кто-то их любит» [4, 74]. Или в рассказе «Над нами, под нами и за стенами», посвященном первой отдельной квартире: «А соседи были, я их помню. То они нас заливали водой, то мы заливали нижних. То они устраивали шумные праздники с песнями и плясками или скандалили с грохотом посуды, бегом среди ночи и опрокидыванием мебели, то мы шумели» [4, 78].

Фигуры синтаксического параллелизма объединяет не только общность строения, но и единая усилительно-выделительная функция, которая, наряду со строевой функцией, является главнейшей, базовой [10, 300]. В прозе Гришкова эта функция регулярно реализуется и в описательных фрагментах, и в повествовании, и в рассуждении, позволяя автору в одних случаях усилить эмоциональное напряжение, в других – выделить члены перечисления: «Если бы я тогда мог понять значение его исчезновений! Если бы Макс мог хотя бы намекнуть на то, что он видит в том или ином тупиковом замысле! Сколько времени он спас бы!» [4, 24]. С помощью параллелизма выделены члены перечисления во фрагменте, описывающем Максима, друга автора, после постановки пьесы: «Но результат его не удовлетворил, усталость не была вознаграждена, и успеха он не вкусил» [4, 255].

В аналогичных стилистических целях, кроме синтаксического и лексико-синтаксического параллелизма, Гришковец нередко использует эпимону. Т.Г. Хазагеров определяет ее как «неупорядоченный повтор» [9, 260]. Например, рассказ «Декан Данков» начинается с описания заглавного героя: «Деканом филологического факультета Кемеровского государственного университета, когда я в него поступил, был Василий Николаевич Данков. Он был деканом с незапамятных времен, и с незапамятных времен копились страшные истории о нем. Данкова боялись все без исключения, и все его не любили или даже ненавидели. Все, даже те единицы, к которым он благоволил» [4, 11]. В рассказе «Михалыч» эпимона используется в реплике повествователя, посвященной физическому труду: «До встречи с Михалычем мне казалось, и часто казалось, что, когда я читаю какую-то книжку не самого глубокого и обязательного содержания, когда болтаю с приятелями, слушаю музыку или просто смотрю кино, я, казалось мне часто, ленюсь, пропускаю что-то важное, теряю время, а главное, бегу настоящего, простого и бесспорного труда» [4, 41].

Еще одной разновидностью повторов являются лексические повторы, в частности позиционно-лексические. Это разновидность повтора, сущность которого состоит в том, что в синтаксической конструкции несколько раз повторяется синтаксическая позиция (позиции) с одним и тем же лексическим наполнением. Конструкции с позиционно-лексическим повтором избыточны с точки зрения предметно-логической информации, однако эта избыточность оправдана, так как связана с выражением дополнительной информации экспрессивного характера [10, 234]. Например, в отрывке из рассказа «Дарвин» повтор способствует актуализации эмоционально-экспрессивного значения одобрения: «В большом читальном зале было светло и хорошо. Светло настолько, насколько

ко может быть светло в зале с большими незадернутыми окнами в апреле в пасмурный день [4, 143].

В проанализированных рассказах позиционно-лексические повторы нередко выполняют акцентирующую функцию: «Он, конечно же, был злодей. Именно злодей. Есть такое слово в русском языке» [4, 37]; «Как из него получился такой злодей? Как он оторвался от той земли, которую понимал и знал много лучше, чем мы? Как он оторвался от людей и остался среди книг, и как книги умерли в его руках и превратились в тексты? Я не понимаю» [4, 38]. Или в рассказе «Наколка»: «Самое забавное, что этот якорек, как ни крути, моя единственная особая примета. Он практически стал для меня родимым пятном. Но родимым пятном, которое мне досталось не от родителей, а от моей жизни» [4, 163].

Позиционно-лексический повтор – явление полифункциональное. На основную, выделительно-усилительную функцию, реализующуюся в актуальном членении предложения, наслаиваются и часто приобретают в конкретном контексте первостепенное значение иные функции, которые могут быть выражены как синтагматических особенностей текста, так и его разнообразных эмоционально-экспрессивных характеристик [10, 235]. В рассказах Гришковца реализуются следующие речевые функции позиционно-лексических повторов:

экспрессивно-грамматическая. Реализацию этой функции можно наблюдать в рассказе «Михалыч»: «Перед тем как поехать на работу, я даже фантазировал, как мы будем вставать с петухами в деревне, умываться у колодца из ведра. Как будем, неким мужским сплоченным трудом коллективом, весело шутить за умыванием, потом завтракать и отправляться на работу» [4, 43]. Герой мысленно возвращается к своей молодости, вспоминая свой энтузиазм от предстоящей ему тогда физической работы в бригаде «шабашников». Повтор форм будущего времени подчеркивает, что иллюзии героя были недолговечны, а разочарование наступило, как только он столкнулся с настоящим.

Характерологическая. Повтор помогает передать психологическое состояние персонажа в рассказе «Над нами, под нами и за стенами», когда после переезда в новый дом, в котором все что-то прибивают, все время шумят, празднуют и включают музыку, наступила усталость: «Но к лету сильно захотелось тишины. Захотелось уюта и спокойствия» [4, 80]. В рассказе о шумном соседе-милиционере автор вновь прибегает к этому приему: «Я очень и очень старался не желать ему смерти и вообще ничего плохого. Я ругал себя, если похожие на такие пожелания мысли заползали мне в голову. Но я очень сильно хотел и даже мечтал, чтобы он не вернулся в квартиру над нами» [4, 95].

Собственно-изобразительная (живописующая) – изобразительное выделение значимой детали описания. В рассказе «Декан Данков» при описании ярости декана, вызванной внешним видом одной из студенток, писатель использует дистанционный повтор в изобразительной функции: «А вот студентка К. была наоборот... Ровно наоборот... Нельзя сказать, что она была красавица, но юбку носила очень короткую, красилась с самого утра самым боевым образом. И даже не пыталась изобразить, что готовилась к занятиям... Но в тот день она выглядела лихо даже для самой себя. Юбка была такая короткая...» [4, 29].

Функция создания эффекта несобственно-прямой речи. Она реализуется в начале рассказа «Михалыч». Рассказчик вспоминает имя Михалыча и ход его мыслей, его сомнения переданы с использованием этого приема: «Хотя я не уверен, что его звали Михалыч. По-моему, Михалыч. Но точно и без сомнений сказать не могу. Если бы я хоть раз назвал его по имени или по отчеству, я бы точно запомнил. Но я обращался к нему на «Вы» и всё. Остальные звали его Михалыч (кажется). И сам он, когда мы знакомились, сказал: «А я Михалыч». Да! Всё-таки Михалыч! Так и буду его называть. Так я его помню» [4, 40]. Неслучайно в приведенном фрагменте текста неоднократно использованы восклицательные предложения, которые, наряду с вопросительными конструкциями, представляют собой наиболее характерный тип несобственно-прямой речи. Интересно, что в данном случае в несобственно-прямой речи переданы не чужие слова и мысли, а собственные, принадлежащие рассказчику, однако двуплановость высказывания сохраняется, так как воспроизводится «внутренняя речь» рассказчика.

Функция выделения ключевого слова. Убеждая главного героя сделать наколку в виде якоря, старшина внушает ему: «Якорь – это принято, понимаешь? Так принято у моряков! Это уважение к морю. Это хороший знак. Если есть якорь, значит, моряк вернется к берегу родному. А если якоря нет, то ты не моряк. А если ты не моряк, зачем и куда тебе возвращаться? Сколько лет все моряки колют якоря. Это же не просто так тебе. Так принято» [4, 159].

Таким образом, позиционно-лексические повторы в проанализированных рассказах использованы автором во всех возможных стилистических функциях. Они максимально полифункциональны.

Лексические повторы в прозе Гришковца представлены также лексической анафорой. Друг повествователя, Макс, рассказывает о своих ощущениях от плохих спектаклей: «Мне стыдно смотреть на сцену. Мне за людей стыдно. Мне кажется, что им так неудобно всё это изображать и всё это говорить. Мне прямо плохо становится» [4, 248]. Как правило, лексическая анафора строится на основе синтаксического параллелизма, поэтому большинство подобных повторов в проанализированных текстах представляют собой лексико-синтаксический параллелизм: «Но как же весело было на этих концертах! Как же модно одевались студенты-медики, как же много там было ярких девушек!» [4, 127].

Неоднократно в рассказах использован подхват – совпадение концовки первой и начальной части второй речевой единицы [7, 428]: «На всех собраниях, когда собирался весь факультет, он нас ругал. Ругал сильно, разнообразно и изобретательно» [4, 20]. «Что-то радостное и в то же время печальное и острое обжигает сердце осознанием безвозвратности. Обжигает и отпускает. Отпускает и помогает жить дальше» [4, 119].

Среди лексических повторов в рассказах можно обнаружить усугубление (простой повтор) – двукратный лексический повтор [7, 435]: «Лицо улыбалось, глаза на лице, даже при свете лампочки, были светлые-светлые, голубые-голубые, мутные-мутные» [4, 46].

Анализ частеречной принадлежности лексических повторов дает возможность заключить, что Гришковец прибегает:

к субстантивным повторам. В рассказе «80 километров от города» при описании деревни Колбихи автор замечает: «Пушкин писал: «Там русский дух, там Русью пахнет». Не знаю, что он подразумевал, какой запах. Но для меня это запах Колбихи. Это и запах свежего навоза, который привозили на огород, и его надо было по этому огороду разбрасывать. Это запах сырого, холодного и страшноватого тумана, который вечером выползал из леса и накрывал деревню. Это запах дыма из бани зимой, а баню топили мёрзлыми берёзовыми дровами. Это запах свинарника, солярки, свежескошенной травы, сухого сена, пыли, что летит с дороги в наш двор и долго висит в воздухе. Это и запах перегара от всех мужиков, и ветер с реки, и запах оттаявшей земли на огороде в апреле... Много запахов» [4, 290];

к адъективным повторам: «Меня сильно удивило, что и в Германии, и в Бельгии, и в Голландии все совсем простые люди, крестьяне и их дети, все едят при помощи ножа и вилки. И это у них не этикет такой и не результат воспитания. Они действительно очень простые люди и далеки всякого этикета» [4, 303];

к глагольным повторам. В рассказе «Начальник» преподаватель фотографии убеждает испортившего снимок ученика: «Конечно, сделаешь! Попробуй только не сделать! – ворчал Начальник. – Вам всем кажется, что ещё миллион всего сделаете. А вот не сделаешь! Другой сделаешь. Лучше, хуже сделаешь! А такого не сделаешь! Это же фотография! [4, 200] Или в рассказе «Зависть» о Максе: «Танцевал он тоже очень серьезно, старательно и на пределе возможного. То есть он старался танцевать красиво. Он не делал попыток изобразить нелепые телодвижения. Он именно танцевал. Танцевал, как мог» [4, 242];

к наречным повторам: «Тогда я увлечённо учился, увлечённо писал стихи, читал книги...» [4, 208]. «Где он ночевал и жил, для меня какое-то время оставалось загадкой. Ещё большей загадкой было, где и как он хранит свою одежду, где он её стирает. Где и как он ест...» [4, 211]. В рассказе «80 километров от города»: «Я как-то понаблюдал за тем, как он колет дрова. У него это получалось так легко и аппетитно, что я тоже захотел попробовать. Но у меня не получалось никак, ни легко, ни аппетитно» [4, 282];

к местоименным повторам: «Он посетил пару репетиций и стал необходим. Его присутствие, его смех и его внимание к происходящему стали жизненно важны [4, 239];

к союзным повторам (используется полисиндетон): «Либо у него оказывались с собой хотя бы несколько каких-то диковинных конфет. Либо он доставал из своей сумки какие-нибудь сандаловые благовонные палочки и зажигал их за чаепитием, снабдив благовония удивительной историей, откуда он эти палочки взял и как надо дым и запах этих палочек воспринимать. Либо он дарил тем, к кому приходил в гости, какую-нибудь красивую свечку или что-то в этом роде [4, 213].

Слова в произведениях Гришковца повторяются как в одной грамматической форме, так и в разных (то есть используется полиптон или полиптотон) [7, 423]. Полиптон автор применил в рассказе «Декан Данков» при создании порт-

рета декана: «Старый-старый портфель, старые часы на руке, старые визгливые ботинки» [4, 25]. Еще более очевидно использован аналогичный прием в рассказе «Зависть» в портрете Сережи Ковальского: «Парней, студентов-филологов, было вообще мало, а ярких и заметных среди них почти совсем не было. А Сергей был очень яркий, причем в буквальном смысле слова. Ярче его не одевался никто! Но его яркость была не вызывающая, не пошлая и не клоунско-попугайская. Его яркость была художественная» [4, 204].

Анализ лексических повторов дает возможность сделать вывод, что в рассказах повторяются не случайные слова, а основные по смыслу, ключевые, реализуя тем самым лейтмотивную и усилительно-выделительную функции.

Многочисленны и разнообразны в его произведениях и морфемные повторы. Среди них выделяют префиксальные, корневые, суффиксальные и флексийные повторы. Гришковец, как правило, использует корневые. В рассказе «Декан Данков»: «Он не любил всех. Вообще всех... Не знаю его отношений с родственниками и знакомыми, но студентов, преподавателей и прочих сотрудников он не любил. И тут лучше было быть частью нелюбимой им человеческой массы, чем конкретным человеком. То есть он меня разглядел, запомнил и невзлюбил конкретно и персонально» [4, 16]. Или в рассказе «Дарвин»: «Романтики я не увидел, точнее, я не увидел там ни одного романтика» [4, 133]. В речи филолога («Дарвин»): «Дело в том, что мой коллега, который готовился встретиться с вами, заболел, и меня попросили вас развлечь и, если получится, увлечь, – тут он хохотнул. – Простите за невольную рифму» [4, 146]. В последнем случае можно говорить о применении этимологической фигуры (деривации), поскольку повтор служит актуализации внутренней формы одного из повторяемых слов. Сближение однокоренных слов поддерживает различные смысловые ассоциации в рассказах. Реже встречаются префиксальные повторы: «Мы все время что-то подделывали. То есть не красили, а подкрашивали, не строили, а подстраивали, не ремонтировали, а под... Подделывали, в общем» [4, 43].

Подводя итог анализа повторов в сборнике «Следы на мне», мы констатируем, что Евгений Гришковец активно применяет лексические, морфемные, морфологические, синтаксические повторы. При этом в различных контекстах реализуется вся палитра стилистических функций этой фигуры. Это дает основания утверждать, что в прозе писателя повтор является стилеобразующим средством речевой выразительности.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1990. – С.182.
2. Басинский П. Гришковец как жанр // Российская газета. – 2006. – № 4039.
3. Гришковец Е. Планка. – М.: Махаон, 2006. – 288 с.
4. Гришковец Е. Следы на мне. – М.: Махаон, 2008. – 317 с.
5. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – С. 362.

6. Попок В. «Другие» и Евгений Гришковец»// Огни Кузбасса. – 2007. – №5.
7. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. – М.: Феникс, 2006. – 631 с.
8. Филиппов А.В., Романова Н.Н. Публичная речь в понятиях и упражнениях. – М., 2002. – С.78.
9. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций. – Ростов н/Д, 1999. – С. 260.
10. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 480 с.

И.В.Щурова

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ ВИКТОРИИ ТОКАРЕВОЙ

Повесть «Своя правда», как и многие другие произведения Виктории Токаревой, – о любви. О любви, преодолевающей национальные предрассудки, многокилометровые расстояния, социальную безнадежность, несправедливое и несправедливое равнодушие. В центре повести – судьба женщины – Марины, учительницы начальных классов, родившейся и живущей в советском еще Баку. В ее жизни будет и первый, неудавшийся, брак, и дети, и чувство на всю жизнь («Все-таки любовь, если она настоящая, остается в человеке навсегда. Как хроническая болезнь») [2, 186], и испытание Москвой, когда в жестокие 90-е годы героиня вынуждена будет оставить Баку и остаться одна и ни с чем в привыкающей к капитализму столице. Но силы жить будет по-прежнему давать любовь.

Творчество Виктории Токаревой относят к женской прозе. Неслучайны в обращении В.В. Путина к писателю слова: «Ваш неповторимый стиль, тонкий юмор, серьезность и глубина тем изменили традиционные представления о женской прозе... Замечательные рассказы, повести, сценарии принесли Вам настоящий успех и признание, стали яркой страницей отечественной литературы» [2,355]. Мы поставили целью выявить языковые средства, с помощью которых формируется стиль В. Токаревой, выбрав в качестве материала повесть «Своя правда».

На наш взгляд, в языке Токаревой существует несколько стилевых доминант.

На лексическом уровне это прежде всего метафоричность.

Анализируя индивидуально-авторские метафоры Токаревой (случаи использования узуальных метафор в прозе Токаревой единичны) по тематической принадлежности вспомогательного субъекта, то есть в соответствии с тематической соотнесенностью сравнения, лежащего в их основе [1,126], можно обозначить следующий ряд мотивационных систем.

Автор прибегает к пространственным метафорам (или по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, «ориентационным»), когда метафора основана на аналогии с каким-либо измерением пространства: «Дети могли легко сорваться, разбиться,

соскользнуть в смерть» [2,153]. «Когда одни люди теряют все, а вокруг ходят другие, кто ничего не потерял, живут в своих домах, едят из своих тарелок, – создается перепад справедливости» [2,201]. «Анне казалось, что она провалилась в детство: то же состояние заботы и защиты» [2,220]. «Прошлое не имело никакого значения. Он стоял на стыке судьбы» [2,230].

В повести Токаревой неоднократно используются физические метафоры. В частности, физическим явлениям уподобляется процесс мышления: «Но в мозгах испортилась электропроводка. Мысли коротили, рвались, прокручивались. И казалось, этому замыканию не будет конца» [2,239]. С помощью аналогичной метафоры описаны чувства Марины и Рустама: «Их взгляды пересекались, и по ним текло электричество большой мощности. И если в это электрическое поле попадал комар или жук – падал замертво» [2,165].

Единичными случаями представлены анималистические (зооморфные) метафоры. В рассказе об образе жизни Володи он уподоблен рыбе: «Газету на лицо – и на погружение. Появлялась Марина и начинала дергать вопросами, как рыбу за крючок. Володька всплывал из своего погружения, разлеплял глаза» [2,156]. Сама Марина с ее напористостью и некоторой излишней прямолинейностью несколько раз в повести уподобляется бизону: «Значит, Снежана готова была обменять мать и дочь на чужого нищего мужика. Она пришла договариваться, чтобы бизон не вытаптывал ее пшеницу» [2,191]. «Единственный человек, с которым Марина не была бизоном, – это Рустам. С ним она была – голубка» [2,182]. Это единственный случай использования в повести развернутой метафоры, в которой носителем образа является группа ассоциативно связанных единиц [1,141].

Антропоморфные метафоры: «Слишком тесно стоят их души» [2,179]; «Смерть приходила на дом» [2,183].

Медицинские метафоры: «Человек лечится любовью интуитивно» [2,166].

Ключевыми для языка являются метафоры огня, сна, пути, воды. И Токарева их не избегает. Так, метафора пути использована в рассказе о первой любви Марины – ее будущем муже Володе: «Его ничто не могло свернуть с пути познания Марины, ее тепла, ее запаха и тайных тропинок» [2,155].

Метафора воды встречается в описании чувств героев: «Марина топила свое горе в любви, от этого любовь становилась выше, полноводнее, как уровень воды в водоеме, если туда погрузить что-то объемное» [2,166]. О Рустаме Марина думает: «Он просто купается в любви, а без нее мерзнет и коченеет. Кровь останавливается без любви» [2,175].

Метафора огня использована в характеристике Рустама: «Молодой наивный мальчик. Это тебе не вдовец с копотью жизненного опыта» [2,163]. «Все остальное меркло в лучах нежности и страсти» [2,166]. После пожара, в огне которого сгорела торговая палатка сына Саши, он «пришел домой, внутренне обугленный и обожженный, как его палатка» [2,199].

Таким образом, ключевыми метафорами идиостиля Токаревой являются пространственные, физические, анималистические метафоры, активно используются концептуальные метафоры пути и огня.

Применив формальную классификацию метафор, в которой выделяют словесные метафоры, метафоризированные словосочетания, фразовые и текстовые метафоры [1,140], мы заключаем, что в повести использованы:

- словесные метафоры, глагольные: «Она избивала его словами, как розгами» [2,242], субстантивные: «Марина подчинялась с обреченностью овцы» [2,156]; адъективные: «Ну и глаза – большие и бархатные» [2,158]. Наиболее часто автор прибегает к глагольным и субстантивным метафорам.

- метафоризированные словосочетания: «Анна выходила провожать. Отодвигала миг разлуки» [2,224];

- фразовые метафоры: «К горлу Марины подступала любовь» [2,237]. «Это не суп. Это песня» [2,233]. «Атеросклероз – это и есть старость» [2,228].

В большинстве случаев Токарева использует фразовые метафоры, причем нередко они носят афористический характер: «Когда Бог хочет открыть перед тобой новую дверь, он закрывает предыдущую» [2,220].

Взгляды ученых на функциональные возможности этого тропа различны. Специалисты называют от двух до пятнадцати ее функций. В.П. Москвин выделяет две основные функции: 1) номинативную, состоящую в «номинации ещё не названного денотата», 2) экспрессивную, задача которой – «приглашение адресата к особому видению мира» (И. Левенберг), «привлечение внимания к какому-то свойству уже названного денотата, желание представить его в новом освещении» (Е.И. Шендельс). Экспрессивная функция реализуется в ряде частных функций: оценочной, изобразительной, эстетической, эвфемистической и пояснительной» [1,153]. В анализируемой повести метафоры выполняют экспрессивную функцию. При этом встречаются метафоры, выполняющие функции оценочности: «Единственный человек, с которым Марина не была бизоном, – это Рустам. С ним она была – голубка» [2,182]; изобразительности: «Вся конструкция жизни, выстроенная Мариной, рушилась на глазах, как взорванный дом» [2,196]; эстетическую: «Однако – детство, начало жизни, ее нежное сияние» [2,153].

Подводя итог анализу метафор в повести, отметим, что Виктория Токарева использует главным образом индивидуально-авторские метафоры, которые могут быть отнесены к нескольким мотивационным системам. Подавляющее большинство метафор являются простыми. При этом в произведении мы обнаружили все возможные грамматические разновидности метафор, которые выполняют общую для них экспрессивную функцию.

В повести автор активно использует сравнения.

Как правило, это сравнительные обороты с союзом как: «Хорошенький, со светлыми кудряшками, как Ленин в детстве» [2,155]. «Провожая любимую женщину в абортарий, он мотал головой, как ужаленный конь» [2,167]. «Она смотрела на Рустама, как на диковинную рыбу в аквариуме, – с интересом, но отчужденно» [2,171].

В сравнениях В.Токаревой нередко реализуются межтекстовые связи, присутствуют аллюзии: «В Москву, в Москву...» – как чеховские три сестры [2,181]. «Лёня стал народным героем, как Чапаев» [2,199]. «Марина воспомина-

ла, как она будила Алечку в детский сад, как Алечка не могла проснуться, и несправедливость стучала в груди, как пепел Клааса в сердце Тиля Уленшпигеля» [2,214]. «Иногда, оставшись одна, Марина перебирала деньги в пальцах, как скупой рыцарь» [2,226].

Единичны сравнительные обороты в составе фразеологизмов: «Все – как у людей» [2,208]. «Она знала, что когда-нибудь бандитская паутина разорвется и всё кончится и забудется, как дурной сон» [2,210]. «Всё время визжал, как порезанная свинья, точнее – кабан» [2,217]. «Их арестуют, и ты станешь свободным, как птица» [2,211]. «День выдался теплый и нежный, как в раю» [2,219].

Сравнительный оборот выделен в самостоятельное предложение с помощью парцелляции в следующих контекстах: «Всё-таки любовь, если она настоящая, остается в человеке навсегда. Как хроническая болезнь» [2,186]. «Серые волосы зализаны назад, серое лицо с высоким носом. Как у покойника» [2,205]. «Всё – молча. Как в кино» [2,208]. «Мечтанья с глаз долой и спала пелена. Как у Чацкого» [2,235].

Творительный сравнения единичен: «Директор-азербайджанец много молчал, сжав рот курьей гузкой» [2,184].

Малочисленны случаи выражения сравнений с помощью лексических средств: «Чувство, которое она испытала, было похоже на коктейль из многих чувств: обида, злоба, ненависть, отчаяние и поперх всего – растерянность» [2,241]. «Она сидела с набитым захлопнутым ртом и в этот момент была похожа на лягушку, поймавшую комара» [2,212].

Морфолого-синтаксическая классификация сравнений позволила нам рассмотреть типы построения предложений со сравнениями и сравнительными оборотами, выделить из них наиболее продуктивные. Для повести В. Токаревой характерны сравнительные обороты с союзами «как», а союзы «словно», «точно», «как будто» практически не используются. Сравнительные обороты, как правило, не распространены и состоят из 2-4 знаменательных слов. В ряде случаев они представляют собой самостоятельные парцеллированные неполные конструкции, которые делают речь более образной и эмоциональной.

Самые малочисленные группы сравнений в повести – сравнения, выраженные творительным падежом, сравнительные наречия (с аффиксами – по-, -ски-, -и-), конструкции со вспомогательными словами в сравнительном значении («похожий», «подобно», «напоминать», «походить»).

В целом можно отметить полное отсутствие развернутых сравнительных конструкций. Автор отдает предпочтение лаконичным, но точным сравнениям.

Применив семантическую классификацию сравнений, мы можем отметить, что в большинстве случаев с помощью сравнений автор характеризует человека.

Наиболее активно писатель использует сравнения, характеризующие действия героев: «Она куталась в платок, как девочка и как старуха – одновременно» [2,172]. «Стоит на базаре, как на витрине» [2,191]. «Они ловко зазывали покупателей, умели всучить товар, как фокусники» [2,197]. «Но Людка дралась истово, как бультерьер» [2,200]. «А Людка не смирится со злобной бабой, которая ходит по квартире, как шаровая молния» [2,200]. «Анна просыпалась и за-

мирала, как труп в морге» [2,219]. «Журчала, как весенний ручей» [2,223]. «Пели хорошо и слаженно, как простые русские бабы» [2,225]. «Рустам явился вовремя, как аристократ» [2,230]. «Стряхнул, как рукавицу» [2,233]. «Алечка сидела перед включенным телевизором, как нашкодивший котенок» [2,237]. «Чушки – так называли азербайджанцев из района – потекли, как мутные реки, в город» [2,183]. «Все только пользуются, как нефтяной скважиной» [2,236].

Значительно реже встречаются сравнения, дающие портретную характеристику человека: «Невеста – никакая, мелкие глазки, носик как у воробья» [2,177]. «У него пальцы как свиные сардельки» [2,179].

Единичными случаями представлены сравнения, характеризующие внутреннее состояние героев: «Жалость и упрёки скребли душу, как наждачная бумага» [2,188]. «Но по существу у неё – только больные, которые смотрят, как собака Найда» [2,219]. «Анна застыла без мыслей, как в анабиозе» [2,219].

Немногочисленны сравнения, характеризующие свойства личности героев: «Умела напролом идти к цели, как бизон» [2,178]. «Но любовь к дочери была спрятана глубоко в сердце, а наружу вырывалась грубость, как ядовитый дым» [2,178]. «Иногда она была мудра, как черепаха» [2,229].

Редкими являются сравнения, характеризующие абстрактные явления: «Ненависть – как эпидемия» [2,184]. «Анна закрыла глаза, и ее потянуло в сон, как в омут» [2,239].

Таким образом, большинство сравнений Виктории Токаревой характеризуют действия героев. В повести, как и в других произведениях писателя, доминирующим типом речи является повествование. Неслучайно многие повести Токаревой легли в основу сценариев: отсутствие больших описательных фрагментов, а также пространных рассуждений дает возможность относительно легко переводить эти произведения на язык кинематографа. Однако в повести встречаются и сравнения, направленные на описание внутреннего мира, чувств и переживаний персонажей. Сравнения, характеризующие внутреннее состояние героев, чаще всего передают их ощущение одиночества, неприкаянности, отчаяния, тоски. Сравнения, дающие портретные характеристики героев, описывают их с разных сторон. Многие из них отличаются стилевой экспрессивностью и эмоциональностью. Сравнения, характеризующие различные абстрактные явления и предметы, немногочисленны.

Еще одной стилевой доминантой повести «Своя правда» можно назвать лексические и синтаксические повторы. Уже в начале повести, когда речь идет о детстве главной героини – Марины Ивановны Гусько, обнаруживаем лексический повтор: «Дети могли легко сорваться, разбиться, соскользнуть в смерть. Они не осознавали этой опасности. Дети» [2,153]. В описании первого мужа Марины тоже нередки повторы: «А дома – скучно. Марина вечно чем-то недовольна, вечно ей мало денег» [2,156]. У любовницы мужа «...глаза – большие и бархатные. У всех южных людей большие и красивые глаза» [2,158]. Отношение Марины к сыну характеризует фраза: «Марина любила сына до судорог, хотя видела его недостатки: ленивый, безынициативный... Но при чем здесь достоинства и недостатки, когда речь идет о собственных детях. Недостатки

Марина тут же превращала в достоинства» [2,160]. Впервые встретившись с Рустамом, Марина видит, как он прекрасен, и мысленно сравнивает его с Омаром Шарифом: «Она уже сделала несколько шагов, когда перед ней внезапно, как из-под земли, возник Омар Шариф в натуральную величину. Белые зубы, белая рубашка, русая голова. Русский азербайджанец. Такое тоже бывает» [2,163]. Как видно из примеров, автор использует разные виды лексических повторов, в том числе и полиптотон – повтор слова в разных грамматических формах: «Рустам был хороший мальчик из хорошей азербайджанской семьи» [2,164]; и разновидность полиптотона – анноминацию – повтор слова в разных падежных формах: «Пусть думают, что она разговаривает по делу. Но любовь – разве это не дело? Это самое главное из всех дел, какие существуют в жизни человека» [2,165]. В повторах использованы слова, являющиеся ключевыми. Они реализуют лейтмотивную функцию. Неслучайно в рассказе о невесте для Рустама автор вновь обращается к аналогичному повтору: «А мама Рустама все искала хорошую девочку из хорошей азербайджанской семьи. И нашла» [2,170].

Еще более частотным приемом в повести являются синтаксические повторы.

Виктория Токарева использует синтаксический параллелизм: «Нежные лица, белые крахмальные косынки с красным крестом, доверчивые глаза» [2,218], причем, как правило, он встречается в комбинации с лексическим повтором, образуя лексико-синтаксический параллелизм: «Раньше он приходил домой, ел и спал. А теперь – приходил, ел и уходил. Спал у армянки» [2,157]. «Марина и Рустам вместе ели, вместе спали, вместе думали» [2,166]. «А вдруг не мрут? Просто переходят в другое время. А вдруг не врут? Ложь – это не отсутствие правды. Ложь – это другая правда» [2,229].

Писатель повторяет словосочетания и фразы с небольшими вариациями – использует эпимону: «Ну не может он приносить больше, чем ему платит государство. Не может идти в гости, ему там скучно. Он может работать и спать» [2,156]. «О! Как она любила этого человека. Ей нравилось, как он ест: жует и глотает. Как он спит – мирно дышит, и живот ходит под ее рукой. Ей нравилось слушать его речь, хотя это была речь непродвинутого человека» [2,168].

Повторяющиеся компоненты встречаются:

- в начальной части речевых единиц (анафора): «Мама заболела. Мама – это святое» [2,173]; «Жалеть надо было себя – сорвалась с места, как осенний лист, ни кола ни двора, и как там ее встретят, да и встретят ли... Жалеть надо себя, но она жалела Рустама – своего третьего ребенка» [2,187]. «Все знают все. Как тонет подводная лодка с молодыми мужчинами. Как голодают шахтеры. Как воруют власть предержажшие, и это называется «нецелевое использование». Как каждый день в Чечне убивают друг друга» [2,215];

- в конце речевых единиц (эпифора): «И теперь вот Снежана уезжает. И хорошо, что уезжает» [2,179]. «Завидущая Верка предположила, что Галина выходит замуж по расчету. Но ведь настоящая любовь – тоже расчет. Человек берет сильное чувство и дает сильное чувство» [2,204]. «Он засыпал с надеждой. И жил – с надеждой» [2,210]. «Она звонила, ей звонили. Чувствовалось, что ей все нужны, и она, в свою очередь, нужна всем» [2,214].

Наиболее часто используется подхват, когда совпадают концовка первой и начальная часть второй речевой единицы: «Она могла бы сказать: «На нет и суда нет» – но суд есть. И этот суд – Саша» [2,196]. «И еще он поняла, что деньги сказали «до свидания» – и это с концами. Концов не найдешь» [2,199]. «Последние полгода Марина работала в коттедже у банкира. У банкира – целый штат челяди: шофер, няня к ребенку и домашняя работница» [2,212]. «Марина не подозревала, что ТАМ послали ей ангела-хранителя. Ангел был не первой молодости и с хорошей стрижкой» [2,217]. «С возрастом противоречия не сглаживаются, а, наоборот, усугубляются. Они усугубились до того, что Феррапонт перестал спокойно разговаривать» [2,217].

Среди повторов применяется хиазм, когда повторяются два компонента с инверсией, причем осложненный антитезным противопоставлением – антиметабола: «Классический вопрос русской интеллигенции: кто виноват и что делать? Ей не приходило в голову, что никто не виноват и ничего не надо делать» [2,211].

Воспользовавшись количественной классификацией повторов О.М. Брика, мы можем отметить, что в подавляющем большинстве случаев В. Токарева прибегает к двукратным повторам (их еще называют простыми или усугублением): «А оказывается, что все эти упреки, восходящие к ненависти, – не что иное, как любовь. Любовь с перекошенной рожей» [2,242].

Реже можно встретить тройные и многократные повторы: «Марина вгляделась: каждый муравей тащил в меру сил и сверх меры. Цепочку замыкал муравей с огромным яйцом на спине. Муравей проседал под тяжестью, но волок, тащил, спотыкаясь и останавливаясь. И, должно быть, вытирал пот» [2,243].

Таким образом, одним из активных стилиобразующих средств в повести являются различные виды повторов. Все они, воздействуя на сознание и подсознание читателя, формируют выразительный и легко узнаваемый идиостиль Токаревой.

Узнаваемость ее стиля обеспечивают также, на наш взгляд, короткие предложения и парцеллированные конструкции.

Лаконичность конструкций свойственна, во-первых, речи персонажей, что вполне естественно в бытовых ситуациях общения, в диалогах. Например, последний диалог Марины и Рустама:

- Ты ничего не меняй, ладно? – вдруг попросил Рустам. – Я к тебе вернусь.
- Когда?
- Не знаю. Не хочу врать.
- И то дело... - усмехнулась Марина. Раньше он врал всегда [2,243].

Нераспространенные или распространенные небольшим количеством второстепенных членов предложения используются для передачи внутренней речи героев, причем активны формы несобственно-прямой речи: «Володька приблизился – коротенький, широкоплечий, как краб. Не Борис, конечно. Но и не урод. Почему бы не потанцевать? Мог бы и сам подойти» [2,154]. «Учитель – это всегда хорошо. Почетно и сытно» [2,154].

Короткие предложения применяются в речи автора, который, стремясь к лаконичности, нередко достигает афористичности фраз: «Но не хлебом единым

жив человек. Особенно в молодые годы» [2,159]. «Говорят, нелюбимые плохо пахнут. А любимые – благоухают. Взаимное тяготение скрыто в запахах. Как у собак. Просто люди об этом не догадываются» [2,159].

Приведенные примеры позволяют убедиться в том, что Токарева регулярно употребляет также парцелляцию, которая выделяет фрагменты предложения, придавая им дополнительную смысловую и стилистическую значимость.

Таким образом, в повести «Своя правда» нами были выявлены языковые черты, характеризующие стиль этого произведения Виктории Токаревой. Обращение к другим ее повестям, рассказам и романам убеждает нас в том, что метафоричность, обилие сравнительных оборотов, повторов, а также парцелированных конструкций являются особенностями, свойственными идиостилю Токаревой в целом.

Список литературы

5. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 630 с.

6. Токарева В.С. Птица счастья. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О ПАВЛЕ АПОЛЛОНОВИЧЕ СЕРГЕЕВЕ

Мясников Г.Ф., Сысуева Р.П.

Лингвистическая и педагогическая деятельность Павла Аполлоновича
Сергеева (1910 –1989) 4

Чигасова Л.П.

Памяти отца Павла Аполлоновича Сергеева 7

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Владельщиков Ю.В.

Из наблюдений над именами собственными в памятниках Зауральской
деловой письменности XVIII – I пол. XIX вв. (по данным ГАКО)..... 8

Гаева Е.В.

Об опечатках в произведениях Н.С. Лескова 13

Гаева Е.В.

Цвет как символ..... 20

Иванова Е.Е., Антипина О.Д.

Речетворческая деятельность В. Пелевина..... 25

Иванова Е.Е.

Языковые средства оценки правительства в СМИ 34

Кувалина С.С.

Индивидуально-авторское в речевом этикете А.П. Чехова..... 38

Ротанова Н.М.

Использование прецедентных текстов для создания образа
(на материале сравнений в романах о дозорах С.В. Лукьяненко) 48

Ротанова Н.М.

Устойчивые сравнения как отражение языковой картины мира
(на материале романов о дозорах С.В. Лукьяненко) 54

Статина Н.В.

Метрическая книга 1887 года Флоро-Лаврской церкви села
Белоярского Челябинского уезда Оренбургской губернии как
памятник письменности конца XIX века..... 59

Сысуева Р.П.

Ревизская сказка 1858 года о государственных крестьянах деревни
Куимовой Усть-Суерской волости Курганского округа Тобольской
губернии как лингвистический источник..... 62

Сысуева Р.П.

Ревизская сказка тысяча восемь соть пятьдесят восьмого года.
Апрѣля двадцать седьмаго дня. Тобольской губернии Курганскаго
округа Усть-Суерской волости деревни Куимовой. О состоящихъ
въ оной мужеска и женска пола государственныхъ крестьянахъ
(публикация) 67

Филистеева О.В.

Языковые особенности заголовков статей женских журналов 81

Черницына С.А., Горлова Н.В.

Комическая перифраза М. Веллера в «Легендах Невского проспекта» 85

Черницына С.А.	
Роль топонимов в формировании интереса к родному краю	89
Шушарина И.А.	
Русско-польские параллели: к вопросу о падении редуцированных	93
Щурова И.В.	
Повторы в произведениях Евгения Гришковца (на материале сборника «Следы на мне»)	100
Щурова И.В.	
Языковые особенности прозы Виктории Токаревой.....	110

Научное издание

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**
Сборник научных трудов

Выпуск 3

Редактор Н.М. Кокина

Подписано к печати	Формат 60x84 1/16	Бумага тип № 1
Печать трафаретная	Усл.печ.л. 7,50	Уч.-изд. л. 7,50
Заказ	Тираж	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.